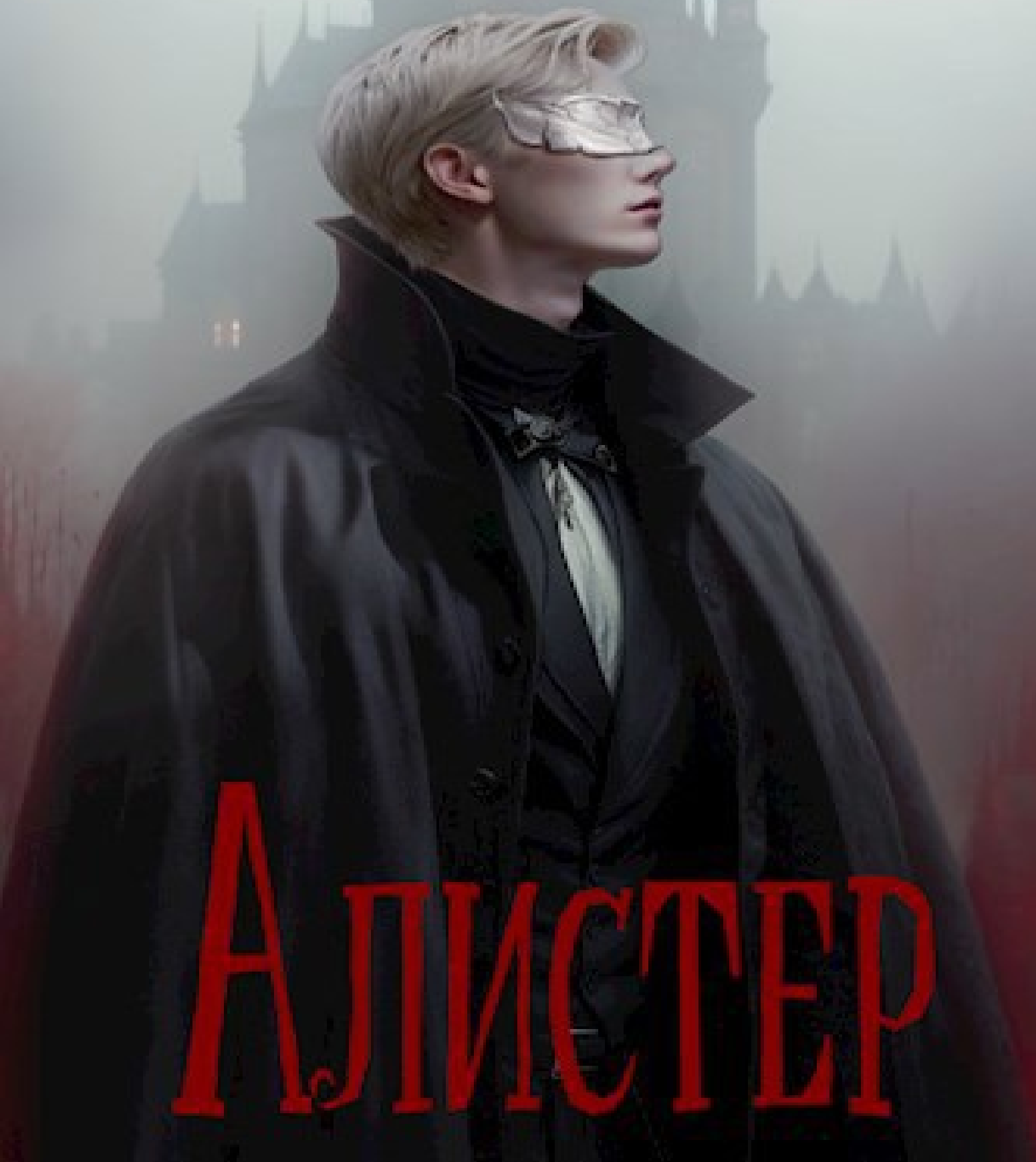

Гори Вива

АЛИСТЕР

Мы Проводники, в Тихом мире мы не стоим ни гроша, а в своём родном Мраке лишь влачим жалкое существование. Некие куклы, позволяющие живым управлять нами. Работа такая. Проводники следят за людьми в их последний день жизни и помогают избавиться от боли психологической и физической тем, кто заслужил этого.

Я вижу живых каждый день, что плохо сказывается на мне. Я получаю нагоняй от начальства и расплачиваюсь за эксперименты с "Великим" сводом правил! Пока я гуляю по старому замку, меня поджидает наказание, которое является решающим, смогу ли я и дальше быть Проводником. А другого у меня нет. Только звание и плащ фокусника.

Пролог

Один мой клиент однажды сказал, что моё имя означает «Защитник человечества», и только после этого странного признания полностью доверился мне, аргументировав это тем, что я не причиню ему вреда, ибо не живу больше и не посмею вмешиваться в мир сущий.

А всё-таки он был глупым, чрезвычайно глупым человеком, раз отозвался обо мне в таком ключе и остался за своим рабочим столом, с нетронутой рюмкой джина, со страхом в глазах, растерянный, старый, одинокий. Он боялся пошевелиться, тихо постанывая, пока жаркое до удушья пламя пожирало его ноги. Помню, по лицу его текла слеза.

Но знайте, что я не виновник пожара, я никак не повлиял ни на того мужчину, ни на любого другого своего клиента.

Как всегда, я лишь облегчил ему участь. Это произошло быстро, что наверняка он не понял моих намерений.

А всё же холодно было той ночью, кожу покалывало от мороза. Хорошо, что на меня это ни капли не влияет. И то, пусть помирает себе, виноват я, что ли?

Ниигата, Япония. Не знал, что появлюсь здесь вновь. Хотя и то неудивительно, ведь я даже не возьмусь за дело подсчитывать самоубийства и смерти в Японии: мне целой жизни не хватит. Да, моей жизни, казалось бы, бесконечной самой по себе. Твёрдо могу утверждать, что я вечен и отчасти уязвим, владею огромной силой, которая и есть мои ограничения, умею творить прекрасные вещи, что недооценивают живые, потому что просто не видят, и имею маленькую цену для всего земного шара. Мне нельзя думать, а значит, я не сохраняюсь ни в одной живой или мёртвой памяти.

Ниигата славится своим рисом и саке, высококачественном в высшей степени. Климат в городе всегда радует тело мягким теплым ветром, что колыхает полы моего чёрного длинного пальто. Я слышу, как каблуки моих туфель стучат о тротуар моста Бандай, что больше никто вокруг меня этого не способен сделать. Я подмечаю каждое их движение, каждый немой взгляд, а они, как солдатики, идут лишь в одном направлении с ничего не выражающими лицами. И я очень благодарен, что они меня не замечают: увидят — схватятся за сердце.

Высотки, высотки, высотки... Они заслоняют вид на другие высотки, ничем не отличающиеся друг от друга, абсолютно ничем. Я всегда удивлялся, как они, японцы, перебираются через множество дорог-лабиринтов меж высоких зданий, закрывающим им путь к отступлению, но если быть до конца честным, то это немного пугает. Они как муравьи в огромном муравейнике. Все чем-то заняты, никто не смеет стоять столбом, без дела, без элементарного направления. Здешние люди, скорее всего, ходят, точно, не на муравьёв, — извините за поспешное наблюдение, — а на роботов.

Я иду по мосту на юг от реки Синано, где познакомлюсь с действительно интересным человеком. Я не сомневаюсь, что он поразит меня, потому что каждый мой клиент чуть-чуть не имеет сходство со среднестатистической посредственностью человеческого ума, они совсем другие: рискованные, отчаянные, помешанные, порой попадают излишне умные. Моё существование без них — ничто, а их — спокойные секунды из ряда многих, но особенно необходимые, что я и даю им, подняв руки вверх, как истинный преступник.

Я работаю, то есть помогаю только таким людям, которые с самого начала или в конце поставленного срока потерялись внутри себя в беспомощности, растерянности, незнании, что являются отправной точкой к поспешным поступкам да глупым решениям. Когда я стал Проводником, я часто раздумывал, задавался разными вопросами по поводу: почему же люди настолько быстро теряют самоконтроль? Что мешает им собраться и действовать прямо сейчас, не выжидая никаких знаков свыше, за что они принимают голос божий? Они, право, удивительные в своей натуре и невероятно зависимые. И если уж возвращаться к вышеперечисленным вопросам, то ответом может послужить лишь их самая настоящая натура. Они рождаются либо рыдающими, либо мёртвыми. Выбор небольшой на самом-то деле.

Саму их психологию можно переворачивать вверх тормашками, ничего не изменится. Люди такие запутанные, непонятные, что иногда в дрожь бросают. А порой мне кажется, что я не тем делом занимаюсь, я совершенно лишний в их обществе. Есть двуличные и открытые, добродушные и завистливые, а там дальше до бесконечности. Чтоб перечислись все людские качества, появляется похожая по трудности проблема и со смертностью в

Японии: жизнь так коротка, не хватает же!

Однако ещё огромное множество вопросов встаёт на моём пути, на которые мне как-то неохотно отчасти отвечают, но по большей степени — простецкими намёками. Сначала я как-то и не интересовался больно. Это пришло с возрастом. Годы мои неумолимо тянутся и гнутся под срывающейся нервной психикой окружающих, и меня, если не таить, невозможно ею сломать. Это было бы похоже на страстного книголюба, рвущего по кусочкам любимый роман. Варварство в высшей степени этого слова!

Так и со мной. Вокруг вечно будут рамки, не дающие покоя, свободы, настоящего мира, как и эти высотки. Но я не жалуясь, вовсе нет, и вижу, что жителей этой страны тоже всё устраивает. Я пожимаю плечами, наконец оказавшись на южном берегу, и молю весь этот муравейник, чтобы я ни с кем не столкнулся. Не люблю знакомых, знаете ли. Особенно, если они не в курсе, кто вы. В итоге целый анекдот получится!

Во время первого прибытия в Ниигату у меня было мало времени, чтоб осмотреться в городе, полюбоваться видами с крыш одного из многочисленных домов, не нашлось возможности проникнуться местным колоритом. Жаль, что не весна нынче: сакура мне больно по душе.

Пытаясь не столкнуться с прохожими и выскакивающими за поворотом машинами, пробираюсь по улице, теснясь со зданиями, лишь бы не задеть невинного представителя человеческой расы. Я могу довести до инфаркта, работа такая, но сейчас я бы воздержался.

Второй облик проводника означает, что меня могут коснуться, потрогать, ощупать, но в то же время, что я невидим для людей, это облегчает мне жизнь. Никто не слышит меня. Я как чистое стекло в воде, чёрная надпись на чёрном стенде, незначительная иголочка на ели из нескольких миллионов других. Но иногда так и хочется обратить на себя внимание в этом облике, ведь не каждый день увидишь, как из-за одной твоей маленькой оплошности страдает другой. И, как чёрная надпись, меня однажды прочитают; как стекло — вынут; как игла — выдернут. Я просто ещё одно необычное нечто, которое создал кто-то по счастливой случайности или чисто нарочито, и нам от этого ни холодно ни жарко, потому что не в силах подумать о другой жизни в неизвестном доселе теле.

И, находясь во втором облике, у меня нет элементарной возможности наткнуться на кого-либо. Может быть, случайный прохожий просто не обратит внимания на то, как к нему прикасается «воздух» или «ветерок». Однако мне не нравится сравнивать себя с каким-то воздухом. Абсурд какой-то! Я стою большего. Не нуждаюсь я в кислороде. Больно мне он сдался. И если клиенты замечают на мне нос, то это ради них же. Нельзя тревожить, открывать что-то новое людишкам, а иначе они смогут натворить целую телегу проблем: испугаются — попадут в психиатрическую больницу, расскажут друзьям — та же ситуация, не поверят — допустят огромное упущение, осмелятся заговорить со мной — поверят, что в мире есть поистине доброжелательные незнакомцы, знающие правила хорошего тона. И всё это за ничтожные две минуты, конечно, в зависимости от важности этого человека отдельно для меня.

И очень жаль, что доброжелательности и помощи ближнему становится всё меньше и меньше. По-моему, именно поэтому мир теряет былой окрас, ту изюминку, которая делает из человека гражданина. Жаль, я значу для мира не более чем сгущающиеся тучи. Пойдёт дождь, или начнётся гром, а жители не предпримут ничего, чтобы остановить явление природы.

И как в той ситуации, так и в этой я — мелочь.

Вижу, как мужчина пожилых лет выбирает более свободную тропу, чтобы выгулять свою собаку. Поводок он держит не очень-то крепко, что неудивительно, ведь питомец и не собирается сбегать. Возможно, на лице старика проявился намёк на улыбку. Он не спеша, шаг за шагом мерил границы тротуара. Вроде бы всё прекрасно, но мне в это просто-напросто не вериться. Я привык говорить хоть и недостаточно мудрые, но верные слова: подвох всегда и везде, без него никуда. И я снова оказался прав.

Мужчина, покопавшись в кармане, случайно обронил кошелёк. Сначала он растерянно огляделся по сторонам, стараясь терпеливым молчанием не тревожить куда-то вечно спешащих работающих, после заметно опустил плечи и решился всё-таки поднять кошелёк, что не давала ему сделать возмущённая остановкой собака. Он протянул свою худосочную руку вниз, напрягшись всем телом. У него не было опоры, например, трости, а мужчина не переставал силиться. На него обратил внимание мальчишка, что чуть было ни ринулся на помощь старику, как его утянула за собою мать, которая плевать хотела на всё и вся, лишь бы её ненаглядный сынишка не занимался благотворительностью.

В итоге мужчина грузно упал, натужно вставая обратно на ноги и подбирая кошелёк.

Никто не подошёл. Все лишь смотрели. Как и я, но на это у меня была важная причина, как бы убого это ни звучало.

Пока всё сравнительно хорошо, и идти мне осталось совсем мало.

А кстати, делаю поправочку. В Ниигате, по сравнению с другими городами Страны Восходящего Солнца, не так уж и много их, этих высоток. Я вижу в щёлке между длинной балкой фонаря и магазинчиком с большой красной вывеской много зелёного цвета. Где-то вдалеке его очень много, а ещё дальше чистый голубой. Вверху неровная полоска, обозначающая границы горы меж необъятным небом.

Я подрываюсь с места, ибо на меня чуть не вылился поток школьников, которые, как верные учащиеся, не пропускают шанса посетить храм знаний даже в воскресенье. Или же я перепутал, и они «по-тихому» возвращаются с ночной попойки.

Да, попойка. Одна шатается, парень, у которого помятые брюки, чуть не навернулся о тротуар, друзья и то приемлемо держатся. Хотя нет, тот, что слева, проверяет у горла пульс.

Так как сейчас утро, мне посчастливилось узреть много прохожих, и все оказались как на одно лицо. Но мне ли не знать, что случается с Японией, стоит солнцу опуститься. Это даже не начало. Тут происходит даже как и с самой Страной Восходящего Солнца: оно падает, предположительно красивая картинка безразличия и всеобщего послушания, ведения жизни — это всё затмевает, как оказывается, коллективное пьянство со своим начальником да проституция. Минутами ранее я смотрел на всех этих потерянных людей, выявлял их эмоции, издали предугадывал, куда они повернут, где оступятся, и думал о том, что они люди подневольные.

Меня это не касается.

Сворачиваю в какой уже по счёту раз, пока не оказываюсь в тихом районе. Здесь намного меньше встретилось мною людей, однако Японией будто завладели оковы суеты и плотной тяжести, и невозможно оторвать это место, так же как и хорошо видневшиеся зелёные поля впереди, от общей массы.

Положив руку в карман жилетки и коснувшись находящегося внутри предмета, можно понять, стоя у одной из дверей, что клиент ждёт меня прямо внутри на пять этажей выше. Это моя, так скажем, эксклюзивная карта, единственная в своём роде. А что, даже у «ничего» припрятаны кое-какие тайны.

Чтобы войти в подъезд, нужно приложить ключ в пульт управления в выглядывающем из земли постаменте. Извините, но тут больше не ко мне. И я ждал на улице до того момента, пока из дома не вышла женщина, очень прилично одетая. Она тоже куда-то побежала, спешно копясь в сумке. Я, конечно же, не упустил шанса и вошёл в подъезд, мельком взглянув на почтовые ящики да на излюбленные всеми жителями лифты. Это тоже не ко мне сейчас относится.

Дойдя всего-то до пятого этажа, я позволил себе постучать в дверь. Раньше я делал это под свой страх и риск, но к этому времени довольно привык, что люди тебе по-хорошему не откроют.

Знаете, я подумал о том, что если я не окажусь лицом к лицу с моим клиентом, то это будет в высшей степени разочаровывающе, ведь первая секунда в живых глазах рассказывает нам поистине многое об их носителе. Вот и сегодня не хочется показаться бестактным, однако я уже постучал в дверь, значит, нет выхода назад. Как и ожидалось, в общем-то. В один миг в кармане исчезла вибрация, быстро, резко, с чего и начинается бессчётное множество человеческих историй, связанных непосредственно лишь со мной. Кажется мне, именно эта понравится мне более всех.

В замочной скважине что-то звенит.

Отворяется.

В поле зрения сверху вниз опускаются светлые пряди чёлки, и я не утруждаю себя опускать взгляд, поняв, что стопроцентно материален. Это чувство вроде и мимолётное, но своё тело я ощущаю всегда чуть-чуть по-разному. Оно само по себе необычно и каплю приятно, если, разумеется, не вдаваться в подробности всех метаморфоз.

На меня смотрел простой японский мальчик с удивительно красивым уголком глаз лет пятнадцати или шестнадцати, не обессудь, он чуть было не захлопнул дверь, как я одним движением придержал её рукою, непринуждённо улыбаясь. Тот в непонимании устремил на меня злобный взгляд, вняв, что силы наши не равны. Он сдался, скрестив руки у груди и стоя смиренно, как бы они и есть его защита. Мы сошлись во мнении друг о друге, и начал я своё приветствие:

— Приветствую, Куросава Рю. Меня зовут Алистер, и я ваш Проводник. Приятно познакомиться.

Это были легендарные слова, с которыми я живу день изо дня уже два столетия с небольшим.

Поклон вышел достаточно сдержанным, приемлемым для того, что я всё ещё придерживаю дверь, лишь бы она не захлопнулась предо мной, лишая меня возможности перекинуться парой словечек с клиентом. И, похоже, тот передумал насчёт этого и отошёл на шаг, снова скрещивая руки. Это был явно знак. Я пошёл вперёд.

— Стойте, — вовремя вмешался в мои умозаключения парень. — Кто вы такой, вы уже сказали, значит, будет глупо переспрашивать, но меня всё равно это не устраивает, — он прошёлся по моим светлым волосам и точно обратил внимание на белую маску, прикрывающую только глаза на манер элемента маскарадного костюма. — В психиатрической больнице вас примут с распростёртыми объятиями, но сначала отберут её, — взглядом показал на маску. — Откуда у вас моё имя? — произнёс серьёзно, прямо как истинный взрослый.

У него имелся зоркий взгляд, я бы добавил, почти огнестрельный. Я начинаю понимать, почему ему безразличен мой приход, что бы он там ни говорил. А под глазами серые круги,

косточки на запястьях выпирали выразительней дозволенного. Рю хоть и смотрел на меня, я бы предпочёл обойтись без этой апатии. Впрочем, всё рождается со временем.

Первоначальный вывод у меня складывается такой, что с ним нужен особый подход.

— Я не могу его не знать. Извините, это моя обязанность. Ну, это так, моё предположение. Если вы, Рю, не возражаете...

— Куросава, — метко поправил он.

— Куросава, да. Если вы не возражаете, то я посмею вторгнуться к вам. Извините за то, что не предупредил заранее. Искренне прошу прощения, глубочайше.

Пользуясь притворным замешательством Рю, я наконец пересёк порог квартиры, подмечая, что он в эту минуту не возражал насчёт моего поведения. Это всё ради работы, иначе я самый галантный Проводник, которого может встретить человек, не дай бог, конечно.

А всё-таки паренёк просверливает во мне дырку. Остаётся очень захотеть, и всё получится.

— Спросите меня ещё о чём-нибудь, и вы, узнав обо мне побольше, примите мою новость, с которой я пришёл повидаться с вами, не настолько резко, чем того следует. Не в моей компетенции ломать психику молодого дитя.

— Просто говорите, раз я вас пропустил. Пользуйтесь моментом. — А слышным шёпотом: — Вас бы это всё равно не остановило.

— Поверьте мне. И... позвольте перейти на «ты», я всем сердцем желаю, чтобы вы провели этот день в приятной обстановке и компании.

— Ладно, — он сказал это неоднозначно, будто не доверяет мне. Вены на тыльной стороне ладони от незначительного движения выпирали более чётко. — Спорить с тобой бесполезно. Тогда зачем тебе маска? Вот мой вопрос.

Он попробовал поспорить?

Я был застигнут врасплох. Обычно, мне задавали совершенно другие вопросы, например: Кто ты такой? Что вам нужно? Моя смерть с косой? А из-за Рю эта цепочка риторических загадок разорвалась, выстраиваемая годами. Не скрою, также я участвовал в беседе с учителями, учёными, образованными людьми, бизнесменами, однако крайне занятно услышать этакое слова в семьдесят трёхтысячный шестьдесят девятый раз. Просто некоторым требовалось значительно больше времени, с целью привыкнуть к виду простого человека и я даже не издеваюсь.

На меня всегда так пялятся, словно для них это несвойственно. Все принимают меня за нечто диковинное. Иногда даже сомневаюсь, что странным являюсь именно я. И это подталкивает на мысли: разве не лучше отвергать обыденность, ежели на волоске от падения в серость? По моим многочисленным наблюдениям — да, обыденность — это то, что спасает образ жизни и спокойный уклад любого — хоть на денёчек — индивида.

Серости и вправду много, но в этом и заключается абсолютно всё, что связано с ними. Не верю в то, что, родившись в месте с красивым видом и тому подобным, в душе кипит. Как представлю, дальнейшая картинка зверски размазана.

Они привыкли подставлять на моё место того, кого или чего им не хватает для большего счастья да угнетения. Я согласен, ибо сам не приложил к этому свою руку. Меня не за что винить.

И весь этот монолог я прокрутил в голове за секунды две, удачно не меняя выражения лица, выдавая что-то совершенно отличное от моих грёз.

— Она мне нужна для вашей, людской, безопасности, — и натянул полуулыбку.

По крайней мере, мальчишка остался недоволен. Он упёр руки в боки, хмурясь, на что я подарил ему свою полную улыбку.

— Надеюсь, мы сблизились, — я всем сердцем верил, что так и есть. Воодушевление схватило меня и не собиралось отпускать в одинокое плавание.

Только посмотрите на Рю, ещё чуть-чуть и мы станем совсем-совсем друзьями.

— Ты издеваешься?.. — на миг он обернулся к окну.

— Почему же? — теперь не понял я. — Итак, — достал карманные часы и отсчитал нужное время. Идеально. Ровно восемь часов. — Пришло время поведать тебе о, — с харизмой со всё теле и лице приложил кончики пальцев левой руки к груди, — пренеприятнейшем известии. Тебе остался ровно день, сутки, двадцать четыре часа, как тебе угодно, до окончания прелестного существования!

Вот бы барабанную дробь.

— На что? — как же я упиваюсь этими эмоциями.

— На жизнь! — и распахнул руку.

Эти моменты самые драгоценные в моей памяти. Сообщать клиентам, что им остался всего день пожить, подышать загрязнённым воздухом, увидеться с родными, если они вообще существуют, принять свои грехи или угробить эту замечательную возможность, для меня было самым что ни на есть цимусом высокой должности в моей сфере. Всегда представляю, что на фоне играет трагичная мелодия на органе. Обожаю орган. Как-то раз...

— Точно психушка...

— Я не вру, Куросава. Хочешь, мы через двадцать три часа и пятьдесят восемь минут проверим? — я нагнулся и осмотрел лицо Рю снизу вверх, как он отстранился, непринуждённо смахивая чёлку. — А это что?

На столе лежали раскрытый рюкзак и сумка для ноутбука.

— Куда-то собираемся? Я с тобой.

— Нет-нет-нет. Ты останешься... ты, во-первых, уйдёшь сейчас же, а во-вторых, пойдёшь по адресу, который я тебе дам.

Обычно, как мы все имеем честь знать, в Японии принято «выкатать», и мне стало самую малость обидно, что меня понижают в человеческой иерархии. Есть предположение, что он и за человека меня не принимает. Что за умный юноша. И не колеблется, всё по делу.

— Позвольте, моя очередь. Во-первых, я Проводник и должен до конца выполнять свой долг, находясь рядом с тобой, всегда и везде. И во-вторых, — буквально оторвал из рук клиента листочек с адресом. Почерк оказался почти каллиграфическим, — моё почтение. Не дождёшься, меня туда не возьмут. Наоборот, они сойдут с ума, когда увидят такого красивого иностранца. Меня ведь даже не вспомнят.

Вы наверняка уже догадались, куда вёл тот адрес.

— Причина?

Рю старается делать вид, что я ему небезразличен, раз устроил визит без приглашения, не имея на это никаких прав. Я чужой потому что. Но одновременно с этим тот самый огнестрельный взгляд даёт понять, что у него это не выходит. Как сказал бы Станиславский: «Не верю». По крайней мере, я был на его постановке. На следующий день в газете написали, что бедного человека нашли в кресле без признаков жизни с иглой у артерии. Он умирал долго и мучительно.

И главный посыл моей кратенькой истории: соседнее с ним место было пустым.

— Открою тебе маленький секрет: через две минуты, как любой другой меня увидит, кроме клиента, обо мне забудет. И после суток о моём существовании никто не вспомнит, — я развёл руки в стороны. — Камеры, на которые я попаду, сотрут меня. Но тут тоже есть некие тонкости. Если я захочу, человек будет помнить странного мужчину в маске столько, сколько надо именно ему.

Надеюсь, я правильно изъясняюсь.

— От тебя будет сложно отвязаться, — Рю теперь уже окончательно отвернулся от меня, чтобы собрать вещи.

Очень правильно.

А ведь даже не пытается притвориться, что уважает старшего.

— В любом случае я обязан буду пойти с тобой, Куросава, — я учтиво поклонился и откланялся, оставляя его с самим собой.

Рю не хотел знать, что со мной и куда я направился. Особо здесь не было где развернуться, свободно пройтись, вдобавок и он прибавил уголёк в мой камин интересов, напоследок оглянувшись вслед за мной. Это было не просто так, уж я-то разбираюсь. Ну что ж, оставим Куросаву в недолгом одиночестве, подросткам это в наше время необходимо.

Я тихонько зашёл в смежную комнату, спальню, но не углублялся в поисках. Потом в следующую, но и там ничего не обнаружилось. Хм, японцы овладели всеми прелестями минимализма, но порой это уже чересчур. Мне нужна всего одна вещь. Я не уверен в том, что Рю сам подойдёт ко мне с семейным фотоальбомом (если он есть) и покажет, что да как. Мне бы минимум фотографию, на которой изображён Рю, но рыться в чужих вещах — верх неприличия. Я бы предпочёл не нервировать его, а вдруг плохо закончится? Знаете, следовать за тем, с кем вы в ссоре, не очень комфортно и тому, и Проводнику.

Фотографии клиентов помогают увидеть, в какой обстановке было сделано фото, что они делали перед щелчком фотоаппарата, как вели себя, но не после. А загвоздка в том, что умею я «читать» исключительно печатные фотографии, что больно не распространено во внушительном списке стран и городов. Дай бог в паспорт заглянуть.

Я бросаю это дело и иду к моему ненаглядному компаньону.

Но из его комнаты доносится шёпот. И с последними словами «Ты пока отдохни, мы скоро» я понял, что следует вернуться. Не в то время я ушёл, совсем не в то.

Рюкзак уже был на нём, а сумку он набросил на плечо, с ожиданием и непонятной для меня нервозностью воззрился на пришедшего. Рю выдал что-то по типу насмешки, сдержанной такой, едкой, и бросил мне связку ключей, проходя к выходу.

— Если ты можешь делать так, как хочешь, то понравься моей бабушке. И дверь не забудь закрыть, — Рю похлопал по моему плечу, ощупывая после пальцы, всё-таки убедившись, что от меня так просто не отвяжешься.

А что, я предпочитаю сложности больше сидения у больничной койки. Я пошёл напрямик за Куросавой, готовясь к новому контакту с внешним миром и, конечно же, заперев на ключ дверь.

Глава 2

Добравшись до автобуса (не без неудач, со мной связанных), Рю постоянно оборачивался ко мне — ибо я шёл сзади, — а затем сразу ровнялся на дороге, ругавшись поистине в духе джентльмена. Не знаю, что я бы делал, если бы за мной кто-нибудь плёлся. Так, бывает, сложно замести следы, в том числе и мне, Проводнику с многолетним, внушительным, бесценным опытом! Но если вылишь всю воду, то я бы в такой ситуации остановился, подошёл к виновнику моих тревог и поравнялся под руку, представившись, как бы снимая шляпу, наконец похвалив, какое у него богатое облачение в столь трудные времена. Ну, дальше дело настанет за ним. Сейчас мало кто вот так может подойти к человеку и поболтать о минувшем или грядущем. Я пробую подобное эпизодически, не сильно надейтесь на меня.

Я вроде вызываю в Рю отрицательные эмоции, но когда просто поглядываю за ним украдкой, он спокоен как удав. Он будто даже не двигается, не дышит, и так проходят два часа, в которые приходится притвориться спящим, слыша все шорохи во всём автобусе, а главное — Куросавены вздохи и шорканья. Уверен, если бы представилась возможность, он бы бессовестно ушёл. Наверно, не надо его предупреждать о том, что я его в любом случае найду, а то как-то жутковато получится, напугаю небось мальчика.

Признаюсь, встреча моя с ним понравилась сильнее прочих: никаких истерик, никаких скандалов, угрызений совести, библий да мстительной улыбки. Да-да, и этого достаточно в моём портфолио. Имеются часы, приводящие меня к объекту собственных интересов, и в случае, когда будем слишком далеко друг от друга, в роковые минуты я моментально появляюсь у того перед носом, как по щелчку пальцев, как ток в розетке, подключённой к сети.

Проблема в том заключается, что тот самый момент нельзя опускать. Человек тогда более уязвим, и он должен находиться под моим полным контролем, ведь со временем также присутствуют неполадки. Мне нужно вмиг среагировать и — самое главное — вникнуть в суть происходящего. Мысли не читаю, значит, остаётся полагаться на собственные силы, высасывающие из меня... как бы это назвать? Слов никак не подберу. Ну ничего, это не имеет ни малейшего значения. Я всего лишь тот, кому не безразлично то, как люди совершают ошибки. Я не правлю их, ни в коем случае, впрочем, сделанного не воротишь. Я по привычке ухожу в сторонку или, бывает, позволяю себе прогуляться по местности, какая бы она ни была: то ли километровая свалка, то ли мрачная Франция девятнадцатого века да её до невозможности грязные улицы.

Ещё вначале во мне теплилась надежда, что мой клиент окажется кем-то другим, чтобы удвоить своё внимание на его действиях. Кажись, и получу ещё одну интригующую историю в копилочку, опыт, который помогает мне все двести лет верой и правдой, и, надеюсь, я не допускаю ошибок, а не то от Виктора получу. Он как никто другой умеет следить, подглядывать, но сидит в своём убежище отшельником и не показывается мне четвертую часть века. Он, можно сказать, мой начальник, Прародитель, если быть точным.

И не удивительно; чтобы проверять всех Проводников, нужно быть начальным образцом меня и таких, как я.

Например, я отлично вижу, что на меня поглядывает мой коллега с той секунды, как вошёл вместе с Рю. Он вон там, сзади.

Хм, весело, очень даже.

Именно потому, как он себя ведёт, можно дать ему приблизительную характеристику. По правилам подразделяют Проводников на три типа.

Первый. На ранней стадии, то есть с начала своего становления они ведут себя, как глина, статуя больше, чем многие другие, выходят из кожи вон, чтобы не упустить из виду своего клиента, оглядываясь по сторонам, проверяя, не нужна ли ему защита. Они ещё, как истинные матери, пекутся о своём человеке. Не знаю, это либо из-за того, что те хватаются за живое существо, тёплое, красивое, либо стараются. Да, просто стараются и всё, тут и без того достаточно особенностей, но, надеюсь, понятно, что не для меня. В принципе, я так тоже делал. Ну а что, с того мало что изменилось. Первый тип я ещё называю Ранними.

Второй. Это относится к тем, кто чуть старше. Элементарно, я заметил, но логика-то присутствует железная. Но есть также одно но, что отличает их от двух остальных, почему второй отпадает из списка моих любимых: они стремятся понравиться Виктору. В общем, хорошо выполняют поставленную им задачу без запинки и без задоринки. Боятся экспериментировать, но вникают в систему мира и ведение жизни людей, а зовут их Рядовыми.

Третий. Они являются старшими, а значит, самыми опытными, они знающие служащие и лучше всех выполняют свой долг. За ними не нужна слежка, но когда третьи позволяют себе те самые эксперименты, то бишь нарушение прошлых отношений клиента с его окружением или, например, неприемлемое поведение, его устраняют. Как и всем старшим, им следует быть осторожными, тактичными, вежливыми, и бесконечные положительные прилагательные, из которых можно-таки составить идеальную характеристику. А имя им — Зрячие.

А этот Проводник Ранний.

Он хоть и первый тип, но больно уж себя выдаёт. Я, на котором маска, привлекаю к себе меньше внимания, чем его трясущаяся рука. Отдаю должное (не ему), что в конце миссии его беспрецедентно забудут, но вот сейчас это совсем не на руку. Ранний тянется к переднему сидению дрожащей рукою, пальцы лихорадочно взметались из стороны в сторону. Соседнее кресло было свободным, понятно почему. Чувство, что он потерял связь со своим телом. На ранних стадиях много чело может произойти, но связка с физическим телом является главным фактором нашей деятельности в данном мире, Тихом.

Он уже почти нависает над бедным человеком, что и не подозревает, какая участь скоро ему выпадет.

К тому же это не просто человек, это его клиент.

Что он творит вообще?..

— Кхм-кхм! — я вскочил с места и откашлялся для виду — тот отпустил плечи. — Боже, извините, сердечно, — хватаюсь за сердце и в извинении раскланиваюсь, чем получаю немного осуждающий, косой взор от Куросавы, притворяющимся со мной незнакомым. Но коли пассажиры вняли моё раскаяние, извинился ещё раз для верности и прошёл к Проводнику, устраиваясь рядом.

Кстати, мне очень приятно, что дети в автобусе на меня смотрят с крайним интересом. Даже если в маске дело, я всё равно крайне доволен, ибо она часть меня.

Ну что ж, возвращаемся к Раннему. Я протягиваю ему руку, сняв перчатку.

— Как же ты долго не появлялся, Мартин, — с умеренной громкостью, позволенной для столь людного места, приветствую Мартина, если он вообще Мартин.

— Здравствуйте, но мы же не...

Но это не оправдывает того факта, что ты пожал её. Я тяну его на себя, с безобидной угрозой шепча на ухо:

— Эта девушка в полной безопасности, и ты сам об этом прекрасно знаешь, — я имею в виду ту, к которой он тянулся. К счастью для меня, он расслабился, однако глаза его не переставали мерить потолок. Погодите, он не отрицает, что его зовут Мартин. Теперь я имею полное право это так называть. — Молодец, — более удовлетворительно. — Я могу тебя отпустить? Отвечай, и, пожалуйста, внятно. Это обязательно. Давай.

Я совершенно серьёзно отношусь с таким ситуациям. Мы не люди, получается, мы гораздо непредсказуемы, чем они. И приходится нам справляться в одиночку, что бы ни произошло и с физической точки зрения, и с духовной.

Ранний будто готовился к тому, чтобы выдавить из себя минимум, потому что максимум он свой либо использовал, либо решил оставить напоследок. Он полностью повернулся ко мне, лицом к лицу. Я заметил, что у Мартина серые глаза да острые скулы, ему шло. Виктор, а ты не лыком шит. Честно, не удивил.

Я схватил того за плечо и коротко улыбнулся. Он уж было не повторил. Ох, я нарушаю закон.

— Да, можете. Со мной скоро всё будет хорошо, — Мартин выполнил свою первостепенную обязанность: произнёс внятно, не заикаясь. — И, кстати, я Ной.

— Простите незнающего, Ной. Надеюсь, — я оглянулся взад-вперёд, — вы поняли, зачем я устроил весь этот концерт.

Думал, он затянется. А Рю к этому моменту наверняка успел забыть о моём существовании. Воспользуемся же этим!

До нашего прибытия ещё час, — который бы я потратил на Рю с полной отдачей, — и у меня появился сговорчивый спутник. По крайней мере, парень сейчас, ожидаемо, не в духе, и подходить к нему — не лучшая идея. Он не захочет слушать меня ни под каким напором. Моя задача не заключается в том, чтобы заставлять клиента открывать душу. Это происходит само по себе, соответственно, я дождусь просветления в молодой головшке, засветится ли она ради меня.

Ах, как неожиданно, всё сводится к тому, что я останусь здесь. В некотором роде это и есть эксперимент, непозволительный Ранним. Если посмотреть, то клиент Ноя никуда не собирается.

Весело получается. Два чудика в одном автобусе сговорились и не собираются взять его штурмом. Нонсенс!

— Это он? — Ной указал на Куросаву. — Твой клиент?

— А ты наблюдательный, я посужу, — выдал я не едкую усмешку. — Алистер, — а теперь пришло время нормально пожать руки, в чём он мне не посмел отказать.

Вообще не принято, чтобы Проводники контактировали под каким-либо предлогом, но мне кажется, что я почему-то обязан сидеть рядом с ним. Предчувствие меня удерживает. И для Раннего Проводника тот слишком уж ярок. Они, по сути, должны вести себя наподобие роботов, твёрдых, бесчувственных, металлических машин, в своём роде быть смазанным механизмом.

Я крайне надеюсь, что это уяснит мой новый сосед.

Если говорить начистую, то нам просто нельзя контактировать. Это является нарушением одного из списка правил Проводников, составленным, разумеется, самим

Виктором. Но, как я уже замечал ранее, мне подвластны эксперименты, с которыми тоже лучше не переборщить. Я просто посижу тут и пригляжу за ним, а то выглядит, как будто барашек выбился из стада. Негоже бросать своих, особенно если «свой» — младший.

Я не поворачивался к нему с той секунды, как произнёс своё имя, а он и не просил ничего говорить. Такое благодатное молчание наступило в автобусе, слышны всего лишь абсолютно все шорохи, шёпот, возня. Не знаю, близко ли мне это, но я бы ответил, что в карете совсем нет света, так что да, в современном транспорте также есть плюсы, но небольшие и совсем чуть-чуть.

Как всегда, я снова оглядываюсь.

Никто не выдавливают из себя ни слова, это первое, что бросается; всем безразличен вид из окна; благодаря мне некоторые дети успокоились, потому что их родители указывали на Ноя и предупреждали, что таким быть нехорошо. Нехорошо, ладно, без прикрас, запрещается. Они непрямым текстом это обсуждали с сидящими рядом бабушками, но в их голосе так и сквозило некое отвращение к незнакомцу. А дети не имели свободы слова и просто закрыли немного приоткрытые рты и больше не поворачивались к нам, лишь украдкой. Их интерес не пропадал к нам до такой степени, что они, не встречая препятствий на пути, вытягивали шеи на коленках у матерей, чтобы просто достать до моей макушки.

Я понимаю, хорошо понимаю, что ходить с «маскарадной» маской нежелательно, но одинаково с этим у всех есть свой выбор, мнение, желание, которые впоследствии будут диктовать вами.

Можете думать, что именно поэтому я разрешаю себе то, чего категорически неприемлемо ни детям, ни Ною. И странностей я в нём почти не вижу, что не вяжется с пассажирами, которые то и дело следуют предписанию, оставшемуся от своих родителей, бабушек с дедушками. Своим предметом на шее они не пользуются, из-за чего ломают себе представление о мире, насилуя это понятие.

Я не хвастаюсь, что знаю больше, на самом деле я не разбираюсь в огромном количестве, — да, количестве — аспектов, что простые людишки как орешки щёлкают. Но они воткнулись в гаджеты, и мне было всё так же одинаково.

Испытывали ли вы такое чувство, что вам безразличны без исключения все и вся: ваши старшие, природа, внешняя среда, еда стала невкусной? Нет? Я — да. Со мной такое происходит повсеместно. Поставьте себя на место, например, облака. Вы плывёте по всему Земному шару, разделяетесь, скапливаетесь, но в чём смысл? Я не про природные явления. Вдумайтесь, каково облаку? Впитайтесь в него, поглядите подольше, что с ним становится на горизонте, прошу, увидите хоть что-нибудь!

Представили? Примерно такое на душе у Ранних, — о нет, я не о себе привёл пример, — как у Ноя. И посмотрим, поведёт ли он себя как настоящий слушатель или зритель, в противном случае я не совсем с чистой душой уйду отсюда.

Пока мы ехали, за окном поменялась картина, что преследовала меня с начала моего визита в Ниигату. Высотки сменились немасштабными постройками, но те как-никак виднелись на горизонте, стало просторней по части свободной территории и на немного опустевшей дороге. Насколько я могу судить по перекрёсткам в центре города, чем ближе мы к Токамати — месту, куда меня решил затащить Рю, — тем меньше построек нас ожидает, и, аналогично, жителей. Однако и то не проверено. Я простой приезжий, действующий по наитию, но судьба распорядилась так, что я никогда не потеряюсь. Топографический кретинизм вообще не про меня.

День за меня рассудил, что встреча с Проводником и необычным клиентом Рю только предисловие, особенная экспозиция.

Я поправляю маску и, как бы опуская глаза, прекрасно вижу, как женщина не позволяет своему ребёнку поднять руку, а затем и вовсе затыкает тому рот, с чистой душой веря, что это единственный способ утихомирить собственное дитя. Он не мычит, не убирает запястье матери, которым она его практически привязала к себе, чтобы тот не посмел убежать. Он и не будет, ведь его учили не показывать так открыто, что ему всего три-четыре года.

На сегодня я был единственным «туристом» или похожим на такового, взрослые люди привыкли к ним, но вот младшие могут принять меня за персонажа из аниме. Лучше уж так, чем бояться, потому что детские впечатления самые сильные, действующие, скорые, внезапные, они ютятся где-то в подкорке и выявляются в похожей обстановке или при виде любого элемента, который идентичен тому, что стало отправной точкой вечного детского впечатления.

Они щепетильны, молодые создания, и чтобы стереть воспоминание, ничто не поможет. Они беззащитны в этом смысле, а потом всё ухудшается: во взрослые годы их преследуют страхи, плохое предчувствие ходит-бродит по пятам, объект замыкается в себе. Конец — одиночество. Прибавим ещё то, что родные умерли, а ты не создал потомство. Настоящие друзья были с тобой, пока ты не стал параноиком; они бесстыдно сбежали, поскольку нет ничего постыдного в том, что ты далёк от ближнего, казалось бы, родного и любимого. Да-да, мы всё ещё про детскую феноменальную память.

Мне интересно, что именно произошло тогда, в детстве с Рю, что его нынешнее поведение настолько отличается от обычного для его-то возраста. Он мне не дал разобраться даже в том, есть ли у него родители. Вторая спальная комната находилась в квартире, что мало о чём мне говорит. У него есть друзья, хорошие знакомые? Или у него хомяк умер, когда ему было пять?

Я не шучу. Но в том и проблема, что от него я не дождусь признания. Мне нужны фотографии, срочно. Время тикает, а спешить я не очень-то люблю.

Вдруг в кармане жилета подрагивает.

О нет, я опоздал. Ну как же так вышло, а?

Ной с улыбкой наблюдал сменяющиеся живые виды, глазами поглощая словно иллюстрации фотоплёнки. У него блестят глаза. Руку он приложил к чистому стеклу, вглядываясь тщательней и плотая. Он поменял положение тела, но мало что изменилось во мне.

— Ной, что вы делаете? — риторически, это прекрасно обусловлено, уверяю. — Перестаньте, быстро.

Он на меня непонимающе воззрился и нахмурил брови, размыкая губы. Он вроде хотел опять выдать что-то наподобие улыбки, но я ему категорически не позволил, скривив уголок губ. Ранним нельзя вести себя подобным образом, иначе такое уже считается либо сбоем, либо аномалией.

— Покажите их до локтя, — это уже было не смешно.

— Хорошо, вы только не сердитесь, — и он поспешил закатить рукава пальто.

Я не мог ждать и сам отдёргнул ткань, неодобрительно хмыкнув. Меня не остановило моё развитое и крайне высокое достоинство нагнуться и стукнуть его по щиколоткам и сапогам. Я попросил его выпрямить спину — всё хорошо.

Этот осмотр мне вообще не понравился. Заиграли нервишки. Дело выходило из-под

контроля.

— Запрокиньте голову.

Смотрели не смотрели на нас сейчас пассажиры, я был готов наплевать на их самоанализ. Если он есть, то проблема эта будет касаться лишь меня.

Ной рефлекторно сглотнул — кадык прорезал линию вдоль горла. Он моргнул.

— Нет... Я не мог ошибиться, — свой же шёпот пробивает изнутри.

— Извините меня, если я что-то не так...

— Ни слова.

Ной, как верная собачка, замолкает, и тут же объявляют конечную остановку. Начинается ленивая возня, я переглядываюсь с Рю, который на мне долго не задерживается.

Я вдавил чуть-чуть пальцы ему в запястье и... Пульс. В этом нет никаких технических ошибок.

Он живой.

Хм, спасибо тебе, кто бы ты ни был, за подставу. Низкий вам поклон.

— Слушай меня, — из меня катился поток трескающегося льда, падающего на Ноя. — Что бы я сейчас ни вытворил, ты будешь молчать и не рыпаться.

Для полной картины ещё пушки и пальца на спусковом крючке не хватает.

Я поравнялся в кресле, поправил, как следует, полы пальто и легонько потянул за края жилета, одним движением аккуратно прошёлся по мягкому изгибу маски, подал пример сделать так же своему попутчику и прождал вдобавок несколько нервную минуту, чтобы утихомириться. Настроение мне нужно в эти мелкие оставшиеся сутки приподнятое, предположим, повешенное, где в петле окажется шея кого-то другого, а не меня. Подышал-подышал и подал себе ничего не значащий знак, непринуждённо взмахнув указательным и средним пальцами в воздухе, грациозно обвив дугу. Потом положил руку на подлокотник.

А затем резко поднял левую и с силой вытянул в том же направлении, попадая прямо по цели — горлу фальшивого Проводника.

Кадык хрустнул, пульс бился смертельно медленно. Ной — или кто он там — сполз вниз под передние сидения. Я затолкал его туда, незаметно и изящно пихая ногой, чтобы вошёл весь спиной ко мне, и прокашлялся, отчего все только старательнее заёрзали, лишь бы отворотиться от меня. Какой народ, довольно занятный.

Есть шанс, что меня кто-то заметил, но даже если это правда, по окончании суток Рю этот кто-то сотрёт воспоминания обо мне так же быстро, как хрустнула косточка в чужом теле, валяющемся «без сознания» под пассажирскими креслами.

Чёрт. Он был человеком. Его сердце билось. Та-ак, это немного меняет ситуацию.

Всё по порядку. Раз он человек, — имя я отказываюсь произносить, — то что станет конкретно с ним?

Я об одном умолчал, потому что думал, что не придётся прибегать к подобным методам, однако вижу, что стоит ещё чуток приоткрыть завесу мира Проводников. Самая главная проблема заключается в том, что при случае, когда это крайне необходимо и Проводник вынужден применять физическую силу, тогда на ком-либо то ни было остаётся Напоминание — след от удара, синяк, порез. По ним невозможно разобраться в причине его появления, но это как-никак выдаёт непрофессионализм Проводника.

И всё же, как он определил, кем мне является Рю?

Что случится при нахождении полуживого тела?

Сможет ли он вспомнить меня?

И да, я уверен, что он жив, удар у меня точный, как-то само всегда получается. А «всегда» — слово довольно-таки растяжимое, и я не буду брать на себя ответственность за то, что мне приписывают после такого признания с неоднозначным словом «всегда», как и поступают порой мои душевнобольные клиенты.

Двери открываются, заканчивается копошение, и я непринуждённо встаю, закрывая собой подобие Ноя, благо высокий рост позволяет; поправляю пальто, смахивая с него невидимые пылинки, и подмечаю, что всем наплевать на того, кто сейчас «не в лучшей форме». А что до меня, то я представлялся простым туристом.

Когда же люди вышли из автобуса, я поспешил за ними, то есть за Рю, который воспользовался шансом побыть наедине, да и только. Умный мальчик, но самонадеянный больно. Надо бы добавить в его жизнь капельку реальности.

Я не смею отодвигать свои новоиспечённые проблемы и думы о том, что же случится с бедным свидетелем, обнаруживая нечто интересное, но мне стоит задуматься о судьбе Куросавы, его участи, и, следовательно, моей помощи. Мимо нас и без того прошла значительная часть дня в целом, а я уже успел нарушить моральное правило и, заметьте, грамотно воспользоваться полномочиями, что ни в коем разе не оправдывает меня ни как Проводника, ни как предположительный предмет, выдающий себя за человека.

На самом деле я не умею переживать о том, что связано с моим пребыванием в мире сущем, но ежели что-то касается работы, то не сносить головы тому, кто подшутил надо мной.

Подумать только, повёлся на неправдоподобную игру актёра, не различил фальшивку от оригинала. Следовало бы забыть о выдуманных особенностях моих коллег и быть подальше от эпицентра неясности.

Фальшивка. Подделка.

За двести с лишним лет меня подставляли не раз, но я выходил из боя победителем, истинным выигравшим без бахвальства да без усилий. Меня обманула какая-то конфетная обёртка?

Ха, вы просто не знаете, насколько безразличными бывают индивиды, шагающие по земле, пропитанной и объятай единым грехом. Быть невозмутимым, бесстрастным, хладнокровным тот редкий случай, когда я выполняю этот завет за грешниками. Это не прописано в своде правил для особо одарённых, с которыми обычно обращаются со словами «Тебе особое приглашение нужно?» Надо всего-навсего знать, что тебе разрешено делать, а что нет. Прав у Проводников почти нет, потому как незачем придумывать совершенно неподходящие для «неживых» способы защититься.

Таким образом, два века я как-то совершал ошибки и выходил из потока людских слёз серой глиной, залатывающей ложный выбор в прошлом, отразившийся в частности в плохом виде, что в итоге я наношу им визит и предупреждаю о пренеприятнейшем известии.

Я не оглядываюсь на пассажирские кресла и с каменным ликом широким шагом догоняю Рю, который уже ловко залез в салон легковой машины. И, естественно, за ним поплёлся я, собственной персоной.

— Ещё раз здравствуйте, — не глядя на меня, Рю махнул рукой водителю, чтобы тот ехал.

— Приятно, Куросава, — я так же уставился вперёд на подголовник и весь путь только боковым зрением следил за дорогой и всматривался в зелёные поля.

Водитель, который забрал Рю, был простым рабочим, и, казалось, он слишком хорошо

знает Рю, чтобы не возмущаться насчёт его неуважительного обращения со старшим, то есть тоном.

Не волнуйся, у меня такие же проблемы. Я могу тебе посочувствовать.

Рю схватил чехол для ноутбука таким образом, словно и я, и водитель можем забрать его у него. А чего мелочиться-то? Не только мы. Будто страж закона остановит машину и начнёт обыск. На этот раз переборщил, простите.

Он наматывал на предплечье лямку сумки и разматывал обратно, повторяя этакий ритуал по несколько подходов. А рюкзак, в отличие от чехла, он не охранял как зеницу ока. Мне начинает казаться, что если я нечаянно возьму его ноутбук, он мне всадит по печени, несмотря на его тонкие кости, что уж напоминать о каждом покрове.

На какое-то время мне показалось, что молчание слишком затянулось, даже для меня, водителя и Рю. Весёлая компания, как мне кажется, но неразговорчивая. И, полагаясь на третий пункт из списка правил: «Не вмешиваться в отношения клиента с его окружением», — лучше спрошу Куросаву, можно ли мне развеять угнетающую обстановку в невообразимо значимый день. К тому же, погода прекрасная, но этот парень в целом не видит в ней ничего особенного. Мне, которому два века, и то интересней в окно глядится, чем этому подростку.

Третье правило относится непосредственно к близким людям Рю, к которым я отнесу пока что мужчину за рулём и бабушку. Видно, что мальчишка не сирота, но по нему ты потихоньку догадываешься, что жил он продолжительный срок один или до сих пор живёт в одиночестве. Кстати, в другой комнате на полке скопилась пыль. Это подсказывает мне, что я не так далёк от истины.

Так как из-за внезапного касания Рю может выронить своё сокровище, я говорю тихо:

— Куросава, — он косо взглянул на меня. Я лишь повертел головой в адрес мужчины, как он хмыкнул.

— Валяй.

А за хмыком пряталась насмешка.

Я отдал ему, моему любимому клиенту Куросаве Рю, своё почтение и обратился к мужчине:

— Здравствуйте, милейший человек, — тот почему-то перестал моргать. — Как хорошо вы знакомы с Куросавой, можно ли спросить?

Вопрос был бы неуместен в случае, что они вообще друг другу никем не являются, но я пока попридержу в себе это предположение. Меня заставили преодолевать такое расстояние не затем, чтобы бросить меня ни с чем. Верно, Куросава?

— Я его хороший знакомый, мне просто интересно, — пожал плечами а-ля глаголю очевиднейшие вещи. — Он о себе ничего не рассказывает.

— Это да, — протянул он. — Что есть, то есть.

Не знал, что первое впечатление о мальчишке развяжет язык незнакомому приближённому Рю. Что ж, продолжаем в том же духе. Нет, не подумайте, я не вмешиваюсь в жизнь Рю, мне можно перекидываться парочкой словечек с родными. А вот если я начну копать в характере парня тайком с его роднёй, то нет во мне уважения и воспитания. И устранят меня, как говорят живые, по первой же статье.

— Можешь называть меня Ямамото, мы здесь люди простые. А как твоё имя?

Было бы невежливо отмалчиваться, и это вовсе не тайна мира. Я всегда хочу приврать в этом, но так же не утаиваю. Всё совершенно просто.

— Алистер.

— Вы из какой страны? Японский язык у вас хорош.

— Я жил в Канаде. Мои дальние родственники были репетиторами по японскому.

Потом переехал сюда на учёбу. Я художник.

— Ну и автобиография... — шепнул про себя Рю, из-за чего я натянул улыбку пошире и поправил маску, как бы завязав мою новую специализацию с виденьем мира через рамки белых линий.

— Но как вы встретились с Куросавой-куном?

Я полностью понимаю его озадаченность.

— Однажды вечером я заблудился и увидел Куросаву. Он рассказал мне, как добраться до нужной мне улицы, но я порой такой рассеянный, что сразу же всё забыл. Он меня и отвёл.

— Я работник многоуважаемой Сумико-сан, его бабушки, но близок к их семье. Если что-то будет нужно, обращайтесь, я в помощи не откажу. Раз Куросава-кун вам помог, то он точно от вас не отцепится. Ему будет нелегко это сделать.

Я в удивлении повернулся на Рю, но лицо его мне говорило абсолютно ничего нового. Да нет, вроде бы он выгнул бровь... Впервые я узрел на нём чуточку меньше эмоций, чем на лице Чарли Чаплина. Это было смешение пофигизма, недопонимания в бренном мире и всего самого разного в роли самого Куросавы Рю. Я, право, смешался немного от его реакции. Крепи пальцы обратно, мальчик, а то твой любимый инструмент упадёт тебе на ноги, и ты лишишься своего ненаглядного чехла.

Я уже давно переменялся в лице, со временем ты доходишь до того, что нужно скрывать очень много аспектов своих эмоций. У него, однако, нотки притворного изумления сменялись фирменным равнодушием. Он находился в отключке. Ямамото этого не замечал или притворялся, потому что уже точно был в такой ситуации. Вроде и Рю умеет укрываться от проявления чувств, но слова Ямамото его, похоже, поразили. А что, на такое я даже не надеялся. Спасибо за дополнительную «фотографию», искренне.

И столько всего можно откопать всего лишь из одного мимолётного знака, движения.

И ведь это моё заслуженное вознаграждение за часы, проведённые в автобусе.

Может, Куросава не хочет думать так о самом себе. Всё-таки он ещё очень мал.

Поверить не могу, компания из трёх человек оказалась неподдельно интригующей для моего зоркого глаза.

Знакомство с Ямамото дало мне какой-никакой кусочек пазла видения Рю. И всё же я могу считать себя коим художником, ведь собирать и работать с картинами людей — тоже искусство, в коем я преуспел. А картины мои — душа. Душа — очень страшное дело: кто влез в неё, у того нет права на отступление.

Наконец мы вышли из машины. Мы с Ямамото пожали друг другу руки и разошлись, по-дружески попрощавшись. Он сказал, что потом отвезёт нас обратно. Как же не хотелось бы мне его расстраивать.

— Какое у тебя яркое прошлое, — Рю резким движением головы смахивает чёлку. Мы снова идём в неизвестном мне направлении, но теперь по траве.

— Импровизация.

Впереди виднеется двухэтажный дом, в принципе не подходящий под японский стиль, я имею в виду размеры, а в остальном он ничем не отличается от других, которые чуть дальше.

Дом был на пустой от цивилизации местности. Подняв голову, я уловил одно из лучших видов на протяжении всего моего существования. Рисовые террасы вдалеке очень красивы, а какие они вблизи? Небо голубое-голубое, плавное течение облаков, колыхающаяся трава вокруг. Пока у меня есть драгоценное время, нельзя тратить его попусту, значит, мне стоит отказаться от этой идеи. Это не вызывает во мне чего-то противоречивого, просто, для меня выполнение задания есть высшая точка наслаждения. И если придётся променять мягкую прогулку на выполнение долга, я так и сделаю. К тому же Рю оказался тем, в ком я долго не копался.

Чувство, что он создан для моих экспериментов.

— Эй, сколько ещё будешь глазеть? — Куросава уже был дальше, и я с почти невозмутимым видом пустился к нему ниже по дороге. — Позволишь себе такие же выкрутасы с моей бабушкой, я...

— Кхм-кхм, — приложил кулак к губам. — Спасибо.

— Эй, ты!..

— Попрошу ни-ни. То, что я твой Проводник, ей ни слова. И то, что ты скоро...

— Моя очередь перебивать. Тебе мозг зачем?

— У меня его нет.

— Это был риторический вопрос, — Рю поднимался и опускался по неровной тропинке, кидая мне периодически недовольства.

— Но скажи, так получилось даже лучше.

Мы помолчали некоторое время, а затем Рю, кажется, и впрямь забыл про меня. У него можно кое-чему поучиться, например, заставлять всех и вся ощущать себя пустым местом. Жаль, что со мной у него такового не выйдет. Я глина, попытайтесь вывести на чувства густую серую массу, а я посмеюсь в сторонке. Только не трогайте мои эксперименты, это моё личное право, скрашивающее пребывание на этой бренной земле.

Рю своей маячащей фигурой указывает верный (я надеюсь) путь, и мы через пару мгновений оказываемся у крыльца двухэтажного дома, позади которого в сотнях метров и лежали рисовые террасы. Время было ещё дневное, и я не мог не поблагодарить Рю за такой путь от города до сюда. Конечно же, молчаливые благодарности он получил, ибо полностью потакать этому мальчишке неразумно. А я так, иногда слушаюсь, хожу по пятам, не отсвечиваю, насколько это, разумеется, считается правдой, потому как я не увидел ни одного человека, который бы больше всех остальных походил на туриста. Да и замечать тут нечего. Япония и не такое перенесла. Чего только стоят суицидники, число которых за эту недолгую поездку определённо поднялось. Грустно, мы вроде бы на острове, а моря мне сегодня не видать, как и благоразумия Куросавы.

— Хорошо, можешь не заходить, я даже рад.

— Не дождёшься.

И сразу же после перед нами появляется, насколько я могу посудить, бабуля моего клиента, Сумико-сан.

— Привет, бабуля, — Рю по семейному обычаю тянется обнять родню с какой-то

непонятной гримасой, а та сначала оглядела всего меня на предмет... личности?

С этими взрослыми следует быть аккуратней, они намного пронизательней. Мало ли, заподозрит что-то.

Ах да, бабуля, как мило, Куросава, а строишь из себя... Рю обнимает бабушку не так, как я себе представлял и не так, как мне удавалось заставить во время работы: он одной рукой постучал ей по лопатке и отпрянул, всё-таки посчитав нужным улыбаться.

Улыбаемся и машем.

— Привет, Рю-кун. Наверняка уже забыл обо мне, пока учился.

О, вы не одна такая, я вас сердечно понимаю, каково это, когда о тебе не помнят, не ценят твои труды, потом оказывается, что совершённое тобой насмарку. Я на вашей стороне, напротив Рю-куна.

Голос у неё под стать всем представлениям внуков о хорошей бабушке, однако сравнительно в нём выделялись твёрдые нотки, а в глазах — всеобъемлющее обожание внуком. Занятно, я готов с этим поработать. К тому же она от меня не сводит глаз. Она хоть и не смотрела напрямую, но наблюдала очень-таки хорошо. На её место тоже можно встать: не каждый день под руку с твоим любимым младшеньким ходит шарлатан в «маскарадном» костюме.

Не имею разрешения предполагать, но, кажись, Рю ещё не растерял уважение к старшим (ко мне) и не пересекает порог дома потому, что меня с ним пока что не пускают.

— Благодарю, Сумико-сан, что радушно встретили нас. Я рад с вами познакомиться. Позвольте? — я не многозначительно уставился на её опущенную руку, и погода она согласилась, всё равно ища объяснений от Рю, как самый настоящий и ответственный взрослый. Вдруг вор нагрязнул? Что делать прикажете бабке?

Я поцеловал её ручку, к чему она отнеслась с пониманием, ибо я точно источал амуры другой культуры. Взгляд её больно острый, цепкий, и со всем этим он прикрывается за пеленой доброты и живого блеска. Сумико-сан, видно, радовалась жизнью и тому, что Куросава выполняет долг внука. Она может считать, что это для него чисто обязанность или по своей воле он навещает старушку. Честно, даже я не совсем тут способен вставить пару «лишних», доказать, так сказать, свою точку зрения.

Мне нужны фотографии. Срочно.

— Алистер, друг Куросавы.

Сумико-сан тотчас оглянулась на внука ради подтверждения, повторил за ней. Дело было только за Рю. Он, смекнув, чего от него ожидают, скрестил руки на груди и вытянул ногу вперёд, обращаясь, несомненно, ко мне единственному: из-за меня его в дом не пускают. А следующее я никак не ожидал услышать:

— Да, мой друг. Он только выглядит взрослым, на самом деле он ментально одинаков с моими сверстниками. Бабуль, я просто хотел вас познакомить, раз уж такое дело. Ты звала маму, но она...

— Да заходите вы уже! Что стоите?

Мы спешно послушались её наказания, и Рю положил свои сумки на пол с особой осторожностью, но не так изящно, как он это — по моим наблюдениям — смог бы сделать своими спичками-конечностями. Ну и дети пошли нынче.

Из другой комнаты донёсся радостный голос Сумико-сан:

— Акира тебя ждал, о тебе и говорил. Соскучился по двоюродному брату.

Не прошло и десяти секунд, как с лестницы уже вовсю бежал мальчик лет десяти и

кричал во всё горло «Рю!»

Так называемый двоюродный брат и не думал останавливаться, он запрыгнул на моего клиента, обхватывая всеми конечностями, что Рю шагнул назад, чтобы не упасть на свои же сумки, и обнял в ответ мальчика с рыжими волосами. Я считал, что с дисциплиной и самовыражением с Японии туго, а тут такой яркий цвет.

— Рю! — он ни в какую не отлипал.

— Акира, ты тяжёлый, имей совесть, — Рю не совсем бурчал, как старик, на его лице было что-то радостное. Хотя со всем этим чуточка недовольства от старшего никогда не повредит правильному воспитанию ребёнка.

— Это ты имей совесть! — парировал Акира, отчего я сам готов его обнять. — Приехал через месяц, как бабушка попросила.

— Он учился, Акира-чан, — мягко внесла свою лепту бабушка.

— Всего лишь? — в миг из счастливого ребёнка он превратился в не более капризного. У него очень редкие, по моему опыту, блики в глазах, всеобъемлющие, частые. Такое встретишь не каждый день. Акира и впрямь был доволен своей жизнью. — Можно было позвонить... — уклончиво высказался юноша.

— Ну, ладно тебе, зёрнышко моё, — она подходит к младшему и ворошит ему волосы. Вдруг она обратилась ко мне: — Будете есть?

— А, нет, спасибо, мы с Куросавой должны разобраться с историей японского творчества и некоторых авторов исконно японских картин.

— Он художник, — Рю берёт рисовую булочку со стола, помыв руки, и всучивает мне свой рюкзак.

— Сразу видно, культурный человек, — и схватила за сердце.

— Я с вами, — Акира берёт ладонь Рю, которую он мимолётно и привыкши отдёргивает.

— Не мешай им, — бабушка кладёт кисть на плечо мальчика и пытается достучаться до него понимающим взглядом. — Если захотите поесть, спускайтесь.

— Хорошо.

Чтобы не терять ни единой возможности побыть с братом, рыжий пробирается в щель между нами и привязывается к его ноге, таким образом вышагивая по лестнице на второй этаж. Я замыкал эту приглядную процессию, взвешивая полупустой рюкзак своего подопечного.

И теперь отмотаем чуть назад. Во мне в течение всей тёплой семейной идиллии было чувство, — нет, не так, я наблюдал за этим, — что что-то вообще не на своих местах. Меня не впускала, точнее, даже слушать ей было меня противно, Сумико-сан до тех пор, пока я не сказал, что друг Куросавы. Она смотрела враждебно. Я могу расположить это в ряд нормального, ведь каждому человеку насолил чужой, ибо мы ведём себя с ними всегда с отторжением в теле, но Сумико-сан не впускала даже Рю, не находила покоя в его глазах, и что самое удручающее — после она с концами выключила говорящее предчувствие на мой счёт, стоило предъявить доказательство нашей крепкой дружбы (я правда считаю её таковой, а как, действительно, иначе?)

Блики из её глаз пропали, они стали мутной плёнкой, не дающей по-человечески разобраться, кто есть кто. Она не та добрая бабушка из традиционных семей, она сошла с ума уже давно. Сошла именно по вине Рю. Ей больше не дано ничего увидеть в его присутствии. С ней что, выйдет гораздо проще, чем я планировал?

— Не надо, — добавляет в ход моих мыслей лишнюю стену Рю.

В следующую секунду Акиры уже не оказалось рядом с нами.

— И это тоже.

— Что — не надо? — я зашёл в убранную спальную комнату в поисках злосчастных картинок, смирившись, что их нигде в помине не окажется прямо у моего носа.

— Не надо слушать бабушку. Она ничего не знает обо мне.

— Акира?

— Про него даже не заикайся.

Куросава мастерски закрыл мне рот, с неприязнью и пренебрежением закатив глаза.

Я оказался словно в ловушке, ловушке вместе с Куросавой. Что может быть беспощаднее этого? Только в случае, когда я не получу некие бумажки, про которые он, — а почему бы и нет, — не слышал никогда. Рю достаёт перво-наперво свой ноутбук и усаживается за стол, медленно проведя по нему, почти не касаясь панели. Дыхание его вмиг замедляется, я улавливаю каждый его вдох и выдох, кислорода в комнате стало меньше, тёплые лучи падали прямо на крышку ноутбука, походя на ангела на свету.

Здесь снова ничто меня не держит. Я облокотился спиной на стену и побарабанил по ней пальцами, получая незамысловатый ритм, когда внимание Рю полностью сошло на нет.

Я щёлкнул пальцами — ноль внимания.

— Ты притворяешься? — подошёл поближе и нагнулся над ухом клиента.

Он что-то печатал на двоичном коде и бегал глазами туда-сюда, от одного угла к другому, опуская бегунок ниже и прокручивая вверх, с чем-то сверяясь. Были случаи, когда клиенты в упор не желали уделять мне время, как-либо замечать или «подыгрывать» моей бесчеловечной шутке об их судьбе, но этот парень невыносим с точки зрения энергичного и жизнелюбивого индивида. Работая на компьютере, его дыхание успокоилось, стало слабее, чем обычно, и я решил взять себе немного вдохновения поработать с Рю в этом направлении.

И самое очевидное — не сейчас. Сколько этот мальчишка ещё будет игнорировать меня? Знаете, я дорогого стою, больше, чем даст японский император.

— Хватит на меня так таращиться, — мерно высказывается о моей выходке Рю.

— И что ты мне сделаешь? — я самодовольно выгнул бровь, сладко пропевая гласные.

— Не отвечу на твои вопросы или то, что ты пытаешься из меня вытянуть с нашей встречи. Думаешь, ты один такой умный? — не переставая печатать, открывал рот под издающие им же звуки.

— Тогда убеди меня в обратном.

Я упёрся рукой о его стол, хмыкнул — он и не шелохнулся. Штора сейчас больше звуков издаёт, чем этот мелкий.

— Легко. Посмотри в монитор и увидь это сам.

Я не отказался от такого предложения и выполнил указание.

Передо мной были лишь нули и единицы. Очень жаль, что я не умею читать двоичный код, мне впервые стало жалко за те часы, которые Рю мотал меня по Ниигате. Можно закодировать всё что угодно, но не все способны читать тот код, что придумали умнейшие в роде. Вот именно этим можно гордиться людьми, но скрытные они не то слово.

— Что, не умеешь? — Рю не улыбался, не ухмылялся, просто констатировал факт. Он стал тем, кого я заметил в начале знакомства. Безразличность въелась в него, а убрать её за последние часы невозможно, сколько стараний ни вложи. Черты стали снова острыми, непоколебимыми, и шутить дальше означало бы детское ребячество, на которое, кстати, он

меня и наталкивал. Ну что же тут добавить, экземпляр. — У всех есть сильные стороны, но некоторые их не развивают. У меня получается это, а у тебя — пугать людей и носить глупую маску так, что другим это кажется естественным.

— Справедливо. И к чему это?

Хочу, чтобы я говорил меньше, чем он.

— Не знаю точно, умный ли ты, но я — да. Я не проницательный, но тебе от меня что-то надо, и, скорее всего, ты это получишь. Но не раньше конца двадцати четырёх часов. Так что давай я продолжу печатать, а ты — ходить и пугать моего брата. Согласен?

— Не лыком шит.

Я цокнул и рефлекторно топнул ногой, представляя, что на мне всё ещё есть каблуки. Опасно ходить без обуви: слышимость уменьшается в разы. Но вопреки всему я могу различать подозрительные шорохи. Меня никогда, никогда не проводили на звуках. Устраивали засады, нападения, но мне и им как с гуся вода — ни капли у злоумышленника не получалось завязать на моей шее мешок, считая, что мне абсолютно бесполезно перечить или идти против. Сколько бы клиенты ни старались, я выполнял их здравые (прошу заметить) просьбы, какие бы они ни были.

Кто-то скажет, что это аморально, но мне ничего не стоит угрожать своему клиенту.

Вот попросит меня о чём-то Рю, я это сделаю, в рамках, конечно, но не брошу Куросаву.

Я тут незначительно зацепился за одно некое его высказывание.

— Мне правда можно к твоему двоюродному брату? — заметьте, я не собираюсь идти против закона.

Рю в отличие от каменной мины выдал что-то попроще. Да, проще для него это тогда, когда на лице появляется одна одинокая морщинка. Неужели ради брата он готов на радикальные меры?

— Иди, — легко отмахивается и добавляет: — Побесите друг друга. Я в твои игры не играю.

На мне проявилась ехидная улыбка, едкая, на что Рю безучастно отвернулся и продолжил быстро набирать так называемый текст.

— А что ты печатаешь?

— Не твоё дело. Что я тебе сказал? Иди, не мешай мне.

Да ему не помешает даже огнестрельная канонада.

Это и есть рамки. Поглядим-поглядим, когда я выполню его следующее желание. Это может играть малую роль в моей миссии: выполнять простые вещи, которые неосознанно совершает каждый человек. Я не в той касте, чтобы принимать это за бытовые излишки.

— В таком случае, пойду. Не скучай по мне, мне будет больно, если будешь так же скучать.

В ответ мне прилетело безразличное звонкое и скорое нажатие по клавиатуре. И не жалко ведь меня, мои чувства!

Фотографии я не найду у Куросавы, я это понял, придя в его комнату. Он из тех людей, кому просто-напросто не необходимы воспоминания, они не сентиментальны и черствы, думают только о работе и о своих благах. О них мало что известно родным, друзьям, однако у Проводников есть преимущество: Проводники наблюдают со стороны и подмечают всё до мелочей, приводящих к описанию клиента и не только. Данное явление очень помогает при самовыпиле.

Акира-Акира-Акира! Где тот самый Акира, захвативший моё сознание и душу? Где ты,

мальчик мой?

Заметим, на секундочку, что встречаться пока с бабушкой нет в моих планах. Когда мне не хватит информации о Рю, я пойду к ней, очарую и расспрошу её, ведь я друг её любимого внучонка, она непременно поделится со мной некоторыми частями его жизни, хоть малыми, я не настаиваю. Есть шанс, что у неё находятся фото, от которых сейчас зависит моя миссия. Старики любят хранить вещи, связанные с молодостью, и необязательно их молодостью.

— Оу, Акира-чан.

Этот малец подглядывал из другого угла рядом с комнатой, из которой я недавно вышел. Точнее, меня прогнали, жестоко и бессердечно. Запомни, Куросава, я не забуду твоей холодности, но прощаю по доброте душевной.

— Здравствуйте, сэнсэй Алистер, — Акира чуток наклонил голову.

Вау, какой хороший мальчик!

С братом они — небо и земля.

— Здравствуй-здравствуй, Акира-чан, — я многозначительно перевожу взгляд на дверь, намекая на то, в чём, я бы предпочёл, мне должен признаться Акира. Я же взрослый. — Какими судьбами?

Он смутился, а значит, я прав во всех отношениях.

Тот взглянул ещё раз вперёд, огибая мою высокую и худую фигуру, и выдохнул. Как же я обожаю детей. Они не умеют хранить секреты. Краснеют и сдаются.

— Ты же не меня поджидал, правильно? — он скрепил ручки замком.

— Да, — он с вызовом поднял на меня глаза — рыжий хвостик его дёрнулся.

— Куросава ещё долго не выйдет. Могу ли я составить тебе компанию?

— Можете. А Рю-сан не разозлится?

— Нисколько. Он сам предложил нам пообщаться. Повезло тебе с братом, он особенный. Пока рано преувеличивать...

— Да! Он особенный! — смутился. — Извините, я без разрешения...

— Ничего страшного. Я рад, что встретил того, кто разделяет моё мнение.

— Пойдёмте, я не хочу ему мешать, когда он работает, — Акира добровольно позволяет мне зайти в его комнату.

Господи... Куда я попал?

Вокруг меня, вокруг всего помещения, что бы там ни стояло, везде висели фотографии. И не простые, а с изображением Куросавы. Интригующий поворот, не правда ли? Настоящий «там-там-там!»

В голову молниеносно полезли воспоминания. Рю там такой маленький, добрый, остроумный в, казалось бы, неосознанном для него возрасте. Он был застигнут врасплох автором данного фото, оно было смазано и некачественно, картинка проявилась не очень хорошо. А на другой я увидел...

— *Убери эту чёртову камеру!*

— *А-а, наших бьют!*

Из ванной выбежал пятилетний Акира со старой камерой в руках, однако тому, кому не повезло «засветиться» на снимке, не удалось ринуться за обидчиком.

Вот и отлично, а то я мог в точности разглядеть все Куросавины прелести. В ванную Акира, похоже, проник легко и добыл фотку своего братика. А Рю тем временем краснел от злости, когда вытирался полотенцем, наконец закрывшись от посторонних глаз. Ребята, да вы полегче, меня запросто могут осудить в вашем мире, и моя совесть не будет так уж чиста.

Я скосил взор незначительно влево, где история продолжилась.

— Ты всё равно не скоро приедешь к бабушке, пусть поиграется, — мама погладила его по плечу, утешая.

— Но это не повод лезть ко мне в ванную, — не отступал Рю.

— Что за шум, а драки нет? — на сцене появился глава семейства.

— Вот именно, драки почему-то и нет, — возмущённо.

— Тогда подай ему пример, Рю. На тебе, как на старшем, лежит ответственность за всё, что вытворяет твой брат. Так что я к нему даже не пойду, и не проси. Вы же родные, это твоя кровинушка, будь терпеливее.

— Да, отец.

Не видно, что Куросава серьёзно относился к предложению старшего, а после увидел в конце коридора маленькие ножки, скрывшиеся за поворотом. Этому ребёнку ещё учиться и учиться быть папарацци. Рю мне показался ещё больше разозлённым, но вкупе с умиротворённым, уравновешенным лицом — пугающим.

Меня буквально захлестнули другие воспоминания, стоило мне сделать ненужный вдох. Дальше они перемешивались, сливались, контексты меняли форму, и я понял, что хватит, достаточно. Вся комната Акиры — лишь детская игра, мне необходимо кое-что повесомее, чем шалость ребёнка. Но и отрицать, что мне они не помогли, я не позволю. Как я говорю, надо знать цену фотографиям. А у меня-то ни одной. Моя личная ирония.

Я бы с радостью остался специально для изучения хронологии и описания действий, однако я вовсе не этого жажду. У ребёнка есть более серьёзные секреты от меня или от других, если уж на то пошло. Я нашёл свой источник фотографий, а информация из живых уст так же полезна, как и каша по утрам.

— Удивлён, браво, — я сдержанно похлопал мальчишке, поворачиваясь на триста шестьдесят градусов. Делал я это с затуманенными глазами, я сместил обзор, ибо снова утону в семейных сценах своего клиента, взглянув хотя бы на рандомный снимок.

— Спасибо, что оценили. Для меня Рю-сан — кумир. Кроме него я лучше не видел. Эх жаль, мы с ним непохожи, я бы на всё пошёл, получив бы за это похвалу или улыбку Рю-сана.

— Во-первых, не за что, а во-вторых, не ожидал. Я заметил, Сумико-сан такого же мнения.

— Да, она без него жить не может!

— Прямо-таки не может?

— Она сама так однажды сказала. И я понимаю почему. Рю-сан идеален, он единственный ребёнок её старшего сына, а значит, на нём будет держаться семейный бизнес. Фамилия Куросава передаётся всем в семье, но главный только старший сын, ему-то и достанутся рисовые террасы. Он притворяется, что вечно злой и недовольный, вообще Рю-сан... Я даже не могу описать, какой он. Представьте небо ночью, со звёздочками, так вот, Рю-сан — созвездия. Вот такой он прекрасный брат. Всегда мне помогает с уроками, особенно с геометрией, — Акира мечтательно подпёр подбородок кулачками, лёжа на кровати, а думы его летели впереди планеты всей. В нём столько вдохновения и детского обожания, аж дух захватывает. — А у вас есть брат?

— К сожалению, нет. Мне не повезло так, как тебе. Но я всегда рад увидеть счастливую семью.

— Надеюсь, я не трачу ваше время?

Соврать или признаться?

— Нисколько, ты хорошо рассказываешь, складно. Так что ты там говорил о рисовых террасах?

— А, точно. Несмотря на значение нашей фамилии «чёрная трясина», наша семья занимается выращиванием риса уже очень давно, и передаётся дело лишь по мужской линии. Если не родился мальчик, то женщина должна рожать до того, пока тот не родится. Тут в моём присутствии предпочитают замолкать. Так вот, у бабули родились два сына, младший из которых мой отец, а старший — отец Рю-сана. Через несколько лет он станет главным в семье, а нас много, о-очень много, рожали ведь.

— А тебе нормально это всё говорить мне? Я же абсолютно чужой человек.

— Как это? Вы же друг Рю-сана?

— Разумеется, — как нечего делать, отвечаю я.

— Всё, убедился. Я вам верю.

Я крайне обескуражен. А что, мне нравится. Мне выпала редкостная возможность не обрабатывать мозги близких клиента, узнавая о них больше, чем в частой практике. Может, я возьму чересчур показаний, чтобы придумать ему приговор.

Какими бы ни были дети, но Акира слишком доверчив, смотрит на мир через разноцветные линзы, что безбожно распаляется любовью. По рассказам Рю настолько особенный, что может светиться в темноте и параллельно обычный подросток по моим наблюдениям, только мне не дают ухватиться за верёвочку основной истории Куросавы. Меня будто специально уводят, как ребёнка мимо стеллажа со сладостями. Лучше здесь не высовываться, так, непринуждённо просить о внимании.

— Могу я спросить, почему для тебя Куросава идеален?

— Потому что... я не встречал людей, которые бы тоже любили меня молча.

Подобные речи бьют по самому больному.

— Я рад, — поспешно добавил Акира, — что у него есть вы. Он же почти с нами, с моим дядей и тётёй не видится. Пусть у него будете вы.

— Ямамото по дороге сказал, что Куросава от меня не отцепится. Он же не шутил?

— Я думаю... я не уверен. Ямамото-сан взрослый — лучше меня разбирается.

— А всё же, то, что Куросава пошёл однажды за мной сам, означает ли это?

— У него нет друзей, так что неверное.

Теперь Акира пригладил рыжие волосы и огляделся, непринуждённо прыгая с одной фотографии на другую. В душе он улыбался. А я как только мог, прикладывая все усилия, избегал мелькающих в моей голове картинок с множества предысторий. Если я опять войду в них, я отключусь, и этому мальчишке придётся меня откачивать. Слава богу, если он не умеет измерять пульс.

А впрочем, я преуменьшаю проблему с развешанными повсюду фото Куросавы. Я это сейчас не только про Акиру с его странностями и многогранной любовью к старшему братику, нет. Я ещё про то, как они яростно пытаются залезть внутрь меня. Чувствую, как набухают вены у меня на предплечьях и плечах, шее, хоть в них и не льётся кровь.

Земное воздействие, как же я ненавижу его. Проводники третьего типа так же не могут это контролировать. Что-то схожее с человеческим инстинктом самосохранения.

Сцены воспоминаний давили на меня, морально я уже отстранялся от мира, но, глядя на Акиру, хватаясь за него как за спасательный круг, способен двигаться. Блин, представители первого типа же хватаются за живое... причём тут я? Стар я уже стал. У меня много

преимуществ над людьми, но это я особенно ненавижу: быть зависимым.

На миг меня отвлек немного грустный вид Акиры. О нет, Акира, что случилось?

— Так или иначе, я не заменю ему брата. Радуйся тому, что тебе можно его обнимать. Позволь признаться, он даже близко меня к себе не подпускает. У тебя точно надо мной преимущество, — и подмигнул, касаясь локтем его плеча, так как я сел на колени у изножья, сложа вместе руки. — Огромное преимущество.

— А знаешь, ты совершенно не страшный, — высунулся Акира из своего кокона (одеяла) и в упор начал разглядывать маску.

— А я страшный? — не заметил, чтоб от меня шарахались дети или, по крайней мере, он.

— Да, — выдал как само собой разумеющееся. — Я же смелый парень, зачем мне выдавать себя?

— Такой настрой мне больше по душе, милый Акира-чан.

Я по-дружески потербил его волосы и плавно спустился к щеке. Живой. Без резких движений, чтобы не попасть в захват висящих повсюду фотографий, я встал на ноги и, наводя перед собой пелену, дабы не отвлекаться, просто мерил шагами комнату.

— А вы давно знакомы с Рю-саном?

— Что, вишенка моя?

Извиняюсь, привычка. Не удерживаюсь, когда хочу сделать комплимент.

Обожаю наблюдать за смущением людей, особенно, когда виной всему я. Окрыляет, знаете ли.

— Ну, это как посмотреть, — протянул неоднозначно я. — Два месяца.

Врать мне не запрещали. А сам вопрос исключительно для меня важен, не только для Акиры. Ну, давай, выкладывай всё, что у тебя на уме, мой любимый источник информации, мне как никогда нужна помощь такого милого собеседника, как ты.

— Для Рю это долго, — покачал тот головой.

— Да уж.

— Он вам не рас...

Я поглядел на него в позе «а ты как думаешь?», сразу отвечая на недоконченный вопрос, отчего тот хмыкнул.

— Вы просто нескоро с ним снова увидите.

— К чему это ты? — мне чрезвычайно понравился этот разговор, прямо до боли.

— Когда он закончит школу, он должен будет вернуться сюда и помогать семье. Рю-сан, пока жива бабушка, будет у неё учиться, а потом станет главным. У нашей семьи есть бизнес. Террасы, которые вы наверняка видели, принадлежат нам, и затем за управление возьмётся Рю-сан как старший сын. Без него никак.

— И зачем ты мне об этом говоришь? Разве это не личное?

— Вроде да, но это меня не волнует, — отмахнулся он. — Вы его друг, а он, пока дойдёт до этого, сначала сединой покроется.

— На сто процентов согласен с тобой, вишенка.

— Его к этому готовят. Мы все любим его и надеемся. Он... Он... Я хочу быть, как старший брат. Я младший, и, получается, принесу меньше пользы семье... Но я не унываю! Просто бабушке тоже хочу быть полезным.

Как бы вишенка там ни оправдывался, Акира понурил нос. Глаза — зеркало души. Даже Проводники работают по этому признаку, и я не исключение. Из-за опущенных ресниц

видны мне две искорки, так и жаждущие вырваться на свободу, на свет, исходящий из окна. Дети не умеют ничего скрывать, держать в себе, за что я их больше всех живых ценю и, в каком-то смысле, предпочитаю.

— У каждого члена нашего семейства всего по два-три друга, и я приму за честь тоже стать вашим другом вместе с Рю-саном. Вот бы он не был против. Я не со зла, честно, — воззрился малыш Акира на меня уж больно выжидающе, мне аж стыдно маленько стало.

— Рад, истинно, — как всегда, приложил ладонь к груди, показывая свою признательность и правдивость слов.

Заслужить доверие ребёнка не так уж легко, но и не сложно, ибо их мозг сразу запрограммирован на фильтровку всего, что увидит или попадёт в поле их зрения. Людям и делать ничто не надо, дети совершают свою фильтровку самостоятельно. Ты просто стой смирно и улыбайся, что-то похоже на «улыбаемся и машем». Вроде Акира ещё при моём входе «профильтровал» меня. Я прошёл проверку и не сомневался в её исходе, потому как странно быть плохим, когда я не занимаюсь ничем таким. Конечно, без сомнений, необычный я, но принципиальный, что, похоже, порой спасает мне жизнь вот в такие моменты, когда на пути встают молодые представители человечества.

— Тогда, если вы не возражаете, я покажу вам кое-что.

Акира залез на стул и достал из дверцы шкафа увесистую на вид папку. Да, увесистая. Малыш чуть не грохнулся на пол, однако уверенно выпрямился, снова занимая своё место на кровати. Я предпочёл составить ему компанию, присев на краешек.

— Этот альбом вообще хранит у себя бабушка, — он продемонстрировал мне папку шириной корешка в шесть сантиметров и водрузил на матрас, поворачиваясь сам так, чтобы мы оба смогли его просматривать. — Эм-м... А вам не жарко?

Справедливый вопрос, смотря на то, что я не снял пальто при входе.

— Нет,нисколько. А тебе не холодно?

— Не беспокойтесь, я ещё молодой.

Он открыл альбом и только затем понял, как это звучало. Я уже шуточно-серьёзно оборотился на него — Акира покраснел.

— Ну, вы поняли.

— Несомненно.

Прокашлявшись или притворившись, что кашляет (причём, неумело; ему есть, чему поучиться), Акира разворачивает обложку, в некоторых местах помятую, тронутую солнечным светом, старостью. Ещё чуть-чуть, и она развалится. Он приблизился ко мне, чтобы нам было удобнее.

Если бы он знал, что мне намного больше, чем он себе представляет, то понял бы, как это всё звучало. Вишенка мне по душе.

Он аккуратно провёл пальцем по фотографии, предварительно развернув почти в конец. Дата на ней показывала «01.12.2010», когда Рю исполнилось три года (четыре года по японскому счёту). Я отчётливо видел в середине Рю, которого держала мать, а по левую и правую стороны уже расплзались многочисленные родственники. Их лица радостны, но сдержанны. Видно, что его любили.

Надежда семейного бизнеса — Куросава Рю. Получается, от тебя не только бабушка шарахается. Акира, по-моему, относится к другому типу. Он в нетерпении, когда разговор заходит до Рю-сана, но на него он не давит.

— *Рю-кун, какой милый ребёнок! — тётя отбирает из рук матери Куросаву и*

укачивает его, без стеснения выпучивая глаза на малыша. — И даже не плачет, какой молодец!

— Да, не плачет... — смирившись с родственниками своего мужа, она всё же отворачивается, чтобы помочь сестре.

Ей целый день не дают подержать дитё на руках, убаюкать, понюхать за ушком, и она до самого вечера ходит как заведённая. Один муж для неё бесконечная отрада, куда-то запропастившаяся. Вечно он куда-то пропадает.

Тем временем Куросаву передают по рукам всех родственников, пока мать увели на кухню.

— А когда займёт место отца, дела в гору пойдут, — приговаривала бабка.

— Это кто на моего брата жалуется? — мужчина вышел из-за двери к бабушке.

— Мы все тут на Куросаву надеялись, но денег больше от него не стало.

— Не будьте так строги, он не настолько плох! — начал оправдываться брат старшего. — Из нашего риса делается хорошо продаваемое sake, бабушка. Доходы от него превышают доходы других марок.

— Но оно не лучшее, — парировала, как нечего делать, бабка. — Рю-кун всё исправит. А этот выпивоха нам все продажи пропил! Мой муж отдавался делу, а этот бездарь губил наше дело. Не говори ничего, и слышать не хочу.

После они все без лишних разговоров заполнили гостиную, дабы попасть в объектив, тут же появился глава семейства старший Куросава и повёл с собой жену, которая, завидев мужа, как-то, что ли, успокоилась, но не до конца, так как ей было неудобно перед всеми родственниками непонятно за что. Как девушек учат не высовываться, так она и поступает, не открывает рта. Муж смягчает пребывание у родни, но легче не становится, когда они просят привести и Рю. В этой семье она не имеет прав, ни малейших. Она всего лишь родила первенца, много от неё не ждали или, заметим, ожидали. Давно не рождался с первого раза мальчик, и когда это, наконец, произошло, никто не поверил. Это было для данного круга чудом, благословением.

За те секунды, когда был сделан снимок, мне показалось, что Рю там еле дышал. Я не разглядел, как поднимается грудь, как вздуваются ноздри, ни единого звука от него не донеслось. Веки его открыты, но белка не видно. Всеобъемлющая чёрная радужка заполнила пространство, он не моргал.

Как пугал Куросава людей, так и пугает до сих пор. Правда или нет, здесь сужу я.

— Жаль, я родился поздно, тогда мы бы могли оказаться на этой фотографии вместе.

Он поворачивает страницу, а фото там с огромной временной разницей. Мою озадаченность заметил Акира и объяснился:

— Треть взрослых родственников умерло, и не до праздников было.

Зато я мог увидеть Рю в восемь лет. А впрочем, не было много диалогов.

— Зачем мы фотографируемся? Зачем все эти снимки? — молодой Куросава подошёл к отцу. Озадаченность была, ибо они фотографировались каждый совместно проведённый праздник. Это было нерушимой традицией.

— Мы должны чтить память о семье, — будто заученным текстом остановил он речи сына.

— Нечего чтить, — пробурчал себе под нос Рю, картинно улыбаясь напротив камеры.

— Меня редко снимали, со мной тут всего две фотографии, но я даже не помню этого.

На следующую у меня не хватило сил, правда. Отодвинем факт, что у меня нет

настоящих составляющих тела, но мою черепную коробку словно ковыряли тупой иглой, до меня по-тихому добирались окружавшие нас бумажные изображения. Пора бы отсюда сваливать. И поживей. Мне скоро станут угрожать, и я бы отложил этот момент подальше от меня и дома моего клиента. Что-то не нравятся мне эти бездушные отголоски, исходящие прямо от памятных изображений.

Подчиняться — не по мне.

Это твоя обязанность как члена семьи фамилии Куросава.

Снова донёсся до меня отголосок прошлого.

Ты не один.

Да пропадёт всё пропадом.</i>

Ты не должен... — Стук о дерево.

Подумай о нас... Подумай о нас... Подумай о нас... Они не имеют права на меня.

Скоро солнце сядет, у меня катастрофически мало времени. И чем глубже до меня добирались фото, тем я становлюсь непоколебимее во мнении: через страницу меня ожидает козырная карта. Такое важное и правдиво роковое мгновение, и, как мантра, надо мной висели выходившие из чужих уст, точнее, между собой родных, нотации.

— Спасибо, что поделился историей вашей семьи, — чтобы покончить пока с этим, я подгоняю парнишку закрыть альбом.

— О, нет, это ещё не всё... — спешился Акира, когда я возвысился над ним. — Оставайтесь, я вам мало о Рю-сане рассказал.

Извини, деревце моё, но мне настолько плохо, что я сам не свой. Твои прекрасные, невинные и невиновные блестящие глаза не должны узреть странность во мне. Наш союз — помощник нам обоим. И так как они начинают меркнуть, во мне показывается больше жестокости, чем человека к комару.

— Понимаю, но в поездке я немного устал, и мне бы не помешало отдохнуть. Я же нынче не молодой, — подмигнул своей вишенке, которая оказалась для меня черешней, и поблагодарил за всё. Не думал, что придётся предпринимать крайние меры. По сути, я не нарушаю свои правила, но чувство, что мне предоставили перейти грань толщиной в лист бумаги перед тем, как осуществить аморальный поступок.

Не скрывай ни капли, дитё, ты для меня не исключение. И как раз поэтому мне нужно покинуть тебя сейчас же.

И не забывай, что мать тебя тоже не любит, как и твоего брата.

Внезапно Акира раскрывает рот, чтобы как-то задержать меня, но не успевает и слова выдавить. За него говорило тело, и оно оказалось намного действенней, чем пустые разговоры. Он подпрыгивает с места и скидывает в быстром действе одеяло, перебирая ногами; приземляется и чётко направляется ко мне, не смотря мне в лицо. Акира через миллисекунды обхватывает меня и заключает в объятия, крепкие. Двигаться мне здесь не стоит, и я, в незначительном и обычном жесте проявления человеческих эмоций, кладу руки ему на спину, не похлопывая.

Наверное, ты просто родился не в той семье. — Чёткий шёпот, занявший значительное место в моей памяти.

— Вы не молодой, но... — Акира отчего-то шмыгнул. Я в смятении. — Спасибо.

— Не за что, вишенка моя, — пытался как-то подбодрить.

— Есть за что, но это не важно, — теперь мальчишка решил от всего отмахнуться, мол, не стоит?

— Если хочешь, излей мне душу. Обещаю, я никому тебя не выдам.

Раньше новорождённых девочек убивали сразу при рождении в тарах с горячим рисовым тестом. А ты думаешь, мы приучены к семейной любви? — будто лезвием по камню.

Мне искренне надо было знать, что на душе у Акиры, ибо ещё на нём держится представление о Куросаве, от которого и зависит его кончина и то, на какие меры я пойду ради него. Ещё проблема в том, что я не контролирую окружающие чёткие отголоски. Что случилось, мой любимый источник информации? Не вешай нос, будь таким же радостным, тебе это ближе и твоему очаровательному детскому лицу. Не разрывай мне плоть, где должно биться сердце!

— Я не выберусь, — еле, шёпотом.

— Что?..

— Меня заперли в этом доме.

— Я не...

— Всё, идите, вы, наверное, устали. Не хочу вас задерживать, — черты у него потемнели, и он чуть не выгнал меня взглядом, зовущим совершенно к обратному.

Хорошо, отец. — Оно часто повторялось в нескончаемом потоке. Голос был не только Рю. Как будто год за годом старшие сыновья вторили это то ли заученно, то ли воодушевлённо своим отцам. Первое относится к подросткам, а второе — к невиновным пока детям, не понимающим, на что они подписываются какой-то левой фразой.

Я, не добавляя дров в огонь, вышел за дверь, не найдя причин быть там боле.

Акира поведал мне чрезвычайно важную историю, за неё-то я и зацеплюсь, и вытаску всё как следует кусочек за кусочком, разбирая части этакой истории по местам, им надлежащим, даже беря в счёт то, что для меня его личное пространство оказалось (ой как неожиданно) обителью ада для Проводника.

Начнём с семьи. Она, подобно подавляющему числу японских семей, означала долг, полную отдачу, жизнь за работу, работу за жизнь. И никак иначе. Выбирайте! По-моему, самое выделяющейся во всей картине — протест.

Лучшее решение для меня — прийти снова к Акире и подвергнуться опасности дважды за день, нет, трижды, если посчитать моё наименее приятное знакомство с подставным коллегой. Думаю, Акира захочет меня впустить, но с тем, что я отныне получил его непредвиденное и столь личное послание, вряд ли он будет говорить со спокойной душой, будто он тем самым поступком подверг неверности близких, а усугублять его и без того незавидное положение мне не хочется. Я понимаю, мир жесток, я сам проверял это утверждение на клиентах в бесчисленных попытках, когда существовал под названием Рядового, будучи тогда и оставшись до сих пор зрителем, но мне препятствуют две немаловажные причины: правило номер три и тихая несправедливость.

Она у меня развита лучше многих, то есть справедливость; к сожалению, та не всегда используется или пригодна, в особенности, когда дело в ребёнке, не принимающем её, справедливость, в свою сторону с помощью глупых взрослых.

Дайте детям крылья для полёта, они всё равно вернутся, ведь любому нужен дом, и лучше пусть дом свобода пересекаются в вашей жизни, ведь они оба окрыляют и вместе помогают ярче ощутить и то, и другое.

Надеюсь, я сдержу обещание и не потревожу Акиру. В случае моей неудачи (её не будет) я обращусь именно к нему, ибо голос бабушки я там отчётливо узнал.

По крайней мере я мало чем могу помочь этому мальчику. Пусть хотя бы хорошие воспоминания у него останутся перед тем, как он потеряет небезразличного ему человека.

Собранной у Акиры информации мне хватит, даже больше, чем хватит. Как бы меня не подталкивало желание подсобить, оказать услугу, я не имею прав на мальчишку. Его заперли, следовательно, Акира будет заперт. И пока я не буду трогать его, всё будет спокойно течь своим чередом, и до меня снова не доберутся надоедливые голоса. Флюиды от них ужасные, это же даже не об наждачку, а пенопластом по стеклу с примесью сухого горла после слёз. Да, это точное для меня определение.

И ведь столько лицемерия заключено в фотографиях, наигранности или откровенного унижения, а он целыми днями окружён ими. Я не говорю про семейные ценности, обязанности любящих людей. Они везде разные. Но в этой семье поставленная иерархия, для каждого дяди, племянницы найдётся свой уголок, кличка и суффикс в конце имени. Я это смету, мне это не надо, однако связанные с Куросавой факты я попридержу.

Отныне я не очень понимаю его решение называть его по фамилии, ибо она навсегда прогнила в «родных» руках. Или он даёт мне этим глубокий намёк?

Ох, диковинная натура.

Я похлопал себя сбоку от живота, где преспокойненько себе лежала позаимствованная фотография, и вошёл к Рю, после чего узрел сравнительно пикантную картину. Я знал, что

подростки на всё способны, но такого я от тебя не ожидал, дорогой Куросава. И как тебе не стыдно? Увидеть же могут! Ты не знал о существовании замка? Боже... его в принципе нет.

— Стучаться надо уметь, — укорил меня Рю.

— А я думаю, мне это не необходимо.

Куросава возился со своим ноутбуком, перевернув его и тыкая отвёрткой. Вот именно, как тебе не стыдно разбирать свой инструмент захвата мира?

Я радостно похлопал в ладоши.

— И чем мы тут занимаемся? — и заинтересованно подошёл к столу.

— Разве не видно? Чиню его, — как само собой разумеющееся произносит Куросава.

— Нет, ты его не чинишь. Зачем тебе жёсткий диск?

— Вау, молодец, — вышло наигранно, но я в любом случае благодарен ему хоть за что-то в этой несправедливой жизни.

— Не утрируй. Ты слишком стараешься ради меня, только похвалить, замечу, ты забыл.

Какой невоспитанный юноша! Он даже не закатил глаза! Я глубоко оскорблён.

— Если я его не вытащу, то боюсь, что случится с Аи.

— Кем-кем?

— У него есть имя, у ноутбука, — поправил Рю.

— Тогда по твоей логике Аи должна быть мальчиком.

— По логике, но не по моей.

— Твоя девушка? Эй, ты на меня хоть повернёшься? — я давно уже хотел задать этот вопрос. А то стоишь тут, ждёшь, когда на тебя обратят внимание.

— Я ещё не закончил, — пробурчал он, после чего послышался звук, с которым Рю достал жёсткий диск, а затем аккуратно, бережно положил на дальний угол стола, чтобы ненароком не задеть его.

Он быстро прикрутил всё на свои места в Аи и открыл мне свой секрет. Не прося меня уйти, Рю открыл задвижку внизу столешницы и убрал нижнюю доску. Тайник. Вот оно что, Куросава, и каков же твой план? В конце концов, я не чувствовал себя обделённым или как-то неприятно, мне с самой первой встречи с этим клиентом было комфортно. Некоторые мне выкладывали всё и сразу, это происходило по большей части в психиатрических больницах и тогда, когда клиенты были в «слишком» спокойном состоянии. Покойном. Это людям и надо — чтобы их услышали. К сожалению, не каждый подходит на роль слушателя, и не все понимают, как это захватывает.

Все согласятся со мной, что Рю вовсе не нужен слушатель. Он не нуждается в самопокаянии, ибо мне даже неизвестно, из-за чего он кается. Из него не выуживаешь, а подбираешься к разъяснению тех или иных поступков, действий, громких слов. В этом и есть главное отличие: тебе не сервируют стол по первому же твоему приказу, ты сам разбираешься с посудой, сервировкой, можешь вазу с цветами для красоты поставить. Я изучаю Куросаву по последовательности, какую он предложил. Я будто становлюсь не только слушателем и зрителем, а сам вживаюсь в его виденье мира, прохожу с ним одну из огромного множества часть истории.

И хоть это всего лишь незначительный приезд к бабушке, но почему-то же он умрёт завтра.

Рю жалуется на жизнь одним своим тёмным взглядом, но не похоже, что он займётся самовыпиллом. У парнишки есть цель, которую он обязался выполнить. Он не похож на серый планктон, которым можно управлять, потому что он сам возьмёт управление в свои

умелые гибкие руки и начнёт убеждать вас, что, да, я служу своему начальнику. А в конечном итоге отодвинет начальника и сядет на его место, но и этого ему будет недостаточно, поэтому всё бросит и будет завоёвывать остальные высокие места в обществе.

В последний момент Рю позвенел ключиком в замочной скважине и положил его не к себе в карман, а в наволочку подушки. А ключ, как все догадались, от задвижки.

— И как это называется?

— Предусмотрительность.

— Рискну спросить зачем.

— Я хочу обезопасить Аи. Без неё я никуда не выхожу на долгое время, под моим присмотром ей будет лучше. Был однажды случай, когда она упала в обморок. В городе нам лучше, мы приспособились, но в этом доме... нет. Я терял её и не допущу того, чтобы сделать это снова.

— Извини меня, я и не подозревал, — я прикусил губу и замер.

Рю на миг разомкнул губы, подняв руку в неуверенности; я и виду не подал, но так же опасался шевелиться.

— Я могу чем-нибудь...

— Никто не может. И представь почему.

Наступило полное молчание. Мне жалко, Куросава, что задел твои чувства, что напомнил.

Я бы сказал вслух, но эта пауза больше всех запала в мою душу в этот день. День за днём отличающиеся друг от друга чувства, среда, атмосфера — всё это накаливается до нужной кондиции, и тогда уже можно творить чудеса. Я знаю, что сейчас тоже что-то начинает вершиться, но это для нас всех всего лишь подготовка.

В тишине рождается истина, и я становлюсь в этих словах всё увереннее, когда смотрю на Рю. Он какой есть, такой и настоящий. Ему, кажется, и незачем притворяться. Что-что? Для меня? Иногда даже я думаю, что, появившись у порога квартиры кто-нибудь ещё, он бы не вёл себя по-иному. Поскольку драться он не умеет (обратное Рю мне не докажет), не предпринял бы ничего вразумительнее, кроме хука шваброй.

Во всём его теле читалось то, что, наверное, было давно закрыто. Или он самостоятельно закрыл ход ко всему, причиняющему ему боль. Аи важна ему... и поэтому он не пожелал говорить о ней боле.

Блики не трогали его оболочку глаз под длинной чёрной чёлкой. Рю был достигнут врасплох моими словами. Он не разобрался окончательно, зол ли или его зацепили. Нужно ли было говорить то, что я сказал; нужно ли было делать грустное лицо?

Определённо нужно.

Может, моё алиби всё-таки сработает в нашем времени. «Раз Куросава-кун вам помог, то он точно от вас не отцепится». Поможет ли он мне — неизвестно, но то, что я ему помогу, я докажу. В этом заключается моя работа. Зацепился ли за меня Рю, осталось только проверить, а для этого мне нужно уединение. Господи, это была просто шутка! Кто знал, что она перерастёт во что-то весомое. Одиночество — незаменимая вещь. И что бы там ни глаголили известные во всём мире люди, я не верю, что одиночество создано во зло. Может быть, на зло, дабы доказать обратное человеку, которого раньше любил.

Итак, Куросава, мне любить некого, так что ты у меня в приоритете.

Порой случаются моменты, когда дня совершенно не хватает для выполнения всех моих обязанностей, таких как: сближение, получение информации о прошлом клиента,

переработка, развязка. И так по порядку. Без этого «вправо», «влево». Откиньте куда подальше левые и правые мысли, поскольку человек само по себе существо неопределившееся. Оно есть стабильное, идёт ровнѐхонько, прямо между двумя этими понятиями, на обрыве, но таким образом, что земля под ногами обрывается в исключительном случае — смерти.

Пока они балансируют над пропастью, идут вкривь и вкось, перепрыгивают, редко — карабкаются. Спросите «какой смысл?», и я вам отвечу, что в безопасности жить просто-напросто нельзя. Всякому на ум приходили думы, относящиеся к убийству, самоубийству либо представлениям, как тебя крадут, пытаются или отводят в сторонку со словами «дай прикурить». Ни капли хорошего даже в последнем не отыщешь. Итак, хотим ли мы в жизнь безопасную, светлую?

«Нет!» — кричат мне вдалеке.

А Рю, по всей видимости, и не приходится перепрыгивать, лавировать, он не смотрит вниз, зная, что земля под его ногами твёрдая, промѐрзшая. Он стоит передо мной и устремляет свой непроницаемый взор на меня, не разбираясь, что под маской. Или мне так только кажется?

В эту самую паузу решается, можно ли мне быть рядом с ним, дальше иметь с Рю дело. И я рву то безмолвие, благосклонно принятое парнишкой:

— Ты меня волнуешь. Куросава, тебе беспокойно, я чувствую.

Я мимолѐтно дотронулся до часов через ткань пальто — механизм задвигался.

— Отойди, — обрывает он меня.

— Не следует...

— О, правда?

Над непроницаемостью повисло нетерпение. Рю похлопал меня по груди, собираясь уходить, отчего-то утешая. Но внезапно вывернулся и взял за шкуру своего брата, проталкивая в комнату под моим чѐтким наблюдением.

Тут не то чтобы молчание, воздух стал гуще. У меня плохое предчувствие.

— Зачем ты подслушиваешь?

Ох как Рю не любит начинать волнительные беседы с риторических вопросов, как будто нет никаких «Что ты тут делаешь?» и «Почему ты здесь?».

— Сколько я раз предупреждал, а?

О, тот самый вопросик, молодец, Куросава, делаешь успехи.

Тем временем Рю отпустил младшего, но хода не давал именно я, не физически, на минуточку. Акира редко поглядывал на меня из-под опущенных глаз. Я думаю, что если бы не я, то он бы позволил себе сбежать. Шмыгнув, он не поднимал головы, выглядя при этом до такой степени виновато, что, будь моя воля, я бы отпустил или хотя бы выгнал в наказание Акиру. Но нет, правило номер три нашѐптывается в подкорке рабочего сознания, именно поэтому я в данной ситуации мелкий зритель.

Иногда я чрезвычайно рад, что на мне надета маска. Я на неё какой уже год полагаюсь.

— Я по-человечески просил не следить за мной. Что тебе в моей просьбе не понятно? Хватит, заканчивай с этим. Это стрѐмно, — лик моего клиента выдал секундное отвращение.

— Нет, — выдавил Акира, скидывая голову вверх. Кулачки были зажаты у него за спиной, рыжие волосы «подпрыгнули» на макушке.

Рю даже не дёрнулся от дерзости брата, непослушного брата, перед которым стоит взрослый. Похоже, Акира против поставленной иерархии. А что ты скажешь, прекрасный

Рю?

— Хм, ладно.

Рю улыбнулся еле-еле, он как всегда невозмутим. Огляделся в комнате, демонстративно, но естественно двигаясь телом. Он показывал всем своим видом, что его комната — его территория, как бы это ни звучало на самом деле. Рю как стервятник над живой закуской. И уверен, что он не старается, не в полную силу играет. В конце концов, Рю возвращался к младшему брату и завязал руки на груди в позе «и что мне с тобой делать?»

— Ладно? — по-моему, Акира опешил.

— А что мне ещё говорить прикажешь? Ты не отстанешь, так что не порть мне выходной. Я уже в бабушкином доме, не знаю, что может быть хуже.

Меня обдало холодком.

Только Акира хотел сказать, как Рю поднял указательный палец:

— Хотя нет, знаю. Встреча с роднёй — вот что вызывает тошноту.

Лицо снова изменилось. Презрение, злоба таились в нём. Секундная стрелка моих часов прошла круг. И замерла. М-да, Куросава, ты и впрямь не в духе. Я коснулся его — часы в последний раз напомнили о себе.

Обстановка накалилась донельзя. Даже дышать считается чем-то непозволительным. Рю хоть и сначала не сводил взгляда с брата, однако ныне подобный поступок является наказанием для ребёнка, причём незаслуженным. Родным всегда достаётся друг от друга больше всех, без исключения, и между Рю и Акирой в прошлом выстроилась явная цепочка всяких действия, толкающих их на ссоры. Братская любовь — самая сильная, потому что братья проходят через все испытания вместе, знают абсолютно всё друг о друге и готовы убить ради ближнего.

Ещё чуть-чуть — и Рю сотворит то, о чём будет в дальнейшем жалеть, то есть после смерти. Не раньше: по глазам его понятно — он не волнуется о младшем в данный момент. Ни чуточки.

Передо мной всплывает безмятежная, сравнительно с этой счастливая картина братских отношений, когда Акира-чан бросился к Рю-сану и обнял со всей силы. Он бы ни за что не отпустил Куросаву, если бы не появившиеся обстоятельства в моём лице. Рю улыбался, и хоть его улыбка была еле заметна, что-то проскользнуло в нём. Движения, некая свобода, воздух настиг их тёплый, отдавая им тот миг, который они заслуживали. После долгой разлуки вновь увидеть родного человека — истинное счастье. И раз у них не будет времени, чтобы объясниться, Рю, прошу, не стоит настолько глубоко копаться в прошлом.

Я коснулся Рю, дабы он среагировал как можно скорей.

— Ты не можешь отдалиться от нас... — Акира упал духом. Все его смелые поступки сошли на нет одной резкой речью старшего брата. Моя вишенка опустилась на колени.

— Уже, — лезвием по ушам. — Имей самоуважение. Встань. Перед тобой не только я. Каково нашему гостю выслушивать всё это? — он обернулся ко мне. — Ты позоришься.

— Куросава...

— Алистер, — Рю чисто произнёс моё имя, как вода из родника. У этого парнишки удалось украсть моё внимание на какое-то малое мгновение.

— Извини, — сказал я напоследок Акире.

— Алистер, а тебе самому нормально наблюдать за Акирой-чаном? Неловкая ситуация, согласишься, очень неудачная. Мне вот неприятно видеть, как он ползает у меня по комнате. Аи достойна большего. Ты бы хоть гордость свою попридержал.

— Рю-сан... — Акира всхлипнул, и в уголках блестящих тёмных глаз прорезались прозрачные слезинки. Но он не краснел. — Я люблю нашу семью. Я тебя люблю... — «Тебя» звучало как призыв, после чего голос утих. — Ты важен мне! Я чувствую, когда тебе плохо, и мне самому плохо! Я всегда готов помочь! Буду на твоей стороне, даже если ты будешь виноват! За что я заслужил твою нелюбовь?!

Акира орал во всё горло, оно похрипывало.

— Тише, Сумико-сан услышит, — вовремя добавил Рю.

Парень приложил пальцы левой руки к переносице и походил так, словно на него напала дикая усталость. Видно, что в его планы не входил этакий пункт, но он, скорее всего, мог ожидать выпада со стороны Акиры.

Такими темпами ничем хорошим это не кончится. Рю не отдавал себе отчёта, что творит, или привык... к подобному.

— Я тебя не бью, но это делает бабушка, насколько я не ошибаюсь. Ужасный способ воспитания

— Да, она меня бьёт, — подрывающимся голосом согласился Акира, и не пробуя встать.

Спина была опущена, а когда он позволял себе слово, поднимал голову и опирался руками о пол. Поза была жалкой, молящей. Мне она напоминает отчаявшегося раба, просящего о помиловании. Куросава был непоколебим. Он устал, выдохся, с него хватит всего этого.

— И что с того? Или она неправильно бьёт тебя? Долгие, упорные годы тренировок, но с тобой не справились. Как же так? Или жалеет? — упрёк, издёвка отражались в его речи. — Бить ребёнка — последнее дело, но эти полудурки не видят другого способа воспитания.

— Она меня не любит.

— Алистер, подойди.

Я подошёл и прислушался к дыханию Рю. Размеренно и периодически. Он не шелохнулся бы, появись у Акиры идея оскорбить его. Почему-то он ни разу не высказался насчёт Рю-сана, а это что-то значит.

— Мой брат позориться прямо в твоём присутствии, присутствии старшего и моего друга, — он обращался сразу ко мне и ко младшему. — Приятно ли тебе сейчас быть наблюдателем столь убогой картины?

Я много поведал на своём веку — двух веках — и я не впервой стою как истукан перед разными людьми. Преклонялись и высшие чины на моей памяти, а если это совершали простые люди, то те становились рабами на всю свою удивительно долгую жизнь.

— Я бы не стал продолжать, — ответил я Куросаве. — Когда-то всё равно придётся остановиться. Не думаю, что вы оба заслуживаете этого.

Он принял мои слова.

— Вставай, — приказал он Акире, но тот не слушался. — Вставай, — тщетно.

— Я прислушиваюсь только к тебе. Алистер-сан, простите, но решать должен Рю-сан. Я вытерплю всё, что он пожелает. У нас с ним тонкая связь. Пожалуйста, другое!

— Ты не слышал?

Рю не замахивался на Акиру и не пробовал ударить. Сам его взгляд, холодный, заставлял неметь.

— Это моё решение, Акира-чан.

— Ударь меня.

Вот теперь он вызвал кое-что в безмятежном состоянии Рю, разворошил его немного,

напомнил, где находится.

— Ударь, прошу! — действительно, раб. — Я хочу носить на своём теле синяки, сотворённые твоей рукой! Я буду носить их с гордостью! Ты никому не причинял вреда и не причинишь, ведь сам прошу тебя.

— Не надоело?

— Буду просить до тех пор, пока не получится! Пока ты меня не поймёшь!

— Тогда перестань вести себя, как отверженный. Я не могу гордиться таким братом, как ты. Пока не получится, говоришь... Убирайся.

— Ты не заставишь меня поверить, что ты говоришь мне правду. На самом деле ты не хочешь. Много скрываешь, но я доверяю старшему братику, он никогда не пожелает мне плохого.

Постепенно, когда Акира выговаривался, хрип исчезал, но ноги так и валялись на полу. Мальчишка похож на брошенную куклу, разбросавшую как попало конечности, когда её выкинули.

— Я до тебя даже не дотронусь. Сам вставай. Думаю, доберёшься, — Куросава отмахнулся и уселся за стол, объявляя конец всему, что происходило в этом помещении.

Ноги Акиры затекли, и я сдержал себя, чтобы не помочь ему при Рю, моём клиенте, который был категорически против моего участия, кроме особых случаев. Конечно, этот довольно редкий, однако гневить Рю — нарушение подсмисла правила номер пять, который гласит: «Делать всё, чтобы клиенту было хорошо, но не потакать его капризам». Рю ещё в своём уме, так что вряд ли он будет злоупотреблять мной в здравом уме.

Я глядел за Акирой, пока тот восстановится и наконец покинет личное пространство Куросавы. Я чувствовал, как его бесит чужое присутствие. Люди могут пошатнуть его непоколебимость, утешить за собой, повлиять на него, но у него была достаточная фора, чтобы отстраниться от всех минусов человеческих слабостей. Он приспособился лучше, чем подавляющее количество взрослых, осознанных людей. Рю с лёгкостью отвергает то, что действует на него как балласт. Парень не оглядывается, идёт вперёд, и ему хорошо.

Для такого расклада необходимы весомые причины. И я уже сомневаюсь, что найду их сроком в несколько часов.

Мы остались с клиентом наедине. Так как он вытащил жёсткий диск из ноутбука, ему, похоже, было нечем заняться, поэтому на сцену, как всегда, выхожу я.

— Куросава, что случилось с Акирой?

Он сидел спинкой к столу и открыто разглядывал мою маску, точнее, две белые впадины вместо обычных прорезей и будто бы даже насмеялся над моей «проблемой», за которую я её в принципе не принимаю.

Рю смахнул чёлку и встал на ноги, подходя.

— Ты ему поверил? — хищная улыбка озарила серое лицо. — Ха-ха, интересно.

— Он в отчаянии.

— Это не моя проблема. Скажи, как представление? — после явного сарказма он хмыкнул, не услышав ответ. — Не будь таким мягким. Ты впервые его увидел, а я жил с ним. Ты многого не знаешь. Верить первому встречному — глупо.

— Ему десять.

— Девять, — легонько поправил меня Рю. — Ну, как знаешь. Я легко смирюсь с тем, что он меня в итоге возненавидит. Он себя не любит, ты же видел. Не смотри так. Он одержимый.

Гул доносился с первого этажа. Все переговаривались насчёт рисовых полей, то есть семейного бизнеса, переходили на личности и шептались кто о чём.

Стук в дверь.

— Войди, — голос у мужчины был с хрипотцой, наверняка от усталости и приличного возраста.

— О чём ты хотел со мной поговорить? — Рю закрывает дверь и садиться напротив отца в его кабинете.

Черты у них были различны, даже больше, чем могло оказаться. Оба смотрели друг на друга с толикой властности, но один — с подозрением, а второй — больным пониманием. Видно, что Рю не нравится всё, что с ним сейчас происходит: и люди внизу, и предстоящий разговор. Кажется, он и говорить с радостью отказался бы.

— Сегодня твой день рождения, и твоя мама просила меня самому объяснить тебе, зачем предстоящий разговор повторяется поколение за поколением. Хоть ты и можешь догадываться о его сути, — старший Куросава вздыхает, будто сам не в восторге от того, что придётся продолжать. Слова давались ему просто, они вылетали из его рта, но это потому, что в рабочей обстановке ему приходится иметь дело с разными людьми и общаться исключительно на рабочие темы.

Рю — его сын, и вовсе не обязательно устраивать из разговора близких друг к другу людей переговоры.

— Слушаю, — Рю сел в удобное кресло и свободно положил руки на подлокотники.

— Осталось немного времени, чтобы ты занял моё место, и мы бы хотели с твоей матерью, чтобы ты принял всё как есть.

— Поподробнее. Как это — есть? — непонятно, прикидывается ли парень, проигрывая пластинку, которая вертелась у него достаточно долго, чтобы кидать обвинения, либо чувствует, что отец недоговаривает.

— Ты хорошо учишься, Рю-чан, лучший в классе, и не в одном. Знай, мы тобой гордимся, наши родственники тобой гордятся.

— Они разве самое главное?

— А ты считаешь, что нет? — мужчина пристально уставился на сына, ожидая ответа, то его так и не последовало. — Ну что ж, я думаю, что без них ты бы здесь не оказался.

Рю серьёзно размышлял над словами «родителей не выбирают». Нет, не к отцу в его время относится данная мысль, а к нему, ко всем тем людям, что подверглись влиянию родителей и тем самым испортились как личности. Он глубоко уважает тех, кто старше его (ему не пришлось приучаться к этому, как-то мальчик самостоятельно дошёл, без влияния), но в то же время не забывает разделять других на группы и натягивать улыбку, когда того просит особый случай. А вот это уже дело рук родителей, но и их винить не в чем: они считают своей задачей обезопасить Рю. Он не глупый, только дайте ему возможность проявить себя.

— Я мог родиться в другой семье, — осторожно добавляет Рю, ожидая реакции Куросавы.

— Но не в этом дело, — манера поменялась на более резкую. — Ты Куросава, старший

сын главной ветви и можешь без моей помощи догадаться, что власть поменяется через пару лет, — отвёл взгляд, так же облокотясь на кресло, но смотрев теперь в потолок.

— Двадцать первый век на дворе.

— Ты выкинешь свой компьютер.

Рю вмиг поменял выражение лица, примерно так же, как это сделал отец. В состоянии ссоры или намечающейся ссоры они были похожи. Мягкость в чертах у парня была из-за молодости, свежести жизни, несмотря на то, какой она на самом деле является, а у мужчины она не пропадала всю сознательную жизнь, сколько бы его не вынуждали грубеть обстоятельства. Рю много раз задумывался, повзрослеет ли его отец когда-нибудь.

— Почему это? — Рю прищурил глаза, но злости своей не выдал.

— Я буду тебя учить, раз твой дедушка не дождался.

— Я не согласен.

— Ты выбрасываешь компьютер — и я отдаю тебе свой. Заканчиваешь старшую школу, после чего сменяешь меня на посту.

— Нет.

— Всё уже было решено до твоего рождения.

— Значит, мама сбежала, — многозначительно надавил Рю. Он не собирался проигрывать какому-то левому плану, придуманному нечужими людьми.

— Она внизу, — вздыхает мужчина, показывая всем видом, что не его идея эта была — доложить о том, чтобы сын бросал всё и вся ради так называемого долга.

— Да неужели? — Рю пропитал сарказмом незначительное выражение будто ядом. — Она сейчас не здесь, не в этом кабинете, так что я буду полагать, что она сбежала, даже не поговорив со своим сыном.

— Тебе это не нравится, я могу поставить себя на твоё место, но...

— Да, ты поставил однажды, но меня, пожалуйста, не трогайте, — он повертел головой из стороны в сторону.

Сердце билось, как заведённое. Младший Куросава прокручивал перед собой кадры, в которых резко встаёт с кресла, опрокидывая его, но что-то удерживает его, может, возможность испортить и без того отвратительную беседу, от которой зависит, сможет ли он жить дальше без теней главной ветви.

— Не будь эгоистом. Мы тебя с матерью так не растили.

— Я не эгоист. И вообще, вы меня не растили, особенно ты.

Глава сжал кулак. Всё равно, что перед ним его родной сын, наследник огромного состояния, влияющего на экономику страны. Поначалу так не скажешь, ибо в свободном от города доме, которому пошёл седьмой десяток. Мало что тут покажется дорогим. Это считается их первым домом, где они открыли своё дело ещё в далёком прошлом.

— И наглым ты никогда не был.

— Повторю, во мне нет вины, поэтому, если больше нечего сказать, я ухожу. — Рю почти оттолкнулся от подлокотников, как отец стукнул кулаком по столу. Сердцебиение у обоих на мгновение остановилось, отбивая после нервный ритм, порядком сбившийся.

— Закрой рот! — мужчина шагнул назад, жалея о том, что не сдержался.

Рю закрыл, но это лишь усугубило нависшую над ними тяжёлую атмосферу.

— Так, — наконец очнулся он, — мне ничего не остаётся, кроме как самому сейчас избавиться от твоего ноутбука. Сынок, пойми, всем от этого будет лучше, — он желал достучаться до своего ребёнка, подтолкнуть к правильному решению, но тот, как

исполнитель приказов, не выдал ни словечка.

В представлении Рю в нём самом не стояла какая-то проблема, из-за чего он заслужил доказывать день за днём своё уважение перед родителем. От него всегда будет мало просто повинения. От Рю ждут уверенных действий, технического мышления, становления голоса в семействе, но самим им никак невдомёк: близкие люди ограничивают, ломают, прогибают под себя, как им удобно. Папа, ты правда за них?

Рю глубоко сомневается в действенности их странной методики.

Увидев, что делает Рю, он махает усталой рукой:

— Говори.

Парень тщательно изучает обстановку и последним пунктом возвращается к главной загвоздке сегодняшнего вечера. Хотелось бы провозгласить его красивым, да что там красивым, изумительным. Закат одной оранжевой линией залёг на горизонте, коего облегли холодные, морозные оттенки. Но нет, насладиться им во всей его красе не дадут.

— Лучше не будет мне, — Рю был уверен в том, до чего стучится два года. — Ты однажды отказался от своего счастья. Я не повторю твоих ошибок.

— Ты не понимаешь...

— Отговорка.

— Это твоя обязанность как члена семьи фамилии Куросава.

— Мне что, поменять фамилию?

Сердце главы пропустил удар. Рю совершенно безразлично мнение слушателей в случае принятия отличных друг от друга сторон, и раз даже отец с ним ни разу не соглашался, находясь под башмаком долга, долгов и морали фамилии Куросава, то последняя надежда на союзника пропала навечно, укатилась, улетела, просвистела прямо перед твоим носом и исчезла, как оранжевый лучик под тяжёлым весом синих туч.

— Ты не посмеешь, — через зубы произнёс мужчина, морщины которого глубоко залегли на переносице и щеках.

— Ты прав. Я против поспешных решений, что передалось мне точно не от тебя. Все жалуются, что на нашем счету скопилась уйма долгов. Мы в упадке. Ты не в состоянии исправить ситуацию. А я смогу. От меня просто хотят денег. И ты в том числе.

— У меня не получилось удержать наш бизнес на плаву, но это удастся у тебя, — указал наконецником шариковой ручки, которую держал всё это время, на Рю.

— Нет, ты не скинешь на меня ответственность.

— Больше не на кого, — вместо того чтобы дальше убеждать сына, он пошёл в наступление.

— Нет наследников? — Рю предпочёл бы убедиться окончательно. Парень не ожидал от старшего слабину, почти, ведь в такие моменты не разрешается выдавать свои чувства, полностью открываться, говоря правду, однако отец есть честный человек, и Рю лучше положится на собственное чутьё, вместо того чтобы раз за разом проверять того на прочность. — Правда?

Рю не отступит. В конце концов, он борется за себя самого, за свои жизненные принципы. Думал, родители не настолько глупы, чтобы вообще как-то предпринимать меры ради лишения сына удовольствия жизни. На правду надеется всегда, а вот на подлянку — ещё чаще. Только в сознательном возрасте приходишь до несправедливости, к тому же, несовершенства мира и как по щелчку пальцев расстраиваешься из-за невозможности изменить ход событий, в которых ты можешь добровольно не

участвовать, но влиять на него своим существованием.

Так же и с родителями. Бабушки, дедушки, дяди, тётки и огромный список остальных людей берёт над тобой верх. Чтобы раз и навсегда перестать подвергаться их влиянию, всего-то требуется разочаровать их. Звучит легко, а впрочем, этого сложнее добиться: фамилия Куросава с «не радужным» значением «чёрный ручей» или «чёрная трясина» говорит сама за себя. Рю находит в ней иронию.

Попытаешься выбраться — она тебя снова проглотит. И вот поэтому отец ещё на плаву, а не деньги.

— Ты прекрасно знаешь, что нет, — мужчина начинает морально выматываться, но его удел таков, что придётся идти до конца, хотя он «слепой», просто перебирает воздух пальцами.

— А я так не считаю. Маме в последнее время плохо, ты не замечал?

Рю кинул отцу вызов, давая время на обдумывание последующих действий.

— На что ты намекаешь? Майко ни о чём мне не говорила, — взгляд тёмных глаз затуманился, может, и вправду не в курсе? Он рухнул обратно в кресло. — О нет.

Куросаву потрясла данная перемена эмоций и контекста их словесной перепалки. Он вовсе не берёт на себя вину, а прокладывает дорогу, ведущую вперёд лишь для него единственного, хоть и окольными путями. Отношения между его родителями ни капли не интересуют Рю, смотря даже на их искренность. Нынче следует не переходить на иные стороны, махая чужим флагом, а быть только за себя. Так вышло, что семья и та не может подсобить.

Многие скажут, что Рю в этом плане чересчур резок и в какой-то степени жесток, немного бесчувственен, однако представьте вы, все живущие на планете Земля, что у вас нет ни союзников, ни единомышленников, ни опоры, и кто-то привязал на вашей шее поводочек. Представили?

Слабые — отступят, сильные — найдут, чем отпилить цепи.

— Ты не рад? — Рю наклонил голову влево.

— Я люблю Майко, — он взялся за виски, но уже не устало, а взволновано. — Но ты всё равно не сможешь отказаться от семейного дела. Экономика может надломиться.

— И ты думаешь об этом только сейчас? Посмотри в документы. Из ямы, в которую ты влез, не выбраться и через двадцать лет. Наверняка у нас всех есть силы и терпение, чтобы подождать, пока подрастёт новый приемник. Я не встану ему на пути. Я могу помогать, но быть главой — избавьте меня от такой чести.

— Нет... — морщины углубились.

Предчувствие, что, если он встанет, пол не покажется ему твёрдым. Он незаметно покачивается то влево, то вправо, дёргая ногой, чтобы перевести нервы. Вены на шее и немолодых руках набухли, а этот неблагодарный не переставал выжиданием предоставлять главе правила своей игры.

— Я скроюсь, и вы никогда меня не увидите, — скосил взгляд в пустоту. — Я предложил уже столько вариантов, что пора принимать решение. — За секунду старшему стало страшно, он задавался вопросами, которых сам не понимал, их смысла, витиеватости или простецкого страха. Мурашки покрыли кожу. — Если не перестанете кидать мне ультиматумы, я даю на это своё обещание. И то, что мне здесь делать? Восстанавливать рухнувший бизнес? Я задолбался!

— Сядь на место! — отец со злости ударил по столу. Лицо стало красным, пока Рю и

глазом не повёл. Его кожа была такой же гладкой, без складочек, с желтовато-коричневым оттенком, светлой с рождения.

А тем временем Куросава, будто насмехаясь, окончательно поднялся и подошёл к окну, напротив которого открывался вид на террасы, отодвинув шторку. Он вглядывался в красоты, не приносящие столько денег, сколько на деле должны были.

— Хуже не бывает, — Рю крайне недоволен работой отца.

Раньше ещё он порывался как-то защитить главу, заступиться, оправдать, но на сегодняшний день это не представляется возможным.

— Ты упал ниже плинтуса.

— Замолчи...

— Где уважающий себя человек, на которого я ровнялся?!

— Перестань...

— Мне жалко маму. Она ошиблась при выборе жениха. А что, я бы не был обременён делом предков, — тут Рю саркастичной интонацией выделит пару слов, — и вы бы не сжигали собственных детей.

— Иди вниз, — белок заслонила красная оболочка. За минуту он переменялся в старика. Глава сомкнул веки — на одежду полились слёзы, впитываясь моментально. Он держался из последних сил.

— Значит, ты согласен?

— Вниз, живо...

Достоинство не позволяло ему утирать слёзы при сыне.

— Сегодня твой день рождения. И я, как владелец завещания своих родителей, — мужчина дрожал всем существом. Неизвестно, почему он всё ещё не расплакался как годовалый младенец, — передаю его тебе.

Рю намеревался сказать кое-что вдобавок всем бедам, но парень просто подошёл ко входу и напоследок произнёс:

— Быстрее собирайся. Нам фото делать.

Я убираю фотографию во внутренний карман пальто, сглатывая.

Да, это та самая фотография, ради которой можно и горы свернуть. Моя персональная ниточка событий надела на себя бусины, и теперь мне осталось лишь продемонстрировать сравнительно необычный браслет его владельцу. А где же он? Конечно, прячется, не дай бог, у «бабули». Лишь ей тепло от внимания моего замечательного клиента! Не справедливо. Как мне жить вообще прикажете?

После разговора с Акирой я его не видел. Наверяд ли ему стыдно, но он не хочет попасться в моё поле зрения. Акира...

Эврика! Точно-точно, Куросава вёл себя с отцом жёстко, но тогда он взял момент, когда ещё сомневался, стоит ли идти на риски. Следовательно, отточил искусство переговоров или же их полное отсутствие.

В детстве Рю был обычным среднестатистическим ребёнком с привилегиями, но это переросло во что-то внушающее страх, смотря на самого близкого человека в жизни мальчика. Отцы — наставники, крепкое плечо, опора семьи, но Рю не слишком повезло, и он решил ухватиться за своё дело. Предположу, что обморок Аи случился примерно тогда же, но с точностью утверждать не буду. Я Проводник, полагающийся на достоверную информацию, кстати.

И всё же, Рю решил нынче обмолвиться парой словечек не со мной, Проводником с

колоссальным стажем (тут же я многозначительно поднял указательный палец), а с какой-то бабкой, что пилила вместе со всеми родственниками моего милейшего Рю-чана.

Буквально через считанные годы он займёт место главы и объявит о своём правлении. Конечно, вспоминая его физические данные, я бы не стал распыхляться на его счёт.

Звуков из комнаты Акиры до меня не доходят, по крайней мере, громких. Я слышу, как щёлкают ножницы или что-то вроде того, шорох, а на нижнем этаже тихо себе воркую две старушки — Сумико-сан и ненаглядный Рю собственной персоной. Стук стекла о стекло, касание железной ложки о борта чашки. Так и хочется выдать Куросаве пенсию за пародирование старичка. Он может быть хорошим внуком, но моя точка зрения такова: не убавлять ему годков по доброте душевной.

Ох, ох, ему непременно проложена дорога в театральное. И тон поменял, какой галантный юноша, и чай разливает.

Не внук. Жених!

Я смотрю на подушку, в наволочке которой скрывается определённо страшная тайна моего клиента, и меня преодолевает желание разузнать больше, чем планируется. Я не смогу разобраться в том, что находится такого в жёстком диске Куросавы, но раз он существует, то точно с какой-то целью, имеющей для Рю влияние.

У меня сверх меры нужной мне информации, и я, пожалуй, не буду заикливаться на цели, которой достигает мой клиент по простой причине, что смысла в цели частично нет: ему осталось всего ничего, и моя задача — гибель без сожалений. Жаль, цель не будет достигнута, но это уже не в моей компетенции. Я лучше прислушаюсь к доносящимся ко мне голосам. М-да, пропустил, это уже не голос.

— Ты не боишься оставлять тут меня одного одинёшенька? Не думай, что, коли я есть не могу, у меня не бьётся сердце. Ну, и это не совсем правда... Пойми, ты ранишь меня в самое сердце!

Рю окинул меня многозначительным взглядом «да ладно».

— Да, в моём теле этой функции тоже нет, но этим я не отличаюсь, например, от тебя.

— Хорошо, как хочешь.

— Эй, — аккуратно позвал я его. — Что стряслось?

Другие бы, может, и не заметили изменений в мальчишке. Я бы выбрал снова просто хмурого Куросаву, чем чрезвычайно хмурого. Через несколько минут он вновь словно таблетку выпил и вернулся к обычному своему пофигистичному состоянию, к чему я бы не прибегнул никогда, уж поверьте.

— Один день мне ничего не сделает.

Я не против позитивного мышления, особенно от этого мало, однако невозможно нести настолько несусветную чушь, которую он пытается как-то запихнуть в меня и убедить обоих, что прав он здесь один.

— Один день, говоришь...

— Алистер, не заводи свою шарманку.

Рю обращается со мной, как с мебелью, но я уже привык. Приведём пример: твоя кровать неистово скрепит, уже какой день мучает тебя высокими неповторимыми нотами, испытывающими твой мозг на прочность, а ты при всём при том миришься с завываниями перед сном. Рю — тонкая натура, беря в счёт, что через «толстую кожу» можно пустить вибрацию, потрясшую его нервные клетки. Он не стерпит и найдёт выход к исправлению проблемы.

Таким образом, кровать подаёт знаки к вниманию, чего я и порываюсь добиться. Ещё говорят, мебель! Я самая лучшая и неповторимая мебель в его жизни.

— Заметь, я не повторяю ход твоей судьбы на каждом шагу и тебе тоже не советую.

— Ты про себя или судьбу? — он, верно, издевается.

— Ни про что. Наше алиби предельно простое и доступное для понимания. И кстати, спасибо, что проводил меня до моего дома, премного благодарен. Я не забуду твоей доброты по отношению к незнакомому человеку, попавшему в беду. — Рука — на груди, мои поэтические мысли — в душе у Рю. — И спасибо, что привёл и познакомил с близкими тебе людьми, для меня это так много значит.

На словах «близкими тебе людьми» чёрные глаза сменились на более наплевательские, чем прежде. Но мне отчего-то кажется, что Рю в кои-то веки в порядке, с ним всё нормально, и передо мной предстал простой подросток, которому нечем заняться, и тот передаёт мне эстафету, мол, твоя очередь. Значит, я тут батрачу, чуть с ума не сошёл — в прямом смысле, — и мне ещё вести его куда-то надо. Вопиющ...

— Тебе не скучно? — вдруг раздаётся рядом со мной. Именно раздаётся, ибо небезразличный Куросава Рю — что-то новое. И пугающее.

Самое главное, что я узнал о парне с первой нашей встречи, что если ему по-настоящему начхать, то так и есть. Но бывают редкие исключения, в которых Рю чуток раскрывает свою неизвестную доселе сторону, отчего я возвращаюсь к мнению, что из этого пластилина ещё можно кое-что слепить.

Ну что ж, отматываем назад.

— Нисколько, — отвечаю я. — С тобой мне...

Он выставил вперёд ладонь, взывая прекратить.

— Давай без...

— Моей шарманки, — и щёлкнул пальцами в знак победы.

— Понятно, — Рю отвернулся от меня и засобирился удалиться из своей же комнаты. Признаюсь, я выступил бы неблагодарным гостем, позволь ему окончить небольшую перепалку. Рю хоть и ребёнок, я готов разговаривать с ним, как с взрослым. Честно, моя манера меняется от клиента до другого клиента, и мне ничего не стоит принять Куросаву за уважающего себя человека или минимум сознательного.

В конечном счёте, он прошёл через некоторые трудности жизни, и у меня имеются причины немного... Короче говоря, когда заслужит уважительного обращения, пусть и не просит, но до тех пор он тот же мальчишка, который открыл незнакомому дяде дверь в свой дом. Пора платить.

— Хочешь есть? — вытаскивает меня из целого хода событий.

— Очень смешно.

— Когда ты ел в последний раз?

— Я бы сказал, что два века с лишним назад. Я вкусил жизнь! Не боюсь обсуждать свой возраст. Но, на самом деле, не помню. Иногда я забываю следить за временем. Я люблю считать годы по дням и часам, порой — минутам. Ориентируюсь по ситуации. И то, я не ел никогда. Я родился Проводником.

— Ладно, — Рю сцепляет руки в замок. Как же ему, видимо, скучно, раз пришёл к выводу, что ему ничего не остаётся, кроме как кумекать с предшественником из иного мира. — Ты ведь зачем-то нужен. Какой смысл предупреждать меня о смерти, при этом доставая «клиентов» целые сутки?

— А это мы узнаем после рекламы.

После того как Рю разрешил мне «подышать» свежим воздухом, точнее, одарил меня своим коронным жестом — взмахом руки; я воспользовался этим, выбравшись из дома самым что ни на есть неоспоримо эффективным способом — выходом в окно.

Обидно, ведь Рю даже не подбежал к нему проверить, в порядке ли я.

Но это даже не столько обидно, сколько осознание того, что я не попробую на вкус здешний воздух. Я чувствую, он свежий, окрыляющий, всё вокруг меня абсолютно зелёное. Оттенок зелёного переходит почти к изумрудному в контрасте с наступающим закатом. Облака очень объёмистые и пушистые, голубо-синие где-то там, далеко, они лишь слегка касались бледно-жёлтого цвета, прикрытого от лишних взоров солнца.

И я сделал первый шаг, повернувшись к нему спиной, направившись к холмам, где расположены террасы. Верю, что там меня ждёт сказочное зрелище, а пока есть возможность взвесить все хорошие и неудавшиеся казусы.

Во-первых, (что не имеет вообще никакого дела с Рю) я не переставал вспоминать о некоем Ное продолжительный кусок времени, выделенный специально для Куросавы. Я, разумеется, отделял два этих аспекта дум, но одновременно скреплял и был бы рад, если бы нашёл зацепку либо доказательство их связи. Не зря же я встретился с ним именно сегодня. Должно существовать какое-то логическое объяснение всему происходящему, но мне будто мёдом намазана дорога в тупик. Был ли Ной человеком — без сомнений. Или же в мире есть несостыковки, невероятно сотрясающие мозг, над которыми ломается не какой-нибудь президент, философ, а я, Зрячий Проводник, разбирающийся в мире и его обитателях на уровне психологии, оттачиваемой непрерывно на протяжении всей своей жизни. Я не могу приводить себя в сравнение с живыми, поэтому это не моё чёртово дело. Но я же зачем-то здесь... Эх.

С помощью подделки, подкинутой мне в автобусе, во мне зародилось ужасающее чувство — сомнение.

А вдруг труп отыщут? Или уже отыскали? Начнут расследование, откопают записи, а завтра натолкнутся на беспощадную реальность. Смерть посчитают за самоубийство, несмотря на записанные показания свидетелей, отрицающих моё присутствие. Патологоанатом так же будет бессилён: любой след, оставленный мной, исчезает бесследно. Несчастный случай? Да, ибо объяснения, доказывающего обратное, никогда и ни за что не отыщут.

Или посмотрим на вопрос с иной точки зрения. Он вообще умер?

Мне по сути нечего волноваться. Тем не менее вышеупомянутое идёт наперекор правилу номер шесть и в тоже время не подчиняется ни одному крошечному пунктику свода правил Проводников.

Я убил... подделку. Это всё, что я скажу.

Что станет со мной — неизвестно. Определённо ничем хорошим для меня. Но я чту правила, благодаря которым не настал хаос. И, скажу по секрету, Проводники «запрограммированы» следовать своду. Мы физически бессильны перед ним. Вот почему с экспериментами способны баловаться лишь представители Третьего типа: мы научились обходить предписание, не нарушая его главного замысла. Каждый клиент — кладёшь истории, скрашиваемых наше существование, но от веселья отказываться мы не намерены.

Зрячих чаще всего можно встретить, и я однажды был свидетелем их заковыристых игр.

Я отложил эту тему, потому что мне нужно сосредоточиться на предыстории Рю. Он является главной задачей, которую я обязан решить за малую часть суток, ибо негоже бродить по коридорам чужого дома. И то, я не добьюсь ровным счётом ничего, работая «втихаря».

Рю, насколько я уверен, потихоньку открывается, незаметно, но открывается мне, как бы это самонадеянно ни звучало.

И ещё эта сцена перед снимком фотографии в честь дня рождения... В ней содержится то, без чего я не работаю. Пазл собрался. Картинка видна отчётливо. Пришла минута разоблачения. Всё разобрано по пунктам. В общем, прекрасно!

Под моими ногами шелестела хрустящая трава. И только потом я не заметил на себе туфель.

Как прелестен мир. Он даёт тебе шанс насладиться одними из лучших на всём белом свете видами, а ты, как настоящий идиот, не идёшь к ним навстречу, а отвергаешь непростительными поступками вроде моего. У меня и без того нет ни на что прав, я раб своего предназначения при рождении, кроха среди цивилизации, доказывающей день за днём, что ты блоха. Нет, хуже. Проводникам отказывают во всём, и меня в том числе ограничивают. Дышать, употреблять пищу, слышать надоедливый будильник по утрам, ощущать родное место, ходить в школу, отстаивать свои суждения, слушать биение родного сердца. Целый список! И мне крайне жаль тех, кто до сих пор жалуется на своё положение. Можно добиться более грандиозных успехов, через прозрачное стекло не замечать радостей жизни, стать высоким человеком, на которого равняются, заслужить доверие многих в твоём кругу. Звучит заманчиво, очень.

Но когда ты бедный, в тебе всё же есть при рождении человечность. Мелочи, делающие мир прелестнее, красноречивее, — неотъемлемая часть живых существ.

И то, что Рю разочаровался в близких, наверное, и есть причина наших обоюдных перепалок (назовём их так). Я всеми руками выступаю за наши маленькие ссоры, непременно, и вижу в них реальный выход из проблем, укрывающих пуховым одеялом Рю. Я подрабатываю психологом, но на этот раз всё, что мне требуется, заключается в молчании, ибо Куросава заслуживает этого. Рю не получилось найти себе достойного собеседника, и я стану именно тем, с кем будет комфортно. Порой мои задачи, плотно связанные с желаниями клиентов, нерациональны и предвзяты, но я действую по собственному усмотрению. В этом есть толика опасности Проводника, но лично я так не считаю. Мы чаще ориентируемся на «правильно и неправильно», так что в итоге получается довольно связная картинка.

Также Аи сильно повлияла на виденье окружающего мира Куросавы. Я против неё не имею доказательств испорченности Рю или чего-нибудь схожего и приму тот факт, что для парня она правда важна, наверняка важнее любого из родственников. В отцовском кабинете Рю показал мне, в какой степени важна. Кто бы мог подумать, всего лишь потёртый ноутбук, но внутри него человек в силах разглядеть утешение. И неважно, свихнулся ли тот, поехала ли у него кукушка. Что-то же в жизни случилось, из-за чего идёт полное одушевление предмета.

Одинаково с этим в мои обязанности входит вливаться в жизнь клиента, почему Аи для меня играет не маловажную роль в становлении Рю как индивида. Они близки друг к другу, Рю принимает себя таким, какой он есть. По-моему, поблизости кроется счастье,

потянувшее Куросаву за собой.

Существуют лишь истина и ложь, что и привлекло Рю в Аи. Она одна ему не врёт, а он отвечает ей тем же.

Вот в чём минус живых — враньё.

Нет на свете человека, который не ответит «нормально», когда вы спрашивается, как дела. Какая бы беда с ним ни приключилась, он не скажет правду. Редко когда выдаст вам истину, если вы, конечно, не близки. И всегда кто-то сдерживается, будучи в самом что ни есть отличном настроении, прям распирает его всего.

И, в каком-то понимании, Рю мне врёт, но это больше относится к другому распределению под названием «недоговаривает».

Мои так называемые способности помогают узнавать клиента намного быстрее и основательнее, чем кто-либо за десяток с лишним лет, и это особенно выручает, когда такой, как Рю, попадает именно тебе. Не в курсе, как между людьми распределяются Проводники, схема мне неизвестна, однако и с этой особой системой иногда происходят сбои.

Мне что-то уже кажется, что с этой миссией справился бы даже Ранний. Вся информация как на ладони... Кхм, не сказал бы, извиняюсь. Стены, развешанные дополнительной сплошной стеной из фотографий воспоминаний клиента... Бр-р. Я туда ни за какие коврижки не вернусь. Только если попросит моя вишенка. Я долго после того, как покинул ту комнату, слышал посторонний гул, мои уши были словно заложены водой. Или на высоте. Я не могу точно утверждать, на что это было похоже, ведь прежде не сталкивался с подобным гулом. Повторюсь: тело в этом мире не принадлежит мне, я всего лишь пользуюсь им по назначению. Тот звук прокатывался по моим несуществующим органам и затих там. Кожа вполне чувствительна, но когда я по глупой идее измеряю себе пульс, то меня одаривает благодатной тишиной.

Я вовсе не полагаю, что Проводники — возвышенные создания, идолы, но в нас тоже есть плюсы.

Мы, хотим не хотим, приносим пользу. Ничтожную, по сравнению с материальным благом, но конец мы обязаны обеспечить клиентам, заслуживающим понимания, даже будучи в предсмертном бреду.

Последние слёзы утираем именно мы.

Представляя в таком состоянии Рю, я не в силах придумать, как исправить это. Этот мальчик ни за что не сломается, никогда не даст слабину. И если подобное случится с ним, это не повлияет на его виденье. Своё мнение держит при себе и ведёт жизнь партизана, позволяя себе благодаря этому не теряться среди толпы. «В тихом омуте черти водятся». Да, придумано как будто специально для него.

Я люблю чёртиков, посему Рю мне в радость.

Какой-то спокойный сегодня денёк выдался, по ощущениям, отдельно для меня.

Многие не согласятся со мной, и я сам себе не верю по части мышления Зрячих, но мне просто хорошо. В кои-то веки я утопаю почти босыми ногами в зелёной траве и не прилагаю никаких усилий, чтобы забраться на холм, склон которого оказался длиннее, чем я на то рассчитывал.

На природе чувствуешь себя спокойнее, даже смотря на то, что аромат вечернего ветра и шелестевшей травы мне не подвластен. Этот факт частично придерживает меня во Мраке.

Ну, а пока я не в нём, то попробую насладиться тем, что позади меня.

Я ступаю навверх и оказываюсь на самой вершине.

При таком виде аж дух захватывает, как великолепно. Хожу вокруг своей оси, сминая под пятками высокую зелёную траву, которую то и дело обволакивало ярко-жёлтое солнце. Теперь выше горизонта плавали крохотные, но объёмные облачка цвета сочного персика, а остальное пространство, тянущееся по необъятному небу, походило на бездвижное озеро, волнуемое отражением звёзд от кристально чистой воды.

Люблю я душевные образы, чаще заключённые в явлениях матери природы, чем в её выходцах. Хватает лишь секунды, чтобы проникнуться, и ты тянешься за второй, третьей, четвёртой и зависаешь. Надолго.

Эти картины пропитаны восхищением, любовью, отданной чужому, вдохновением, в конце-то концов. Тут говорить не выходит, чего уж думать. Мысли просто-напросто предают меня и бегут быстротечным чередом, и я забываю, зачем поднялся сюда.

Я нечасто бываю свидетелем бесспорной красоты, для меня обычный случай — больные люди. А они-то нечасто приверженцы прекрасного.

Не верить, семья Рю может, когда только пожелает, наслаждаться всем этим в полной мере, до посинения, до потери памяти, но не делает этого? Откуда я знаю? В одном эпизоде, полученном в камере пыток, вместо того чтобы жить здесь или минимум приехать, все разбрелись по городу тратить необходимые для бизнеса деньги лично для себя. В итоге остались лишь бабушка Сумико и внук Акира.

Была бы моя воля, я бы не двигался с места, но в голову пришла более привлекательная для моей романтической души идея.

Я снимаю пальто — ветер понемногу обдавал холодком, будоражил. Я оттянул воротник белой рубашки и расстегнул пуговицы на манжетах, проводя свободной рукой по волосам. Я падаю прямиком на пальто с расставленными по сторонам руками. Звук получился негромким, шуршащим и приятно глухим. На моём лице расплзлась глупая улыбка, я никак не мог от неё избавиться: она приклеилась, не убрать. В какой-то момент всё ухудшилось настолько, что я издал короткий смешок, чем и обобщил то, что неощутимо кольшется внутри.

Я веду себя, как ребёнок, право.

Я прямо чувствую ямочки на своих щеках, как они углубляются, что я даже могу их ощупать.

Как же хочется внять запах такой панорамы, испытать на себе, каково это — сливаться с закатом. Впереди лишь маленькие облака да россыпь намечающихся звёзд — редких гостей городов и ярких центров. Каким бы ни был человек, он заслуживает хотя бы раз узреть это чудо. Может, тогда бы Проводникам не было применения, от нас бы избавился мир, не принимающий добровольно обратный Мрак, находящийся в пустом месте, где нет ничего, кроме других Проводников.

Смотрю вперёд и дивлюсь, как живые легко бросают такие места, махают ручкой ради исполнения мечты, цели жизни. В этом действительно преобладает ирония, однако на ней ведь и держится человечество, до сих пор заключающее себя в удобную и многофункциональную коробку.

Вдохновение вдохновением, романтика романтикой, но скоро мне придётся встать и побрести назад, к моему любимому кусаке Рю и его разногласиям с внешним миром (вот бы этим всё заканчивалось), да и не только. Не ограничивается малец на малом.

Давненько я не был так расслаблен. Конечно, начальник мой меня не бережёт, не

ценит, а мне работай. Дайте мне хоть денег. Они мне не нужны, но от любой оплаты я бы не отказался. Когда работаешь за бесплатно двести лет, в голове мелькают кое-какие обиды по этому поводу. А так, я не слишком зол, чтобы менять определённый устав, мне лишь поближе к таким местам — живописным.

Но моя радость длилась недолго, а может, и в самый раз.

— Я только лёг. — А что, я тоже могу вести себя, как вечно бормочущий старик.

До меня доносились шаги, вернее, шелест, исходящий от мягкой поступи. Даже не глядя на человека, я целиком уверен, что за мной пришёл Рю.

— Куросава, дай ещё пять минут, — мой голос стал бархатным, и я был рад, что даже тело-глина прониклось пейзажем. Приятный баритон, я бы разговаривал и разговаривал.

Ответа так и не последовало, но зато, когда Рю осмотрел меня всего, непонятно для меня хмыкнул. Стыдно или неудобно мне должно было стать из-за прихода клиента — без понятия. Да и не время думать нынче о подобных мелочах.

— Не дождёшься, старик двухсотлетний.

И с этими словами Рю аккуратно сел возле меня навстречу закату и повалился на меня головой, попав прямо поперёк живота.

— Молчи, — Рю натужно выдохнул. Мой вдох, по сравнению с его, — детский лепет.

Сердце его билось быстрее из-за подъёма на холм, Рю свободно лёг на меня, не поинтересовавшись, не против ли, собственно, я. Это было так диковинно, что я аж рот открыл в немом вопросе. Чтобы Рю, и обнаглел!.. О нет, беру свои слова назад. Куросава может быть наглым. Его манера кричит о том, что мир ему чем-то задолжал. Но сейчас не об этом, ибо для меня важнее убедиться, в порядке ли мой любимый клиент, и он, скажем так, ранее был не в духе. Как будто упав, он стал спокойнее.

Но почему именно на меня? Кругом полным-полно места. Однако, признаюсь, крайне приятно, что выбор Куросавы пал на меня, что бы это ни значило, какой бы контекст не находился в светлой головушке мальчика.

— Мне молчать по поводу...

— Понимай, как хочешь, — отныне и навсегда я убедился, что голос у Рю твёрдый сам по себе. Даже любуясь закатом, он говорит чётко, не лениво.

Снова вздох.

— Отлично, очень щедрый подарок от тебя, дорогой Рю, — звучало вальяжно, не спорю, но на это и был расчёт.

— Не называй меня по имени.

— Как пожелаешь. Не скажешь почему?

Сначала Рю немного помолчал, после чего с новой силой накалил личный интерес.

— Не твоё дело.

— Пф, очень на тебя похоже. Не удастся мне из тебя вытянуть маломальски конкретики. Вот и приходится копать там, где не надо, — это предложение я произнёс настолько тихо, насколько смог. Почему просто не замолкнул? Да потому что незачем выделываться. Я всё-таки отличаюсь от Куросавы, и пусть он чему-нибудь от меня научится, а то ведь все мои старания пойдут насмарку.

Мне чертовски нравятся и вид, и спутник, по-хозяйски улёгшийся на мне. Кажется мне, это не подходит для воспитанного и умного японского мальчика.

Слева от меня — рисовые террасы, заполонившие огромные участки земли. По-моему, эти холмы больше походили на горную долину, где на каждой ступеньке было своё озеро,

зеркальной воды лужа, отражающая то ли травянистый зелёный, то ли блестящий голубой, выглядывающий из-за уходящих вдаль облаков.

Справа — та самая панорама с бесчисленными крапинками цветов радуги. Подобно разобравшемуся калейдоскопу, настоящему витражу.

А на животе разлётся непростой мальчишка, ищущий в жизни смысл, хороший конец, но никак не способный достигнуть его, будучи на привязи у совершенно чужих людей, указывающих, что ему делать. Каковы бы ни были методы Рю, с его точки зрения это единственный способ защититься: укрыться куда подальше. Вина в этом его так же есть, но я бы выбрал другой вариант, чтобы оправдать маленького мальчика, стучащегося изнутри заточившего его тела. Я представляю внутренний мир Куросавы жестоким, больным, с толикой гнили, черноты, лучиков и серости на фоне. Есть просветы. Получается абстракция. Я её ни за что не разгадаю за пару ничтожных часов, да что там, минут. Хочется лишь пожелать спокойствия Рю после смерти.

Ох, я как-то спешу.

— Что ты чувствуешь, Куросава? — улыбка приползла назад, на своё законное место.

Опять ожидание. Претворяйся сколько хочешь, дорогой Рю, но я задался целью раскопать ещё фактов о тебе, и я добьюсь этого, чего бы мне это ни стоило.

Ты не представляешь...

— Я чувствую, что твоё тело при дыхании не поднимается... Оно не бьётся. — Куросава резко допонял это для себя. Надеюсь, до конца. Теперь нет необходимости доказывать это.

Он напрягся, через секунд пять снова опустился на меня, но уже с большей осторожностью, чем до.

— Я тебя предупреждал, Куросава, — согнул уголок губ, хмыкая. — Я — глина, ничего не поделаешь.

— Минусов в этом тоже нет, как по мне.

— Ты в этом так уверен?

— Определённо.

— И верно.

— Что, так быстро? — с издёвкой бросил Рю. Я нутром чувствую, как он выгнул бровь.

— А чего переубеждать тебя? На это всей жизни не хватит, — я хмыкнул, раскидывая руки по бокам.

— Ты знаешь меня не больше дня. — Он что, пытается переубедить меня? — Откуда уверенность в том, о чём ты мне говоришь?

— Предчувствие.

— А, предчувствие, тогда ладно, я тебе с этого момента верю. — Не чувствуете, чем запахло? Появилась примесь чистого родника, природная сладость и десертная ложечка незаменимого везде и во всём сарказма!

— Вот я тебе верю, — парировал я.

— Алистер, не будь дураком, ты вроде немолодой, должен был получить от мира по полной программе.

— Во-первых, сегодня я не один раз получаю такой комплемент «немолодой». Это вообще что такое? Мне двести девятнадцать лет. Не то чтобы «немолодой», а либо в расцвете сил, либо в конец старый. Тебе решать.

— Не то и не другое. Ты что-то среднее, — Рю поводил пальцами по воздуху, отмечая расположение звёзд.

— Так меня ещё не оскорбляли.

— Приятно, что я первый, кто сделал тебе комплимент. Ты средний и исключительный. Если смешать, получишься ты. Именно поэтому я так быстро согласился обращаться к тебе на «ты». Всё равно, кем тебе человек приходится, кроме родителей; если он старше, то тут всё идёт строго. Насколько я понял, ты меня больше не увидишь, так что, почему бы и нет.

— Ты же меня не уважаешь?

— Наполовину.

Разговор у нас тѣк своим чередом. Мы нашли свой лад, никто друг под друга не подстраивался. Рю было легко — впервые за сегодня, — и мне тем спокойнее. Его неверие насчёт того, что завтра не нагрянет, мне абсолютно понятно. Жаль, что лишь мне, ибо хотелось бы, чтобы Рю успел оставить свой след. Прощальный след.

— Ты не хочешь что-нибудь сделать напоследок? — я невинно поднимаю голову, желая собственными глазами узреть, как он будет отвечать на этот вопрос. Нужна мимика.

— Не начинай, а, — мои ожидания рухнули, как и всё, что касается этого сухаря-клиента.

— Тогда представь, что перед тобой последний закат в твоей жизни. Что тогда?

Я никогда не теряю надежды. Вот такой я странный.

— Подумай хорошенько, я пока немного вздремну, — я согнул руки в локтях и подложил под затылок, грузно вздыхая. Сейчас попритворяться можно, ситуация довольно подходящая.

— Чего тут думать, всё предельно ясно.

— Хорошо, я понял, воображение у тебя развитое...

— Алистер.

Я всегда замираю, когда он зовёт меня по имени. Оно приобретает оттенок, который я не могу описать вслух. Куросава, как мне кажется, и коверкает моё имя, и придаёт ему ироническую нотку, отчего-то грустную нотку. А ещё в смешении с японским акцентом... Мне нравится. Мне очень нравится.

— Я бы забрался вот на тот высокий холм, — Рю показал мне вперёд, где была ровная дуга, которой касался яркий жёлтый круг, напоминающий молодой одуванчик, — и упал. Было бы лучше упасть одному, но я бы унёс с собою её сердце.

После недолгого молчания и понимания его слов я легонько кивнул. Я догадался, что за сердце. Куросава как раз-таки его спрятал.

Мимика... Его мимика изменилась. Кожа будто бы ещё сильнее разгладилась, и мне показался совсем мальчик. Рю помолодел на три года, если не на пять. Оранжевые блики, падающие прямо в его чёрную радужку, окрашивают в цвет дорогого коньяка. В его глазах заходил закат. Я, будучи неживым существом, похоже, испытал на себе алкоголь, обжѣгший горло. Я стукнулся затылком о землю — прошелестела трава.

— Работа моей жизни, которую я выстраивал с того дня, как родился, находится в её сердце. Это самая главная часть её тела. Занялся серьёзно этой работой я два года назад, а остальное... набирал материал, — Рю поморщился, но та детская молодость не сходила с его свежего лица. Оно окрыляло получше заходящего солнца. — Даже не знал, что материал я собирал так долго. Пришла пора менять всё кардинально. Мир способен стать лучше, но не в наши дни.

— Это ведь то, о чём я думаю? Истина — один, ложь — ноль?

— Почему ты не глупый?

— И всё, что ты внёс в сердце любимой, — работа всей твоей жизни.

— Легче, когда люди вокруг тебя глупые, — Рю по-настоящему вздохнул и прикрыл веки.

— Но заметь, я не вытаскиваю из тебя силками информацию.

— Ах, точно, «вот и приходится копать там, где не надо». Я правильно повторил? Ничего не забыл?

На этом месте я хочу покраснеть. Представим, что я так и делаю.

— Мне плевать. Главное — делать всё по совести. У тебя она, видимо, молчит, так что не парься. Все мы выживаем, как можем.

— И у тебя совесть чиста? — я уже просто лежу и ощущаю тёплые жёлтые лучи, падающие на щёки. Это всё так по-детски, что со мной ныне происходит, но мне правда хорошо. Впервые за бесчисленные, тянущиеся годы.

— У всех она запачкана. Это ты такой особенный.

— Оу, это что, комплимент? — и снова эта глупая улыбка. Повезло, что маска скрывает мои глаза. Насколько я знаю, в них отражается абсолютно всё, что напало на человека в данную секунду.

— Не льсти себе. Это было простое замечание, — он попытался свернуть налево, но мне-то известно, что вылетевшее из уст Куросавы Рю никогда не может оказаться простецким «замечанием».

Я подвигался, чем переместил худое тельце Рю от бока на землю (как его ветром не унесло?) и снова принял свободное положение. Право, я будто отдыхаю. Или прохлаждаюсь. Но я же вместе с Рю и общаюсь с ним, так что не о чем мне куковать. Рю, ты там полежи немного слева, а я не буду тебя трогать. Если парень не отстанет и пойдёт напролом, то прав был Ямамото. И тем более жестокой будет судьба Куросавы.

Рю, когда скатился с меня по скользкой травке, опёрся руками на землю и занял своё прошлое положение, выгоняя меня с моего же пальто. На этот раз он всё-таки заметил и тронул золотую цепочку у меня в кармане жилета, затем перебирая звенья. Я смотрел на это действие, и что-то схватило меня верёвкой и утянуло. Я сглотнул.

— Ты хранишь такое старьё? — в шутку заприметил Рю и повернулся ко мне, ложась на живот.

— Да, храню, — я вытаскиваю идеально круглые часы и открываю.

— У них время неправильное.

— Вижу.

— Так зачем?

— Для красоты. Я выгляжу солиднее, когда с ними, — и для убедительности поправляю белую маску.

— Ты в курсе, что выглядишь, точно бароном раньше подрабатывал?

— Что, правда? — а теперь представьте, что я выпучиваю глаза. Очень правдоподобно получается, придётся заметить.

— Да ну тебя, — Рю перевернулся на спину. И как же без моего бока? Как же иначе? Никак.

— Куросава, я про то, что копаюсь, где не надо. Ты не хочешь извиниться перед отцом?

Из безмятежного моложавый и свежий лик Рю посерьёзnel и затвердел в одном выражении. Честно, я не хотел предавать его воспоминаниям, но не все пункты нашей работы таковы, что мы их выполняем по собственной воле. У меня нет выбора, когда дело

заходит до клиента. Мне приходится действовать по предписанию, оставленному всем нам, Проводникам. Пусть Рю поймёт это. Я что... оправдываюсь?

— Мой отец умер.

Я замер.

— Поздновато с извинениями, — Рю обратился на солнце. Не представляю, у кого могут быть красивее радужки, чем у Рю. На них тает свет.

— Да уж...

— И с этим совесть моя отключается. Так должно было случиться, но рано, по-моему. Я почему-то надеялся, что он поживёт подольше. Его смерть почти ничего не сделала нашей семье. Траур длился короткое время, короче, чем положено.

— А мать? Что с ней? — похоже, никого из нас не смущало, что я затрагиваю чужие личные темы.

— А с ней всё хорошо, она тоже служит семейному бизнесу, в главном офисе. И для меня готовит место, — он замолк, обдумывая следующий ход. — Поэтому траура было мало: переделывали документы. И бабушка написала завещание. И другие. Я не считаю, сколько их. Как будто я мечтал нажиться на смертях родственников. Уже какой-то ужасник.

— А если бы существовала возможность поговорить с отцом, то что бы ему сказал?

— Знаешь, меня не интересует ни то, откуда ты взял отрывки из моей жизни, ни то, что ведёшь надо мной допрос. Мне нужно лишь знать, что ты всё врёшь. Признай — я отвечу.

Настал мой ход, но кто же знал, что я по своей воле его не приму. Можно пропустить ход?

— Я не вру, в этом ты можешь быть уверен. И не совру. Следовательно, я не отказываюсь от своих слов.

Я лишь уклоняюсь от чистой, белоснежной правды.

— В таком случае... Я бы ничего ему не сказал.

— Прости, Куросава, но, подожди, — я поднял корпус, складывая ноги по-турецки. Рю был недоволен моей новой позой и повторил за мной. Какое же у него недовольное лицо, о боги. Он только через силу устоял на меня. — Я не пойму тебя. Ты должен хоть...

— Устраивать истерики, отрицать кричать, обвинять всех и вся?

— И не так хотел продолжить, но суть уловил. Частично. — От того, что я не способен разложить по полочкам свои всеобъемлющие думы, я не продолжил. Меня распирало от стен, не позволяющих высказаться.

И в самый неподходящий момент я понял, что Рю посмотрел как раз-таки за эти стены. Оказывается, не только свет тает на нём. Пусть отвернётся и больше не смотрит на меня такими глазами. Эта внезапная чернота воззрилась на меня безжалостно, не отпуская. Он без какой-либо помощи и подручных средств мог вытащить из меня информацию, притом не стараясь.

— Расслабься...

Рю подался вперёд ко мне и вдруг на миг расширил глаза. Указательным пальцем поднял обратно мою отвисшую челюсть. Послышался глухой стук зубов.

— Слишком много думаешь. Или привык? — Рю ухмыльнулся в своей манере, острый уголок губ превратился в красивую линию.

— Наверное.

А после моего (невероятного) «наверное» он легонько толкнул меня. Я в какой уже раз за этот вечер упал на своё пальто в неведении, что же меня ждёт далее.

— Ты завтра уйдёшь? — прозвучало близ моего бока. А как же иначе?

— Что, скучать по мне будешь? — я в намёке изогнул бровь.

Произнёс я это в шутку, но после уже подумал о себе. Не то чтобы я принимал эти слова за правду, относящуюся лишь к Куросаве, но вдруг вспомнил о своей части, некоем пункте миссии, которую я должен буду окончить. И не буду напоминать, что это будет нужно сделать без запинки и без задоринки.

— А кто тебе сказал, что не буду? — он повернулся лицом ко мне. Меня захватил данный жест, обращённый исключительно для меня. — Шучу.

— Плохой ты, — буркнул первое, что прилетело в голову.

— Тут не поспоришь.

Рю встал с меня, отряхивая и без того чистые джинсы.

— Ты куда? — я как-то спешился.

— Да кто его знает, — и пожал плечами, мол, забудь про моё существование.

Он опустил руки, точно тряпичная кукла, и побрёл прочь от меня. Без понятия, хотел ли он, чтобы я опустил на них взгляд, но я это непременно сделал, ибо в противном случае бы не увидел зажившие порезы на внутренней стороне локтя. Они были неровными, но видными, несмотря на тень, окутавшую промежуток кожи. Да, руки у него тонкие, и сам он худой, может, это не от природы?

Я было хотел подозвать его, но не стал. Пришла на ум мимолётная мысль, что таким образом я испорчу красивый момент, и особенно Рю это не придётся по душе. Он не захочет возвращаться.

Я смотрел ему вслед и не до конца понимал, а что же я творю. Сейчас. Верно, я специально поднялся на холм и далеко не напрасно потратил время, дорогое и ему, и мне. Я надеялся, что он поднимется за мной, но не был уверен, действительно ли произойдёт встреча. Это был мой шанс скрепить всё ранее узнанное и собрать старательно разобранный и раскиданный по разным углам пазл. Я им воспользовался. И что теперь? Что-то я предвкушал иной разговор.

Я полагал, что помогу Рю закатить истерику, заоткровенничать, раскрыться. Мой план заключался в том, чтобы вывести Рю на эмоции.

Я бы поступил как глупое животное.

И всё-таки не зря я сюда забрался. Рю показался мне — тот, живой Рю, — и я признателен ему за это, хотя до конца не понимаю почему.

Думы думами, но, убрав пелену, окутавшую моё тело, я запечатлел заход солнца. Это было прекрасно, изумительно, тонко, повсюду сверкал чистый синий с голубым. Но всё равно сегодняшний закат располагается на втором месте по красоте, ибо на пьедестале стоит беспардонно покинувший меня парнишка.

Я лежал на полу, точнее, на футоне, который постелила мне в комнате Рю Сумико-сан. Он повернулся ко мне спиной и не сказал ни слова по приходе в дом. Я не стал тогда за ним ходить, подавляя в себе ужасное желание отыскать этого... этого... Сдаюсь.

Он оставил меня в неизвестном чувстве, я ждал его там, на холме, но он не явился, и только тогда я решил не испытывать удачу боле, ибо она меня никогда не застигала. Помню, одна бабушка спросила меня, где её внук, на что я ответил: «Он сказал, что скоро вернётся». Тут уже дело не в уверенности, а в здравом смысле, который у Рю очень хорошо развит. Годы ему помогли. Годы и многочисленные разочарования. Ему просто подвернулся я, и ничего более с ним не происходило, что помогло бы ему окончательно осознать своё положение. Легче представить его за решёткой: он в ней и так живёт. Но мне — рядом с обрывом.

Но где мы сейчас? Мы в одной комнате и делаем вид, что ничего не произошло, не упали на наши головы обязательства, заключённые в речах, которые мы так безответственно кидали друг другу. Не совру, я хочу повторить, но разгребать же нам по отдельности: он — после смерти, я — неизвестно сколько. Я помню без исключения всех своих клиентов, но некоторые в течение года начинают покидать меня.

Ну что сказать, Рю виртуозно поиграл на моих струнах.

И часов не нужно, чтобы прочувствовать стук его бьющегося сердца. Оно периодическое, равномерное, тихое, мягкое. Его дыхание такое же, какое было часами ранее. Мне чертовски нравилось ловить часами его движения во время сна. В какое-то мгновение я принял свои действия за припадок сумасшедшего. И не смог оправдать себя.

Пусть кровь в сосудах льётся, пусть сердце и дальше ударяется о стенки.

Рю заслуживает большего. Он гниёт в родном доме, гниёт на глазах у родителя, «слепой» бабушки, двоюродного брата. Плевать, что они любят его. Я видел, как они любят моего клиента, и не подвергну его порядком затянувшимся пыткам.

Он рассказал мне далеко не всё, но я уже заручился его доверием, осталось лишь не разочаровать любимого Рю. На языке несуществующая горечь. Я сжал часы, от них исходил медленный тик. Непокойно мне. Неспроста всё это...

Наконец, отпускаю часы и поворачиваюсь на спину. Я чувствую себя совсем по-другому. И боюсь этого. Прохожусь по своду правил и не нахожу своих поблажек, грехов, безбожных неисполнений.

Не вытерпев, я тихо подхожу к кровати Куросавы и опускаю взор на ребёнка. Опускаюсь — что-то трескается. Ах, моя маска.

***

Я не спал. Во-первых, не умею, во-вторых, меня не покидало чувство незаконченности. Конечно, оно всегда присутствует в моей работе, но я был недоволен ею, и вовсе не действиями, нисколько. Кажется, я последние сутки я занимался самовнушением, что обязано беспокоить непосредственно меня как Проводника.

Мне пришлось по душе компания Рю, но та незаконченность, что червяком роется в моих карманных часах, не устроит никого. И точка. Пока она преспокойненько зарылась где-то во мне, я не имею права перекладывать вину на кого-то другого, например, на того, с кем я делил тревожный сон.

Я не сумасшедший, я не смотрел целую ночь на своего клиента. Мне хватило буквально

двух минут, чтобы убедиться в том, что я совершаю ошибку.

Умирать — дело, свойственное людям, закономерное, скажем так. Но представьте, что у вас забрали почку или желудок, или любой другой орган. Вот так чувствую себя я в данное время. Пытаюсь заглушить это чувство, абстрагироваться, но меня словно прокляли. А имя сотворившего со мной подобное «Куросава Рю».

Но несмотря на всю эту спонтанность, на ушедшие в никуда семь часов «сна», это совершенно обыденное утро. Будто всё, что меня ныне окружает, — совершенно нормально и нет необходимости переделывать эту общую картину. Я всю ночь слышал мерное сопение Рю, шелест травы из приоткрытого окна, шаги Сумико-сан на первом этаже. Во мне есть огромное упущение, благодаря которому я бы смог более точно определиться со своей гипотезой, но обоняние мне, увы, не дано. Мне нужна хотя бы одна ничтожная нотка, чтобы привести мысли в порядок. Как всегда, меня ограничивают. Сколько ни старайся трогать поверхности без перчаток, ощупывать хлопковое одеяло, взвешивать воздух пустыми ладонями, поднятыми вверх, я не добиваюсь ни грамма того, что мне уже подвластно.

Мне страшно это признавать, но мне нужно больше.

Но время... Оно безбожно уходит от меня всё дальше. Этот пазл оказался слишком большим. Сколько мне осталось?

Я открываю крышку часов. Три часа. Шорох одеяла. Мне осталось три часа.

А я хотел всего лишь насладиться красивым морозным утром. Закат удалось запечатлеть, но рассвет на террасовой долине — не мой уровень возможностей. Окна из комнаты выходят на запад, и это уже само за себя говорит. А я молчу и переполняюсь ожиданиями.

— С добрым утром, — поворачиваюсь к сонному Рю и с издевательской ноткой добавляю: — Любимый Куросава.

И получил от него взгляд пьяного каторжника. А что насупилась, моя пучиглазка?

— Звучит отвратительно, перестань, — внятно пожаловался он.

Знаете, и мне таки кажется, лучшим вариантом было бы «любимый Рю», как я его внутренне называю, но раз мы такие буки и отказываемся от поистине звучащих обращений, то получите и распишитесь, молодой человек.

— Зачем выпендриваться?

— Просто хватит, — он поднял руку в мирном жесте, и было бы серьёзным упущением не воспользоваться подвернувшейся удаче.

Я ухватился за его руку и не резко потянул на себя. Недовольный стон. Я не собирался её отпускать, но ладонь сама каким-то образом выскользнула, а за ним упало и всё тело.

— Ты ленивый, месье Куросава, проснись и пой! Мир ждёт тебя! — я отошёл от кровати на безопасное расстояние, а то вдруг у него в планах в самый неподходящий момент взорваться, и потихоньку начинал собирать свой футон, выравнивая на нём ткань, как было изначально.

— Положи на место, — Рю сказал полностью трезво, из-за чего я в ту же секунду без возражений прекратил.

— Почему это?

— Потому что ты так покажешь мою негостеприимность.

— Оу, а она была?

— Дай мне вон ту палку, — и вправду, у него за шкафом торчала деревянная палка.

— Зачем?

— Я тебя тресну.

И вроде бы можно заканчивать с сонным бредом, однако я не готов сменить это на иное проявление бесед с этим парнем.

— Да ладно, ты даже её поднять не сможешь.

— В таком случае помолчи ещё минуту, и я...

— Ты что, засоня?

— ...и я выгоню тебя.

— М-да, дела плохи, — я потёр пальцем подбородок. — И кто-то ещё твердил про гостеприимство.

— Приставку «не» забыл, — нагло поправил Рю. — Я каждый день встаю с восходом солнца. Думал, шторы задёрнуты. А, понятно, неблагодарный ты гость. — Рю откинул голову, выгибая позвоночник, попутно падая на матрас. — Всё, я больше не засну, спасибо, — и клиент показывает мне поднятый вверх большой палец.

— Пожалуйста, рад стараться. Всё для тебя. Не нужно благодарностей, я от чистой души.

— А она у тебя есть? — мне это принимать за нормальный вопрос или за риторический?

— По логике, есть, — вышло крайне неуверенно. — Но это не является насущной проблемой.

Между тем Рю встал с кровати и сразу же занялся моим футоном, заученно складывая в рулет. Всего пара движений — и тот снова лежал в шкафу.

— Я хотел предложить чай, но вспомнил, что ты не пьёшь.

— Это скромно сказало, но ладно. Предложение принимается. Я посижу с тобой, раз ты попросил.

— Я не то имел в виду. С тобой мой мозг устаёт гораздо быстрее, чем доработки с двоичным кодом.

— Звучит, как комплимент.

Я лаконично щёлкнул пальцами, что для Рю стало знаком для того, чтобы переодеться. Я укоризненно качаю головой. К счастью, частично Рю внял намёк.

— Тогда не смотри.

— Да я не то чтобы обращаю внимания на рёбра, в общем, на кости, — обвёл перед собой круг для общего понятия. — Я же не говорю, что ты костлявый, так что будь благодарен моей чуткости. — Меня беспокоит совсем не то. Когда ты стал таким... добрым?

Обожаю, когда он на меня зло зыркает. Вспоминается судьбоносная встреча, когда мы только узнали друг о друге. Я думал, мне снова попадётся левый старик, но на моё счастье где-то сверкнул маяк спасения — и появился Рю.

Он уже был одет в домашнее и откуда-то достал телефон.

— Откуда у тебя телефон? — я притворно удивился. Ну правда, я его ни разу с ним не видел.

— Захлопнись, а то без бабушкиных моти останешься, — Рю побежал по лестнице вниз, слепо веря, что я отправлюсь за ним, вот прямо всё брошу и побегу. А ведь прав парень.

— Очень смешно.

Неправильно это — скрывать от клиента свои сомнения по поводу его смерти, но я пока не буду отрекаться от своих слов. Слишком уж громкие они. Много историй смертей в моей памяти, которые протекали в радужной обстановке, в глупом неведении клиента (с моим

предупреждением), наполненные любовью, в конечном итоге оказавшиеся трагично оконченными, но в крайней точке приходила смерть. Я могу наблюдать издали, это зависит от личности, но я прихожу, чтобы помочь клиенту, и отличного пути нет. Ошибки быть не может. Моя уверенность за ничтожные сутки неминуемо всё сокращается и сокращается.

А тем временем сбоку промелькнул Акира, такой сонный, что я даже не стал отзывать его. Он был непозволительно милым и держал в руках мягкую игрушку.

Как же всё-таки безмятежно по утрам за городом. Я даже могу позавидовать им, если бы был способен раскрываться в этом мире полностью как во Мраке. Господи, Вишенка такой милый, когда потирает свои глазки сжатыми кулачками.

Но мне приходится позабыть о нём и отдать себя всего своему ненаглядному клиенту, ибо для моего ухода пока что слишком рано. Я вижу Куросаву и чётко представляю, как у него над головой возникает вопрос: «Ты ещё не ушёл?» С сожалением... Нет, совсем не так... Пока нет, но я постараюсь, чтобы всё с тобой стало хорошо.

Окна на просторной кухне падали прямо на Рю, и тюль вовсе не помогала скрыться от ослепляющего света. Сколько бы я на него ни смотрел, то парень всегда притягивает к себе свет. Знаю, он любит темноту, серость по углам комнат, но люди получают всегда не то, чего хотят. Они даже не пытаются попросить о чём-то вслух. Рю совсем уже закопался в себе, в одиночестве он не то чтобы остаётся в своей компании, он всё углубляется в ту чёрную муть, которую создавал на протяжении многих лет, и причина мне отлично известна.

Самое до оцепенения смешное — это полная осведомлённость Рю о том, что для меня не является секретом его прошлое, не исключая многие мелочи, относящиеся непосредственно к нему же. И ещё, что дополняет «смешное», — его безразличие.

За всё это я ему безмерно благодарен.

Я вижу, как он возится с чайником, и вроде бы от него должна исходить тень, равная по темноте палящему солнцу, но выходили лишь светло-коричневые пятна на полу и на прожившем своё кухонном интерьере.

— А где Акира-чан?

— Он редко ест по утрам. Наверное, мы его разбудили. — Я уставился на него, приподняв левую бровь. — Я потом извинюсь.

— Лады.

— И сними ты уже эту жилетку, — он обвёл меня убеждающим взглядом. — Хватит ребячиться.

— Э-эй, обидно! — я оскорблённо нахмурился, делая шаг назад. — Я думал, самое обидное — это когда ты мой плащ в прямоугольную коробку, выколоченную нелюдимыми варварами, засунул! Но меня бесстыдно обманули.

— Во-первых, прямоугольная коробка варваров называется шкаф. А во-вторых, ты признал, что носил не пальто, а накидку фокусника?

Я проглотил столь вопиющее замечание, после чего Рю упивался там своим тщеславием. Я ему не мешал, пусть веселится паренёк. Я бы и жилетку снял, раз такое дело, но расставаться с часами строго запрещено. У каждого есть похожий инструмент, и имя ему — Звено. Для меня Звеном выступают карманные часы, и я даже не могу точно утверждать, что их вообще возможно потерять. Порой мне кажется, что если я их положу, например, на этот стол и уйду, то, когда я буду у порога дома, они появятся в обычном своём положенном

месте. Я не удивлюсь, нисколько.

Рю не хочется этого признавать, но, принимаясь за завтрак, ему было неудобно сидеть передо мной и есть, и это в придачу со всей гостеприимностью воспитанного японца. Он не выдавал в этом себя, но в том-то и заковыка: он на меня почти не оборачивается. Так как смотреть вглубь кухни странно, он часто оборачивался к окну. И взгляд его был абсолютно обыденный.

Я пропустил рассвет, но на самом деле не он мне был нужен. Глядя на волшебство природы, приходишь к выводам, что она такая же живая, как и любой другой индивид, но для меня всё закономерно.

Живой значит живой, и лучшей для меня картины, безоговорочно, поистине живого, реального человека, никого боле не будет. Объяснить мне сложно, хоть мне и подвластны все языки мира, но я становлюсь похожим на одержимого художника.

Интересно, к чему это?

— Из-за тебя у меня аппетит пропадает, — беззвучно хлебнув чая, из кружки которого развивался дымок, принялся за старое.

— Совесть заработала?

— Не заблуждайся, — сделал быстрый глоток чая и откусил кусочек от сырого рисового теста.

Рю в своей манере снова неожиданно повернулся ко мне (обожаю такие моменты), и сейчас ему как никогда подошло бы поправить невидимые очки.

— Когда ты уйдёшь? — он сделал акцент на «уйдёшь», благодаря чему можно было по-разному понимать заданный вопрос. Я не я, если отвечу прямым текстом.

— Это намёк?

— Нет, — твёрдо произнёс Рю.

— Если так, то... Я предлагаю не думать об этом. Давай насладимся временем, которое нам обоим осталось? Как тебе идея? — а мне бы подошло окольцевать ручку чашки. Мои представления строятся на основе эстетики, прискорбно, что не всегда осуществляются.

— Ты говоришь излишне поэтично, и я бы тебя не послушал бы, но сделаю исключение...

— Ради меня?

— Повторяю, не заблуждайся.

Я боле не сдерживаюсь и встаю со стула. Рю не провожал меня своим умопомрачительным взглядом, на что я теперь не стану обращать внимания, ибо для меня и без того всё предельно ясно.

Прохожу за спинку его стула и кладу на неё локти, наклоняясь.

— Отойди.

Рю, как ты так можешь враждебно относиться ко мне? Он сказал холодно, как бы защищаясь. Конечно, я же устрашающее, чужое существо. По логике, Рю поступает довольно осмысленно. Кто знает, на что я способен.

— Куросава, просто не обращай на меня своё драгоценное внимание и ешь. Потом пойдём прогуляемся, — я похлопал по его плечу и отстранился. — И сколько бы ты ни отталкивал меня, я буду возвращаться к тебе. Рано или поздно — мне диагонально. Со мной ты даже не потеряешься, классно, не правда ли?

— Звучит, как угроза.

— Но таковой не является, Куросава.

Я вышел из кухни, поздоровался с Сумико-сан и поднялся наверх, в комнату Рю, ждать его возвращения. Тот, словно издеваясь, пил чай в моём присутствии, как худший хозяин, не предлагая мне присоединиться к трапезе. А если честно, мне давно не попадались настолько нормальные (неблагодарные) клиенты. Рю был исключением из правил, особенной звёздочкой, захватившей моё существо. Не представлял, что огромную часть своего задания я буду выполнять в полной свободе мыслей.

Грустно признавать, но в моей голове словно ветер резвится.

Я присел на край кровати и взглянул в окно. Погода чудесна, она ни в какую не подходит тому, что случится далее. Так, пока этого нет, не думай, не стоит... Лучше не заикливаться на будущем, которое неизвестно когда ещё наступит.

Я вытаскиваю из прямоугольного гроба пальто и красиво накидываю на себя. Фото ещё здесь. Оно не даёт мне покоя. Была бы моя воля, я бы положил его обратно, но я не добиваюсь прослыть вором, особенно сегодня, особенно этим роковым утром. Я даже смотреть на него не буду, ни за что.

— Вставай давай, — вошёл Рю и, не упирая руки в боки (сдерживается, поди), быстро взглянул на не заправленную постель.

Я выполнил своеобразный приказ, и тот буквально за пятнадцать секунд сотворил из птичьего гнезда ложе педантичного индивида.

— Когда выходим? — спрашиваю я.

— Когда угодно, только дай мне одеться. Люди утром все бомжи.

— Не могу не согласиться! — для пущей убедительности поучительно поднял указательный палец.

А в ответ я получил многозначительное то рычание, то вздох. Следовало бы Куросаве научиться языку.

Я вздрогнул.

О боже, нет... Господи!

Часы затикали. Часовая стрелка уверенно переместилась, минутная — пересекла пять чёрточек, секундная — пробежала пять кругов. Плохое предзнаменование.

Когда время идёт точно, это значит, что на клиента скоро обрушится роаль. Это значит — опасность где-то поблизости, она притаилась. Я открываю крышку часов и проверяю. До пиковой точки ещё есть время, и его не настолько мало, насколько насторожили меня стрелки. Да в эти сутки вообще всё идёт не по плану! Как-никак Куросавены флюиды мне не всегда приходятся по вкусу.

— Ты что изваянием встал? — прокомментировал моё состояние Рю. Однако мне кажется, что выгляжу намного хуже, чем описал парень. — Говори, если что.

— Я всегда говорю, что хочу, — правда не правда, не мне судить.

— Это видно.

Мы с ним уже давно разорвали грань сарказма и истинности, для нас эти два понятия сливались воедино. Может быть, я частично и понимаю настоящие намерения Рю, но он немного не в курсе о моих. Я чувствую из-за этого дурацкую вину, поэтому смахиваю её куда подальше и возвращаюсь к клиенту.

Когда он одел футболку, я рискнул:

— А нам обязательно выходить?

Но если опасность в доме, то тоже не вариант оставаться на пустом месте.

— Надеюсь, это шутка, — Рю не принял мои слова всерьёз.

— Разумеется, — я махнул рукой и направился к выходу. — Ты идёшь? — Рю почему-то не шёл за мной.

— Да, сейчас. Только подожди меня. Я скоро.

— Ладно, Рапунцель. Песню под твоим окном я петь не буду, сам найдёшь меня, — и щёлкнул пальцами, бросая своего клиента на попечение судьбы. Напоследок услышал я фырканье и улыбнулся.

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Картон фотографии потяжелел. Снова сверяюсь с часами — до смерти около часа. По предписанию Проводник ни в коем разе не в силах как-либо повлиять на время и способ смерти. Этого пункта даже нет в своде правил Проводников, вот я и пренебрегаю такой возможностью. Конец у людей уготован им при рождении, а мы всего лишь дожидаемся нужного момента.

Однако сейчас я не шибко-то желаю вспоминать об этом. Небо не ясное, но такое голубое, что я легко вспоминаю этот оттенок на радужках Куросавеных глаз вчерашним вечером. Интересно, а какого они цвета при ночном небе? Наверняка они самые красивые в мире.

Я отрываюсь от таких странных размышлений и выхожу на улицу. Дверь была не закрыта. Очень небезопасно, я замечу. Погода и впрямь приятная. На небе многочисленное количество белых пушистых комков, собравшихся с картин морской пены. Глупо сравнивать море с небом: цвета до жути разные. Это ещё как сравнивать себя и своё отражение в зеркале. Иногда разница ошеломляет. Вот, например, я всегда привлекателен.

В таких местах и зарождается искусство. Если обернуться и пойти прямо, то мне покажется одно из чудес света — рисовые террасы. Но я уже там гулял, значит, мне следует направиться в другую сторону, исследовать иные окрестности. Элементарно, а там я увижу дома, затем город, кишаший людьми, а после — величественное строение под названием мост Бандай, пережившее многочисленные землетрясения с начала его установки. А дальше вглубь лабиринта высоток.

Я, когда не спал, обходил тему смерти Рю и с дури погрузился в воспоминания редких кадров фотографий тех, кто находится рядом с парнем в настоящем. Я прекрасно понимаю, что их категорически мало. К тому же жизнь их коротка, мне не много надо.

Я отношусь к завершению существования просто. Это всего лишь её часть. Я всегда так считал, и закавыка кроется как раз-таки под словом «считал». Конечно, смерть обязательна, но в ранние годы это противоестественно. Где-то считается, что помереть можно и в двадцать, а где-то — в девяносто. Разрыв внушительный, но раньше я на него не обращал должного внимания. Да чего тут ещё, живые любят скоротечность. В любых проявлениях. Опять поднимаю голову — облака переместились. Как думаете, люди бы рисовали пейзажи, если бы природа не менялась. Да, но их было бы мало. Пейзажистов тогда принимали за сбрендивших.

Неминуемо проходят десять минут.

Я начинаю немного нервничать. Обычно когда происходит что-то «правильное», мне либо надо действовать, либо довериться ситуации и тому, как с ней справится клиент. До пика ещё долго, так что я следую второму варианту. Всего лишь абстрагироваться, ничего сложного.

Помнится, во мне никогда не проглядывались зачатки нетерпения, но кое-кто приоткрыл мне туда дверь и гостеприимно пригласил пройти внутрь. А что мне оставалось,

кроме как принять приглашение? Самое большое, что осознавать мне это приравнивается подкосить свой опыт, — это то, что меня не толкали, меня не пинали, я просто повёлся, как последний школьник. Не могу утверждать, сильны ли были чары, но раз я ввязался в эту историю, то пройду её вместе с Рю, бок о бок.

Я наострился и ничего не услышал, но зато заметил очень странное для меня действие: моя нога не стояла на месте. Она непроизвольно дёргалась, притаптывая ярко-зелёную траву. На миг мне стало её жалко, но затем я подумал о своём теле. Что-то в нём поменялось. Такое чувство, будто я подросток и происходит нечто ненормальное.

Однако не время и не место вникать во всю эту чушь. Я поднимаюсь.

И делать это придётся со всей осторожностью, потому как неизвестно, что окажется внутри дома. Я обхожу его сзади и натываюсь на чёрный вход. Отлично. Через секунду меня уже нет на улице.

Не сказал бы, что здесь полная тишина: Сумико-сан готовила, не замечая меня; конечно, каблуков же на мне больше нет. Я поднимаюсь по лестнице шаг за шагом, чтобы минимизировать издающие мной звуки. Оборачиваюсь назад ради проверки обстановки и не вижу живых. А в кармане всё не унимается ровный тик стрелок, они идут до такой степени правильно, что Биг-Бен бы позавидовал. Не могу, не до шуток сейчас вообще, а я...

Возобновляю подъём и ступаю на пол второго этажа. Сразу бросается бездействие в комнате Акиры, и я начинаю не на шутку беспокоиться о нём. Рю не должен отныне заниматься этим... По словам, намерениям, видам, хотя бы поэтому он не будет трогать младшего брата. Куросава умеет морально давить, выводить из себя, но не применяет физическую силу. Я видел Куросаву тогда, он и не думал о том, чтобы бить Акиру. А их встреча у дверного порога дома — доказательство родства. Мне приглянулась семейная любовь, проскользнувшая между ними во время объятий. Витала тёплая атмосфера. Я не забыл ни мгновения. Это невозможно.

А впрочем, стекло всегда трескается на семейных фотографиях. Под ногами сыпется прах.

Он не посмеет ударить, Рю душевно более «продвинут»... Он становится обоюдным агрессором... Рю показывает истинные лица живых, какие они на самом деле, без прикрас.

Куросава и с Акирой сделал это. Он мне ещё в тот раз показал. «Ты ему поверил? Ха-ха, интересно». Но я не верил. Вот где таилось моё упущение. Это непростительно для Зрячего.

Я лихорадочно приближаюсь к спальне Рю и тупо наблюдаю, что творится внутри, прикоснувшись ладонью в перчатке к дереву двери. Открывается полноценная картинка того, что происходит внутри. Я размыкаю губы.

Я успел запечатлеть короткое сопротивление со стороны Рю, когда Акира держал свои маленькие ручки в области чужого горла. Мальчик практически отлетел назад, стоило Рю замахнуть, однако всё равно он не пытался наносить сильных увечий, толкая и упираясь, и поцарапал кожу младшего. Тот зашипел.

Они были не в равных позициях. Рю сидел, уперевшись спиной в стену слева от входа, а Акира стоял теперь впереди него, с болью зажимая предплечье; он переводил дыхание.

— Говнюк.

Это был голос Рю. Ему бы стоило растеряться или злобно прошипеть через зубы оскорбление, но он как всегда был даже в этой позе как в своей тарелке. Всего лишь выбросил ничего не значащее слово так же злобно и саркастично, как это бывает с ним постоянно. Парень на миг опустил голову — и я наконец перевёл внимание на его шею.

Она была обмотана оранжевой посверкивающей тонкой ниточкой, а затем я опустил взгляд ниже и закусил губы. Это вовсе не ниточка.

Это оголённые провода.

Я решаю не вмешиваться и стихаю настолько, насколько это возможно сделать.

— Это единственное, что ты можешь сказать? — несвойственно моей вишенке, он произнёс слишком едко, словно в глотке затаился яд.

— Длинные речи не по мне. И то, — Рю чуть-чуть поднялся, упираясь руками в пол и сгибая после шеи, — они мне сейчас не... помогут. — Провод стягивался лишний раз, когда он долго говорил.

— Да неужели, — едкость постепенно пропадала, а на её место вставала терпеливая жестокость. Сама вилка лежала рядом с разъёмом, замотанная на ножку стола, и, в том числе, близко к Акире. Ему не удастся ни отвлечь брата, ни быстро добраться до неё и отбросить вилку. Да что там, он и двинуться не может: при необходимости Акира наступал на защищённую часть провода, что позволяло сужать кольцо у его горла. И вдобавок к незавидному положению конец провода, который был прикреплен к Рю, был обмотан вокруг чего-то за его спиной. Нет хода.

Рю очень медленно сглотнул, что кадык лишь чуток прошёлся поперёк медной проволоки.

— А ты попробуй, — добавил Акира, нажимая на провод.

— Уж воздержусь, — в горле у Куросавы было сухо. — Только ножку подними, а то... давит немного.

— Ты всегда был таким, — сначала тихо произнёс Акира. Но терпение даже у него может лопнуть: — Тебе вечно потакали! Ты был идиолом семьи Куросава! Из-за тебя погиб человек! Ты отказываешься брать ответственность за все свои поступки! Много людей умерло раньше уготованного просто потому, что ты не желал возвращаться! Ты как ребёнок.

— Ну, ты всё сказал. Ах...

Акира надавил на провод — на Куросавеной шее появилась царапина.

— «Ну»? Всего лишь «Ну»?!

— Чего ты от меня ждёшь? Не тяни... — непонятно, в каком смысле, но мне было уже не до раздумий. — Тот человек — она, так что обращай с ней соответствующе. Помни, родителей не выбирают.

— Ещё смеешь... Не тебе о родителях говорить.

— Правильно, тебе, — надавил Рю. — Где они сейчас? Почему ты живёшь здесь?

— Заткнись.

— Нет уж, отвечай! Ты добиваешься невозможного, и попрошу быстрее объяснить мне, чем заслужил... вот это.

— Ответить? — Акира приподнял брови. — Потому что нельзя отказаться от фамилии Куросава. Оно как проклятье.

— Оно принадлежит и мне, и тебе. Носи его с гордостью. Мы все повязли в этой трясине, поэтому не усугубляй всё ещё больше.

— Это делаю не я, а ты, Рю-сан. И я могу это исправить.

Акира посмотрел на вилку, лежащую близко к разъёму, и не поменялся в лице, продолжая её будто гипнотизировать. Он стоял повернутым ко мне спиной, и я не мог разглядеть его поближе. Но я преисполнился во мнении, что настал черёд перемен. Это не может так просто закончиться. И вправду, Куросава — чёрный ручей, как жилы у этого

семейства.

— Убьёшь меня, и что дальше-то? Тебя не поставят вместо меня. В нашей семье ты никчёмен, как мой отец.

— Ясуши-сан был хорошим!

— Да, и именно поэтому родня ждала его смерти даже больше, чем моего шестнадцатилетия. Чрезмерно хорошим, он любил мою мать... Кхм-кхм... и получил за свою долбаную доброту сполна. Отец был мягкотелым и не умел думать. Он сам довёл себя до конца. Не бери с него пример. Да и посмотри... не берёшь. Умница.

С губ Куросавы снова вырвался сдержанный стон. Появилась ещё одна царапина.

Я не понимаю, зачем он снова испытывает эту чёртову судьбу? Рю не защищается, он выводит Акиру на эмоции. Я знаю, Рю не хочет умирать, но, правда, зачем?

— Ты непоколебим в своём решении. Давай, действуй! Разве не ты бросался передо мной на колени? И даже перед смертью я не смогу повторить за тобой. Ты даже не удосужился посадить меня на колени, видимо, с самолюбием проблемы.

Такими темпами Рю до хорошего не доведёт. Он начинает меня по-настоящему пугать своими выходками. Перестать говорить для него сейчас — единственный путь к спасению. Какие бы речи он ни продолжал с такой глупостью обрушивать на брата, у него в итоге всё получится, сомнений быть не может. И чем дольше он говорил, тем на его шее более стремительно прибавлялось порезов. Он не собирался останавливаться на достигнутом.

— Всегда был таким, — Акира разочарованно покачал головой.

— Повторяешься, — Рю был крайне чем-то недоволен.

И с этих пор на лице Акиры стёрлись милые детские морщинки и эта лучезарная улыбка, с которой он встречал старшего братика, раскрыв руки для объятий. Лицо как камень. Но мальчик не лишался чувств, они плескались в его теле, вырывались наружу. Он столько хотел высказать, столько... Но ему что-то не позволяло, и Акира, обходя все сложности, принимает безжалостный лик, непозволительно злобный и горячий, что любого оппонента ты бросило в дрожь и обдало лавой.

Однако только на Рю не действовало его преобразование. Тот встречал трудности с холодком на коже, и ему нестрашно было встречаться с таким своим братом. Ему было, наоборот, весело. На периферии я видел поблёскивание. Рю ни на миг не желал сбегать отсюда, он распял Акиру, который даже перестал трястись и ровно стоял на ногах.

Они, мороз и пожар, столкнулись в битве.

В тот момент я совсем забыл засечь время.

— Бабуля рассказывала, с каким чувством ты держал меня на руках, когда после рождения мне исполнился год. Ты улыбался. Я не помнил, но тоже видел твою улыбку. Неужели ты во всём врал? Ты же врал!..

Акира пугающе расширил глаза, отчего в груди изрядно щемило.

Рю молча слушал.

— Я почти не получал твоей любви, потому что у нас не было на это шанса. Между нами всегда стояло расстояние. Нас разделяли, как могли, или ты поспособствовал этому. Мне обидно, что именно я вечно ждал и бросался на тебя, а ты не перечил меня за мою невоспитанность. Я считал, что это и есть тихая братская любовь, но большего я от тебя не получал. Ни разу.

— Я и сейчас жалею обо всех рассказах родных. Врала много.

— Но я любил тебя и за ту редкую улыбку! Её не добьёшься просто так, я много

старался ради неё. Не смей смеяться надо мной! Я... Я мал для твоего настроения. А ты даже над ребёнком никогда не жалился. Я и это проглатывал. Раз за разом, раз за разом я видел в тебе то, что не видели родственники. Меня было не переубедить в том, что ты самый лучший и единственный такой. Для меня ты... ты был всем.

Его оранжевые волосы, подобно пламени, горели в унисон его чувствам.

— Ты не шутил надо мной, как это делали все взрослые, но и не подходил ко мне.

— И тогда это пришлось делать тебе, — Рю, поддаваясь прежним привычкам, наклонил голову влево. Порез.

— И ты не возразил мне. Ты не кричал на меня.

— С чего бы? — Рю не на шутку мог разойтись. Его сарказм, граничащий с холодом, ни к чему доброму не приведёт, разве что до достижения цели.

— Я тоже так думал. Тихо восхищался тобой, я не любил так никого, как тебя.

— Ты мал.

— Смотря на то, что мне девять, мне легко было найти покровителя, и им стал ты. С самого начала я не сомневался в этом, для меня никто не заслуживал того, чего заслуживаешь ты, Рю-сан. Я любил старшего братика. Очень.

Акира любил картинку, ауру, которую, видимо, не специально выстроил вокруг себя Куросава. Я знаю, как это опасно, помню происходящее перед снимком той самой фотографии, что имел в виду Рю при разговоре с отцом. Здесь завязала свой узел одна и та же нитка, но в отличной вариации. Детское сердце легко покорить, но отдал себя Акира именно Рю, и это хотя бы о чём-то реально твердило. Ещё рассказывают, что в церкви новорождённые слышат песни ангелов, на самом деле — эхо мимо проходящих.

— Но случилось непоправимое. Я помню абсолютно всё, что произошло тогда с тобой. О себе я не думал, — Акира сжал кулаки, он ментально нагружал комнату. Сомневаюсь, что Рю было легко вдыхать, по физическим причинам, но могло и по иным.

Рю так же вставлял короткие замечания, но уже реже, что услышать его становилось до жути трудно. Мне приходилось напрягаться, чтобы уловить биение его сердца.

Куросава не собирался умирать, я точно знал. Но ему поскорее бы добиться своей цели, а не то...

— Всё, что нас объединяло, — кровь и фотографии. Потом я не то чтобы разочаровался в тебе, мне было просто обидно, — Акира прикусил губу. — Я лишь дотронулся до Аи, и ты отшвырнул меня на пол. Я не забуду, как ты унижал меня вот этим сердитым взглядом. Он, оказывается, всегда на тебе, стоит повернуться. С тех пор я пообещал себе, что не потревожу тебя. Но во второй раз я не выдержал и сбежал.

— Даже для своего возраста ты много плакал.

— Но лучше быть жертвой, чем виноватым, — парировал Акира. Мысли у него ни на грамм не детские. Что же случилось с ним?

Видимо, не этого хотел услышать Рю, поэтому поёжился, будто ему что-то мешало, например, гвоздь за спиной, на котором обмотан провод.

— Ужасные слова.

— Тебя не просили открывать рот, — Акира из последних сил сдерживался от крика.

Я могу поменять ныне всё, что творится внутри этой «камеры», но тут уже работают правила, с коими мне запрещено бороться. Я не могу. Какой год пошёл, а я всё ещё не научился их нарушать. Слишком маленький, чтобы полагаться на чутьё; слишком взрослый, чтобы перечить начальству понапрасну.

— Ты не скрывал, что не рад меня видеть, не делал вид. И меня это вдохновляло.

— Но недостаточно. Поправь свои розовые очки.

— Заткнись!

— Тебя не хватило. Ты не умеешь подавлять свои желания. Ты слабый человек.

— Мне девять! Я не должен так страдать из-за тебя!

— Жаль, тебя не было рядом, когда мне было столько же, — хмыкнул Рю, после чего с болью проглотил накопившуюся слюну.

— Всё ещё помню, как ты ненавистно на меня смотрел. Я только и делал, что плакал из-за тебя, но никому не говорил причины. Я ровнялся на тебя! И мне было всё равно, каким образом ты обратишь на меня внимание, провинился бы я или вызвал у тебя уважение. Абсолютно плевать... Но Рю-сан отдалялся от меня!

— Ты ни разу не вызывал у меня уважения. Держа тогда тебя на руках, я уже видел, что ты будешь ломаться день за днём и скончаешься как твой велико уважаемый Ясуши-сан, который по вине своей мягкотелости бросился под поезд. Но это ещё не всё. Он не имел представления о слове «долг». Отец мог уйти от всего этого, но испугался, как бродячая сука, которой больше не будут давать из жалости кости. Пусть лучше пьёт грязную воду из лужи, чем поставит под угрозу то, что строилось больше ста лет.

Кросава произносил слово за словом с трудом, голос заметно охрип, но он хотел сказать всё это за раз, чтобы младший внял серьёзность, с которой обращается к нему старший.

— У него не было выбора!

— Выбор есть всегда. Он свой не сделал и поплатился. Теперь его раздробленные кости гниют на ржавых рельсах.

— И когда дело заходит до родных, ты готов их смешать с грязью. Ты же та бриллиантовая статуэтка, с которой пыль стирают бархатной тряпочкой. Ничего не ценишь, кроме железяки.

— У неё есть имя, — устало добавил Куросава.

— Скоро уже нечего будет называть по имени.

Акира, несмотря на его поведение, вспыхивал праведным гневом где-то внутри себя всё сильнее, что его стало не узнать. Светлый мальчик в своих помыслах, поколебивший своё представление в мольбах о физическом насилии, о некоем наказании, стёрся с лица земли. Я и раньше задумывался об этом, но их родовая фамилия и впрямь действует как проклятье. Они все несчастны. А кто находит в страдании радость, тот проклят и после кончины.

Не в курсе, что будет делать Рю после неё, но он накликал на себя не меньшую беду, чем все его родственники.

— Не смей, — только и проговорил Рю, стоило Акире перевести взгляд на стол, соответственно, на Аи.

— Ты любишь эту железяку больше меня, мамы, папы и всё ещё любишь. Ты бы не защитил меня сейчас, верно? Мне впервые так плохо. Вся боль, которую я испытал, она из-за тебя. Ярываюсь, — эти два слова он прошептал с особым значением. — Представь, что у тебя вырывают конечности. Вот так я себя чувствую. Проблема заключается в одном, но мне её не хватает.

Акира подошёл к Аи и мягко погладил по корпусу — Рю оскалился.

— Убери, — сдавленно сказал он.

Акира не слушал, не отвлекаясь на Рю, и я только потом заинтересовался, от чего этот провод. Взглянул на Рю, потом обратно на стол, и меня прошибло: провод — это зарядка

ноутбука.

Не могу представить, что твориться с Рю, но что бы ни происходило, в какие крайности ни кидало, я практически ощущаю, что для Куросавы это — причина дышать спокойно.

Провод был оголён лишь на том промежутке, где касался Рю, но как будто это было безопасно! Я пропустил многое и всё ещё не в курсе, как Акире удалось повернуть это. С какими помыслами он отдираал провод и действовал настолько тихо, насколько возможно. Мне не дано читать мысли, и это ужасное упущение, которое не предусмотрено в самой моей сущности.

— Аи, не так ли? Она же мёртвая, как ты её любишь? Невозможно, чтобы любовь к ней была весомей моей. Я люблю тебя, Рю-сан, и это не изменится.

Мгновенное молчание.

— Поэтому я избавлюсь от неё.

— Нет.

— Ты ничего не почувствуешь, обещаю, я быстро.

— Нет, — вторил Куросава.

— Она тебе не нужна. Я помогу тебе полюбить меня. Подожди.

— Нет!

Рю сорвался. Голос звучал хрипло от недостатка слюны, но парень продолжал глотать, словно это поможет исправить совершённые ошибки раз и навсегда.

Акира достал спрятанный в углу молоток и взвесил в ладони. Тяжёлый. Рю отрицательно качал головой из стороны в сторону, молчаливо дёргая губой, выдавая свою слабость. Он не может жить без Аи, я (странно) как никто другой знаю то, над чем Куросава не властен. Да каждый живой! И абсолютно каждый рано или поздно прощается с любимым или любимыми. Рю пропустил этот шанс, ведь самоубийство отца не повлияло тогда на мальчика, может, с Аи получится, хоть это по-издевательски поздно.

— Рю, у тебя получится... — нечитаемо двигал губами.

Внезапно Куросава вздрогнул.

Не может быть. Почему именно он? Почему мне попался Куросава?

Акира размахнулся — со всей силы пробил тело Аи. Было громко, но не слишком, однако, кажется, моему клиенту достаточно, чтобы потерять слух.

Рю резко потянулся вперёд, бросившись на Акиру. Не вышло. Его пришилило к стене. Раздался глухой звук от столкновения черепа с твёрдой поверхностью. Рю не пытался специально приходить в себя, у него, кажись, всё всегда получается. Да, таков он.

Но даже такого, как Рю, может коротнуть.

Не на короткий миг он потерял своё самообладание, а на долгий промежуток. Его глаза терялись в собственной комнате. Из них брызнули слёзы, когда он попытался вырваться во второй раз, всего лишь задрал голову кверху, чтобы не получить новых ранений за зря. Рю способен умереть от потери крови, если в скором времени не отвязать его. Провод сам может добраться до сонной артерии. Конец как никогда близок, но меня всё это не очень-то волновало.

Слёзы Рю не прекращались, они лились быстро, текли из ровных, красивых уголков глаз. Белок покрылся блестящей прозрачной плёнкой, вызывая трепет и гнев. С подбородка капала прозрачная вода, иногда проскальзывая и смешиваясь с кровью на шее, кадык которой подрагивал, передвигаясь вдоль горла так гармонично, что я...

— Серьёзно?! — подобно резанному, прокричал Акира. Его терпение тоже было на

исходе. — Ради неё ты готов отказаться от брата?!

— Ради такого, как ты, — да. Я не смогу так больше... — чрезвычайно хрипло дал ответ Куросава. Я готов прочувствовать все его жилы, кровь, льющуюся в них, принять боль на себя. Однако готовность моя ничего нам обоим не даст.

— Для тебя важнее неживая тварь, чем я!

— Она... была...

Акира вновь наступил на провод — Рю с болью подался вперёд.

— ...тварью, — закончил младший, вызвав в чёрных радужках брата всепоглощающую злобу.

— Она... спасала... меня.

Рю уже не мог терпеть. Его жизнь на волоске от гибели. Он вдруг начал раскрывать рот, как рыба на суше, ловить не хватающие глотки воздуха.

— Алистер...

Я точно сорвался с катушек.

Распахнул дверь, вваливаясь внутрь. Три минуты. Пусть четвертое правило катится ко всем чертям. Не до него.

А бы хотел отгородить Акиру от Рю, развязать чёртов узел, сделать хоть что-то полезное, но сам не ожидал от себя того, что упаду рядом с Куросавой и возьму его за бледную щёку, заглядывая в глаза с таким страхом, будто потеряю нечто важное, самое важное, что у меня есть.

— Просто смотрел и слушал... — прошептал Рю так, чтобы его смог услышать только я. — Ты странный.

Эмоции упали с моего лица. Сломленность ли это, не в моём состоянии искать истину в себе, и поздно предпринимать что-либо похожее с Рю. Я встаю, желая высказаться насчёт неправильных действий, за которые ему, Акире, дадут срок (или что там дают в Японии за проступки несовершеннолетних), за которые он будет расплачиваться мучительно, с особой отдачей, обременением. Грязь не сойдёт с него в этой жизни. И если в другой не скинет тяжкие воспоминания, душа не упокоится.

Кого я обманываю. Разве Акира мне важен?

— Отойди, Акира, — меня сейчас мало на что хватит. Я совсем не замечаю, как голос подрагивает. Я держу субординацию, держу эту блядскую серьёзность и сухость в словах, мне начинает казаться, что поступаю ужасно несправедливо с Рю. Господи, когда же это закончится?

— Ты всё ещё за его?! — орёт Акира. — И это после всего, что я...

Он замахнулся на меня. Я одним движением сомкнул на его запястье ладонь, произвольно сжимая.

— Значит, когда он тебя не бьёт, ты считаешь своим долгом самому быть виновным в физическом насилии? Акира, очнись! — отпустил его.

Я пытался хоть как-то отвлечь его от старшего брата. Тратятся впустую считанные секунды драгоценной человеческой жизни, которой скоро больше не станет. Есть шанс, что Рю... всё-таки избежит всего этого. У него немыслимые взгляды на жизнь, вчера произошло столько всего: случай в автобусе, давящая атмосфера семейных злых воспоминаний, прекрасный вечер и не менее удивительный Куросава на холме. С ним ушёл закат, но жизнь должна быть с ним. Он обязан жить. Добиться того, чего заслуживает. Я верю. Я... окончательно запутался.

Я тряс мальчишку за плечи — тщетно.

— Рю-сан, я тебя люблю! Он не понимает, что так и мне, и тебе будет лучше! Услышь меня!

— Куросава...

— Ты... двуличный говнюк, — еле выговорил Рю, повернувшись к младшему. — Ты меня любишь, но, знай, не взаимно.

— Куросава, пожалуйста, ничего не говори, потерпи ещё немного.

— Дай мне её... — чистейший шёпот, не много вариантов он мне дал, но я понял. Я выполню его просьбу. Кивнул ему.

Вместо согласия или какого-нибудь знака он в своей манере ухмыльнулся и устремился на меня. Пока я держал всё в своих ненадёжных руках, плохо игнорировал Рю и следил за тем, чтобы Акира не выкинул что-либо ещё. Одновременно метался к проводу, ибо малец мог с лёгкостью дотянуться до него. Я разрывался на части в этот момент. Куросаву ещё можно спасти, остепенить Акиру, прекратить этот фарс, но с каждой ушедшей секундой мне меньше настанёт так полагать.

— Алистер, послушай...

— Нет, ты мне потом скажешь, — я хочу отсрочить сегодня.

— Не смогу. Послушай, тот высокий холм...

— Думаешь только о себе! Не живи!

Непозволительно много произошло на эти ужасные мгновения.

Я исчез. Как по классике, я исчезаю перед смертью клиента, и этот раз не оказался исключением. За что?!

Рю умолк и с мольбой уставился на пустое место, где был раньше я. Я никогда не захочу снова увидеть спокойный взгляд Рю, нет-нет-нет-нет-нет!

Акира не обратил на моё исчезновение внимания и быстро добрался до стены. Он не смотрел на Рю, он лишь с остервенением желал отомстить за жестокие годы невзаимной любви и непонимания близких. Акира не справился с проблемами, что окутывали его с рождения в этой проклятой семье. Но самое главное всегда упущено: ему не удалось, а вот Рю прошёл трудности с честью и достоинством.

Акира добрался до цели и схватил вилку. Воткнул в сеть.

Перед этим я явился лишь Куросаве со снятой маской. Он видит всё. Пусть покоится с миром и не боится смерти. Рю не достоин смерти.

— ...как видишь, я не спрыгнул.

«Живи». Я прижал к его рукам самое важное, что у него было, за что он готов страдать. Аи важна для него, и её сердце пусть бьётся вместе с его по ту сторону.

В один миг всё застыло. Картинка замерла, стёрлась. И я, со своим изуродованным лицом, смотрел теперь, как утекает жизнь из таких красивых чёрных глаз. Потерялся блеск; будто бы поблек оттенок. Рю застыл неподвижно, даже голова не опустилась, и от этого ком застрял в глотке. Помню лишь, как до него добрался ток. На шее увеличивался шрам. И вот закончился его последний вздох. Конец.

— Рю.

Я опустил его несопротивляющиеся веки. Голова вдруг стала чертовски тяжёлой. Грудь его не вздымалась, губы чуть приоткрыты, такой молодой.

Акира посмотрел на брата, не веря. Да, это ты убил его. Но он меня не видит, не мне заниматься нравоучениями. Я не хочу его знать. Мёртвое тело друга зовёт меня, просит не

уходить, но я и без того тут задержался. Мне следует покинуть это место впрямь и навсегда. Но здесь тело Рю...

Я надеваю маску и ухожу отсюда. Прочь.

И лишь детские одинокие крики провожали меня до входной двери.

***

Я сижу на том же холме, не снимая ни пальто, ни туфель. Неподвижно. Не было холодно, просто... как-то необычно. Кожа покрылась мурашками, когда внутри что-то защемило. Это началось, стоило мне показать настоящего себя, без маски, Куро... Рю видел меня таким, это непростительно. Как я посмел? Это... это несправедливо по отношению к Рю, ко мне, к нам, без разделений. Я лишь следовал предписанию, тому, чем я занимался две сотни лет. Я как ребёнок верен своей работе. Миссия за миссией, задание за заданием меня нечем было сломить. Так что же сейчас происходит? Почему именно Рю? За что мне такая карма?

Начинаю никчёмно себя чувствовать, когда признаюсь, что не в состоянии ответить на собственные вопросы. И самое несправедливое — некому из задать. Раньше я задумывался об одиночестве, годы этому посвятил, и, выходит, я не испытывал его ни разу, будучи окутанным в нём с головой. Куросава, зачем ты так со мной? На кого ты меня оставляешь, ха-ха? Грустинка застряла где-то, и мне вовсе не смешно.

Без понятия, была ли во всём цель, либо судьба распорядилась так, как всегда распоряжается, и мне нечему, в принципе, удивляться, но всё равно плохо. Мне плохо.

Вот вроде бы вид тот же: оранжевый закат, синие облака, деревья изумрудного цвета.

Но этот закат ничто, по сравнению с черными живыми зеркальными глазами, прекраснее чего, выходит, я никогда не видел.

Настало время Мрака.

Меня снова поглощает в свой мир, являющийся для меня и домом, и тихим пристанищем, и просто переходом в порталы, которые переносят Проводников из Мрака в Тихий. И срок исчезновения с той стороны на другую не подгадать. Всё случается именно в данный момент: понадобится ли Проводник для новой миссии, и когда. Проводникам по своему усмотрению позволяется самим перемещаться во Мрак по окончании работы, но никому доселе не удавалось войти в Тихий самостоятельно.

Мою кожу покалывает, как это всегда бывает при «переходе», и вижу меркнувший передо мной пейзаж. Всё остаётся позади, а Проводник идёт вперёд и только вперёд, хотя мне иногда кажется, что сам мир стоит на месте, не подстраиваясь под должный ритм, пусть и не связанный с Проводниками. Он замер под решёткой собственной неполноценности.

Ох, скоро я встречу с чернотой, с всепоглощающим цветом, чуточку мрачным, но моим домом. Когда возвращаешься домой, чувства странноватые, как по мне, но увидеть... мой любимый чёрный стоит того! Это как развалюха, что намного удобнее и теплее, чем холодная огромная квартира.

И на пересечении портала я готовлюсь к вдоху, потому что сковывающее чувство отпускает меня, и переступаю невидимый порог.

И оказываюсь во Мра...

Погодите.

Я оглядываюсь назад, но пути обратно больше нет. Я иду туда, но меня не переносит, и вместо этого касаюсь гладкого камня стены. Что за чёрт?

Не может быть, чтобы портал сломался, такого в помине не происходило. И самое настораживающее — то, что я теперь дышу, как у себя дома. Мне ничего не преграждает путь, я могу двигаться, часы в моём кармане не тикают. Все знаки того, что я перенёсся, но здесь же... стены. Уму непостижимо. Надо потом Виктору сообщить, что с порталом неполадки, если я выберусь, конечно. Хреновый Прародитель, даже дверцу во Мрак не открывает. И как ему верить после этого?

Так, не паникуем. По ту сторону я ни разу не паниковал. Хм, придётся, что ли, побродить здесь — может, выход отыщу. И фиг с ним, если это окажется самой тупой идеей за всё моё существование: выходом тут и не пахнет.

Ну что ж, в путь.

Я нахожусь внутри какого-то старинного замка. В наше время его бы использовали для экскурсий и того подобного, но я не думаю, что его реставрировали. Словно его оставили нетронутым или вообще не находили вовсе. Однако потолок слишком высокий для какого-то незначительного замка, похоже, что его владелец пару веков спустя был знатного рода, и очень, ибо полосы и узоры на потолке смывались воедино. Вряд ли этот замок можно было не заметить.

Там, где мои ноги, постелен синий ковёр с твёрдым ворсом, протяжённостью достигающий конца обширного и длинного коридора. Стены обклеены обоями бежевого цвета с ровно расставленными по поверхности знаками водяной лилии, а внизу стен на метр с лишним от пола выступают белые молдинги с гармоничным строгим узором.

Коридор оказался без картин, как это обычно бывает в дорогих дворцах. Да, это что-то

между замком и дворцом, не определить точно. Богатый интерьер всему виной.

Но богато или небогато, не играет роли. Как бы здесь ни было роскошно, какие бы позолоченные вензеля ни прилегали к углам стен, пространство не было ярким, как я сейчас описал. Повсюду распространился туман, доходя до чего только можно, подобно серому фильтру. Цвета кое-как угадывались, но серый был главным в этой палитре.

В этом дворце будто недавно побывала скорбь, и люди ушли прочь от грустных воспоминаний. Краски стёрлись и, наверное, не вернутся больше. Им здесь не место. И даже в такой ситуации я думаю, что во всём виноваты люди: они умеют бросать и разочаровывать. Как и случилось в этом одиноком дворце. Хотя, живые могли и не уходить по своей воле, вынужденные покинуть его. Шла война, распространялась болезнь, вполне возможно, что это проклятое место.

М-да, много предположений, мало дела.

Я стоял в тупике, потеряв надежду на то, что замечу что-то странное. Но если я буду и дальше стоять без движения, то точно не найду выход. Стоило начать ход, как носка моего каблука коснулся приглушённый луч света. Слева от меня наружу выходили в ряд высокие, внушительного размера окна, доходящие почти до потолка. Они были хрустально чистыми, но за ними ничего не разглядеть. Про освещение я вообще молчу и продолжаю свой путь, идя ровно по ковру.

Меня так и тянет что-нибудь потрогать. Вспоминая ещё самых ранних моих клиентов, каким был и я сам, на меня накатывает ностальгия. Она не совсем хорошая и приятная, я бы не вернулся в то время ни за какие коврижки, но любопытно снова оказаться в подобном месте, хоть оно не похоже ни на одно, где я бывал и трудился во благо человеческого успокоения.

Я попал действительно в особое место.

Краем глаза заметил между заострённых вверху концов окон незатейливые фигурки лебедей, расположенных таким образом, будто бы они были изображены на гербах. Занятно. Выходит, здесь их почитают. Но я точно не в Бурятии, Казахстане, Башкирии и не в Индии, смотря на обстановку. Архитектура отличается ужасно.

Думаю не топтаться более и выхожу из этого крайне любопытного коридора. Ощущение меня не покидает, будто меня заточили внутри мрачной сказки.

Передо мной зал, который ещё внушительнее и загадочнее тупика позади. Окрыляющее чувство, словно ты вот-вот взлетишь, но не дотронешься до люстры, ибо из-за такой впечатляющей высоты может оказаться, что люди обошлись и без неё. Люстры совсем не видно — лишь серый туман, который вскоре и меня проглотит да не подавится.

С правой стороны на меня смотрят двери, в отличие от тупика, и похож был зал на танцевальный. Так и вижу, как тут кружатся подола пышных женских юбок, как легко изящные ножки «летают» по полу, как почтенные месье чётко отбивают ритм и льётся бесконечная музыка. Сняв мутный фильтр, можно легко представить данную картину, но раз тот не сходит перед глазами, как разводы на линзах очков, то нечего преувеличивать то, чего, наверное, и не было в таком стерильном помещении. На каждом квадратном метре поблёскивал свет, а пыль... пыль превратилась в туман и решила наложить на дворец свои права вместе со мной, новым жителем, нежеланным гостем. Она не ложилась на поверхности — не спеша витала в воздухе красивыми клубами и привлекала, подобно облакам.

Но ход был не только впереди, где балконы. Мне больше приглянулся сворачивающий

направо коридор, где ни окон и мало дверей — тех по пальцам посчитать, что странно, ссылаясь на всю обстановку данного престранного строения.

Я выбрал конечную дверь и вошёл, не оглядываясь, ведь меня всё только ожидает. Ручка ледяная, а сама деревянная доска тяжёлая с рисунком не как у всех прочих. Она меня привлекла. И я оказался внутри.

Комната не маленькая и не большая, но просторная, а ко всем стенам прилегли и шкафы, и стеллажи, и специальный низкий стол, тумба. Во всех много-много отсеков. Также присутствовали полки, а на них завянувшие пучки полевых цветов с деревянными поделками.

Здесь было уютнее, чем снаружи, и вдруг туман начал развеиваться, краски возвращались в столь милое и одинокое местечко. Я вдохнул пару раз, после чего приблизился к столу посередине комнаты, заставленному всякими мелкими инструментами, книгами и хрустящим пергаментом. Похоже на творческий беспорядок, полюбившийся мне во время работы с моими клиентами. Только там могли валяться ошмётки плоти и крови, а нынче, даже можно сказать, чистенько, убрано.

Стол квадратный, но его разделяли стоящие поперёк деревянные отсеки и задвижки, закрытые на замок. Цвет добирался и до него. Дерево было тёмным и дорогим. Я провёл по столешнице пальцами в перчатках, ибо опасно их снимать в незнакомых помещениях. Это уже вошло в привычку.

Я не собирался открывать всё подряд или искать что-нибудь интересное, ведь я не в курсе, кто хозяин дворца. Наверняка я не узнаю этой страшной тайны, но я совершенно против прослыть в самом себе вором.

Ах, точно... фотография Акиры... Ну знаете! На кону стояла миссия и моё психологическое состояние, как ни странно, вместе с физическим. Так что моя совесть чиста как слёзы младенца. Её у меня нет — она в том старом альбоме.

Я повернулся к массивному шкафу, читая на разных языках названия на корешках томов, но не мог сосредоточиться. За спиной что-то неподвижно стояло, я почувствовал опасность, и одновременно серый цвет, пыль почти полностью сошли со всех поверхностей, явив мне тёплые коричневые оттенки. Пахло приглушённо, но особенно ощущался запах старых страниц и древесины.

Я подумал, что рано или поздно мне придётся всё-таки развернуться и поприветствовать нагрянувшего гостя и выяснить, где мы и откуда он сам. Но вместо этого обращаю взгляд вглубь комнаты и потихоньку поднимаю его.

Часы.

Они не тикали — лишь создавали иллюзию звука в моих ушах.

Карманные часы с длинными цепочками крепились на самом верху. Те были бронзовыми, серебряными, золотыми; выглядело красиво, но не так чтобы богато. Просто видно, что человек был под дозой вдохновения и сделал интерьер более диковинным.

Теперь я понял, почему не видел их при входе: серый сошёл — и его заменила краска, полностью показавшая себя во всей красе. И правда, очень мило. Так тепло, что могла растаять какая-то частичка меня, но я отмахнулся, ибо за захватывающими картинками всегда скрывается обман. Подвох, как пожелаете.

А за широким окном мерцал зелёный с жёлтым свет. Атмосфера что надо для мирных людей или тех, кто приложил к ней руку.

Удивительный человек.

Не забывая держать оборону, потому как не только часы могут вмиг окраситься в естественный оттенок, я вновь гляжу на конструкцию подвешенных часов. Они имеют завораживающий эффект, напоминая мне о Рю, кого категорически следует позабыть. Тянусь к часам — и меня буквально отрывает из этого мира.

От него у меня осталось лишь горькое послевкусие да нотка старого дуба на языке. Да и разочарование, как же без него.

***

Труа, Франция. Не такой большой город, как Лион или Марсель, но по-особенному красивый и единственный в своём роде. Я бы его и на те города легко променял, стоит лишь присмотреться и влиться в общий быт.

Франция — страна медленного танца. Но только не распространяйте это суждение, ведь это моё личное мнение, за которое я ещё не получил по рогам. Я его так называю из-за людей. Они могут быть и ленивыми, не спеша проходиться по улочкам без цели или с целью, не опаздывать, а задерживаться. Французы привыкли к медленному образу жизни, в чём я нахожу некую красоту.

Просто никуда не спешить — необычное поведение, возлагаемое исключительно на детей. И неправильно, если родители думают, что его ребёнку побыстрее нужно в садик, в школу, в университет, чтобы сделать его умней, лучше и сильней.

Меня, как обычно, переместило на задание, а приземлился я посреди вымощенной улочки, по которой медлячком перемещались жители Труа. И опять никто не увидит мой костюм туриста! Не знаю, был ли выходной, но вроде бы как пейзажи в таких городах редко меняются. Ну и славно.

Плитка под моими ногами была серого цвета, такого же, как и витавшая в загадочном дворце пыль. Я закусываю губу, по привычке просовываю руку в карман и делаю на проверку шаги, определяясь с нужным направлением. Понятно, идём на запад.

Эти плитки не кончались, и я уже начинаю подумывать, что тут все дорожки такие. По сторонам я вижу разноцветные дома: красные, жёлтые, голубые, зелёные — они были частью всеобщей палитры, охватившей уютный на вид городок, в котором обитают дружелюбные люди. Преувеличиваю или утрирую — моё дело, и если я сказал, что они дружелюбные, то хотя бы частичка этого в них точно есть, не всем же хмурыми ходить пугать прохожих.

Был у меня клиент, который буквально вешался на проходящих мимо людей. Жалко его было, когда его заставили войти в речку и встать колени. А что он? Он послушно стоял так, пока вода потихоньку не добралась до уровня лица. Смерть клиентов должна быть либо физически жестокой, либо морально, так что его вариант точно первый. Он даже сопротивляться воде не мог: окоченел.

Конечно, появляются вопросы, а зачем я, в принципе, нужен, если приходит в действие второй вариант? Да потому что всё тело связано, и мучения его как-никак охватывают абсолютно его всего. И даже психологически человека нужно подготавливать к гибели от воткнувшегося в живот ножа. Хотя это даже не мучения...

Тут мне же не приходится выворачиваться или ускорять ход, как в Ниигате, я просто как один из французов — слился с местностью.

А фасада на домах не встретишь: лицевые стороны строений созданы по типу амбаров, но только разноцветных и симпатичных из-за своего колорита. Дома не выглядели старыми, они сохраняли в себе традиции.

Вот хожу, брожу и не знаю, о чём мне ещё подумать, ибо о другой вспоминать крайне не хочется. Что произошло со мной вчера, то я вообще выбросить из памяти хочу. Негоже мне, Проводнику, о левом клиенте глаголить и уделять ему своё время в золотой голове. Так дело не пойдёт. Но что же я могу? Как люди справляются с неприятными воспоминаниями? Правильно, никак! А я уже две сотни лет живу и шибко не обращал на прошлых клиентов внимания. Я их не забывал, но и дальше дело не заходило. Так, говориться, что со мной не так?

Но о подобном явлении ничего не написано в своде правил, поэтому тупо смотрю на небо и любуюсь белыми облаками на фоне голубого неба. Очень рад, что облака не стоят на месте: можно провожать их взглядом, представлять их деформацию и остальные города, над которыми они будут плавать.

А главное — отключить мозги.

Не являюсь особым фанатом деградации, но иногда это полезней двух литров воды в день.

И хорошо, что часы начали вибрировать сильнее: знак, что я скоро снова обо всём забуду и полностью отдамся миссии. Как говориться, без запинки и без задоринки!

И именно с таким вот непонятным настроением я добрался по мощёной тропинке до трёхэтажного дома с морковно-оранжевой черепицей. Он особо не отличался от строений вокруг, и я направился к двери. Открытой. На замок её не закрывали. Обычай ли это или непредусмотрительность — я не знаток в нынешней культуре, но всё же надо признать, что это очень опрометчивое действие.

По дальнейшим колебаниям часов в моей руке я определил, на какой этаж мне нужно — последний. И я уже перебираю варианты смерти на таковой высоте, а их на моей памяти накопилось значительное количество. Столько трагичных сцен я видел, связанные с обрывами, что даже утопленники находятся далеко позади, и у них более простые смерти, намного проще, чем падение со скалы или многоэтажки. Одна трагедия и драма — что мне нравится в моей нелёгкой работе. Я не садист, я просто люблю своё призвание и отдаюсь ему, нахожу красивые и приятные моменты.

Когда я был Ранним и Рядовым, то меня не шибко захватывало, что и отпустить было нечего. Но чем дальше я находился на том или ином ранге, то ловил себя на мысли, что безразлично смотреть, как умирает человек, не очень-то правильно это; да словил частичку искры, наконец нашедшую отклик во мне о представлении Тихого. Я люблю разговаривать с клиентами, но то — совсем другое, ни с чем не сравнимое.

Я дошёл до нужной двери и постучал, но спустя ровно две минуты мне не открыли.

М-да, весело будет. Я уже чувствую, что сегодняшней день принесёт мне немало сюрпризов, и неважно, будут ли они пагубными для нас обоих.

Я еле как вскрыл старый механизм — и тот лаконично щёлкнул.

Было мертвенно тихо, будто я благополучно пропустил пик своей миссии, но не так-то было: до меня донёсся нервный шорох. Только не говорите, что мне придётся снова примерять облик не психолога, а врача? К тому же, я уже стал видимым, а это значит, что клиент хоть краем глаза заметил меня.

Шорохом меня не напугаешь, но было довольно жутко, чтобы усомниться в лёгкости нынешнего задания. Я прошёл вглубь небольшой квартиры, в гостиную. А что? Во-первых, меня не удосужились встретить, во-вторых, прячутся. Будем считать, что мы оба невоспитанные индивиды.

И только я вижу моего клиента, как та странно уставилась на меня, распахнув глаза. Со стороны выглядело как недоразумение, но меня вовсе не смутила её реакция.

Женщина лет тридцати, хорошо сохранившаяся, но проглядывало несколько морщин, две глубокие залегли прямо под глазами, накидывая её годков. Но если их убрать, то она будет одной из редких красавиц. Волосы светло-коричневые, собраны в пышный пучок сзади, а на ней самой надето голубое простое домашнее платье, чуток потрёпанное.

На мгновение я взглянул в её глаза.

Нет, в них нет страсти к жизни, да и вдохновение в них давным-давно потухло... Совсем не то. И рядом не стоит с...

Простые голубые.

Но в них отразились тревога, страх, и женщина наконец пошевелила рукой, словно хочет дотянуться до меня, но между нами было два метра. А затем в них блеснула надежда, и я потерял тот момент, когда она подорвалась и подбежала ко мне, окольцевав меня в своих крепких объятиях.

Она вцепилась в меня и никак не хотела отпускать. Шарлотт, завидев меня, вроде сразу же намеревалась это сделать, но она что-то проверяла.

Она уткнулась в мою грудь и принялась горько плакать, судорожно хватаясь за мои плечи. Девушка вся дрожала, но я ничего не предпринимал, чтобы та отошла от меня; я смиренно ждал, пока она сама что-нибудь не скажет.

Шарлотт подняла голову и широко улыбнулась, параллельно заливаясь слезами, не контролируя более их. Видно, что она очень давно не находила в себе силы, чтобы изогнуть губы в улыбке. Любой улыбке, даже самой ровной.

— Как я тебя долго ждала, — дрожа, сказала девушка. — Как ты мог заставлять меня думать, что я тебя больше не увижу? Как мог?! — она легонько стукнула по моей груди из-за скоро утекающего напряжения. Она не злилась. — Жак, я люблю тебя. Я говорила тебе раньше... но я так люблю... гораздо больше, чем ты! Неблагодарный!

— Да, я неблагодарный.

— Тебе не жалко было оставлять меня!

На самом деле она не злилась — она вымещала на мне всё накопившееся.

— Мне говорили, что ты умер, — более тихо.

— Не верь им, — я бережно постучал её по спине.

— Я ни разу не верила, — она помотала головой в отрицании. — Никогда. Не смирилась.

— Шарлотт, я тебя тоже не забывал. И теперь ты видишь меня. Всё хорошо.

После она не выдержала после душераздирающей разлуки и поцеловала меня. Я не отстранялся, и она сама отступила, признав, что и я рад встрече.

— Зачем она? — заметила мою маску.

— Во время боевых действий я получил ранение. Не хочу, чтобы ты видела. Не надо придавать этому значение. Я отказался носить бинты.

— Мой беднень... Хорошо, не будем придавать значения, — в глазах её боль и ликование, ибо увидела своего любимого после расставания, потрясшего всё её представление.

Она внезапно взяла моё лицо в руки, детально рассматривая.

— Мне жаль, но её надо сменить.

— Что? — я вдруг нахмурился, не понимая, что она имеет в виду.

— Маска. На краешке она потрескалась немного. Я могу её починить.

Я резко взял её за запястье, которое она протянула к моему лицу. Нет, не стоило этого делать: выглядело подозрительно. Но времени не воротишь. Я спохватился и отодвинул её подальше.

— Мне нормально.

— Уверен? Я и вправду могу поправить.

— Уверен, — я не колебался.

И она не продолжала настаивать, но я-то уловил её не унимающийся взгляд.

В этот момент я засомневался, что мне важнее — скрыть то, что находится под маской, либо не дать ей прикоснуться к моей маске. Она у меня с самого начала... Я не горю желанием, чтобы кто-то, кроме меня, трогал её. Может, странно звучит, но мне она особо дорога, как и карманные часы.

— Пойду разогрею чайник. У меня печенье твоё любимое есть. Я сейчас.

— Шарлотт, можешь не спешить. Я больше никуда от тебя не денусь, — мягко добавил я.

— Да... Точно. — И с улыбкой, полной счастья и ласки, она отправилась на кухню.

И только уединившись, я оглянулся и чуть не дал себе по лбу: забыл, что сердце не бьётся. Надо было отстранить Шарлотт ещё раньше, но я попросту забыл. Хорошо, что она не заметила. Само-то сердце у неё билось с силой за нас двоих.

Ситуация не из лёгких, но я разобрался, что произошло только что, просто обратив взгляд на тумбочку с фотографией.

Скорее всего, произошедшее потрясло девушку, но меня ни капли не тронули её слёзы: я видел их день за днём, что из них, собранных вместе взятых, можно речку проложить. Её страдания и терпение заслуживают уважения, но я не дам её такового, потому как нашёл из льющихся из уст слов и действий подвох, который проявится вот-вот, и моргнуть не успеешь. Пока я прикрою рот и буду играть данную мне роль. И здесь я оказался истинной жертвой обстоятельств.

С такого обычно начинаются самые дикие истории.

Я ещё в прихожей спохватился и быстренько нашёл глазами фотографию, ровно стоящую на тумбочке в деревянной рамке. На ней был изображён мужчина лет сорока, по лицу его можно сказать, что помотала жизнь того нещадно. Он работал на свою страну, служа вроде в армии, а вроде работая агентом.

На той фотографии он нешироко улыбался, стоя в специальной зелёной форме. Перед самым снимком Жак просто говорил с товарищем, который, соответственно, и делал фото. Ничего примечательного, но исход его следующего задания будто был ему известен, так что не так много слов проскочило между ними. Но человеком он был простодушным, хорошим, так что даже пытался разворошить неловкое молчание с другом.

И похож Жак как раз-таки на меня, между нами были некоторые сходства. Будто если снизить ему возраст, то получится относительно моя копия. Блондинистые волосы, но у меня более белые; скулы мои острее; насчёт глаз я промолчу; изгиб губ чуток отличался. А в остальном можно ненароком перепутать меня и Жака, но то, что совершила ошибку именно его жена Шарлотт, которой уделили одно-два предложения в разговоре, меня насторожило.

Я уже, в принципе, готов прописывать ей диагноз, но не буду оскорблять бедную женщину, которую бросили на произвол судьбы после смерти мужа. Она не смирилась с действительностью и ждала его, убегая от реальности и не веря словам писем, да документы

она выбрасывала, чтобы якобы не порочить имени Жака Дюбуа. Шарлотт всячески избегала упоминания и скорбные речи близких людей, дабы самой не верить им.

Ну и что? У неё прекрасно получилось.

И одежда у нас с Жаком — небо и земля. На это можно не обращать внимания, но я в бесконечный раз убеждаюсь, что мозги Шарлотт от столь жестокой трагедии поехали не в правильном направлении.

В итоге мы получаем, что она перепутала меня с её законным мужем.

И тут напрашивается вопрос: зачем я притворяюсь им? Скажу лишь одно: это моя работа.

Я подрабатываю психологом, и поэтому не должен беспокоить своего клиента и доводить его, какой бы личностью он ни был. Я обязан пещься о его самочувствии, всячески доказывая, что Алистер на их стороне или даже мы находимся в одной лодке. Только я совсем забываю предупредить, что не протяну им руку за борт, а возьму вёсла и как ни в чём не бывало причалу к берегу.

Но они же не расстраиваются и не злятся, поэтому нам двоим плевать друг на друга. Плевать ещё с самого начала. Наверняка некоторые чуяли неладное, но не призвались, ибо по-настоящему нуждались в общении или естественном молчании между понимающими друг друга людьми. Огромное упущение, что многие пытаются разворошить «неловкие» паузы, потому что в них человек открывается душой и делает выводы для себя: доверие рождается в тишине, и если тебе приятно держать рот на замке с ближним, то это означает намного больше, чем кажется на деле.

Люди, просто дождитесь паузы и наслаждайтесь чувством свободы, не отягощающим разговором, будто ты чем-то куму-то обязан.

Шарлотт явно не хватало чего-то подобного, раз она вела себя лихорадочно. В ней нет успокоения.

Я поворачиваюсь к стене, где весели три фото. Я сосредоточился пока на первой.

— *Я не могу так больше, — Шарлотт опустила руки, подобно кукле, и села на край кровати.*

— *Лотта, не преувеличивай. Я всегда готов тебя выслушать, но я же не виноват, что ты не решаешься говорить со мной. Я устал и хочу спать. Просто... не надо, — Жак выставил перед собой руку и помассировал себе второй висок, пытаясь взять в толк, что от него ждёт эта женщина.*

Шарлотт не понравился ответ мужа, и она уверенно отчеканила:

— *Я знаю, что ты мне изменяешь.*

— *Лотта, я тебе не изменяю. И давай закончим на этом. Если ты сейчас же не прекратишь, то я уйду спать на диване. Прекратим на этом.*

Мужчина держался из последних сил, чтобы не наорать на жену. На лбу его вздулись вены, да и не только на лбу. Лицо покраснело от злости, почему он не может совладать со своей женой.

Он её искренне любит, что приводит к титаническому терпению с его стороны. В его голову приходили мысли: если и она постарается ради их брака, то он наконец будет счастлив. Однако Шарлотт и не волновалась по этому поводу, точнее, не думала больше, чем ей дозволено как домохозяйке.

Она нахмурилась в неудовлетворении.

— *Ты почти со мной не разговариваешь и избегаешь в собственном доме. Ты поставил*

пароль на телефоне и теперь каждый вечер переписываешься с кем-то, а я не в курсе, женщина это или мужчина. Ты скрываешь от меня измену, признавайся!

— Лотта, повторяю: я устал. Дай мне время на отдых. Я не смогу разговаривать с тобой в таком же тоне через минуту или две. Пойми.

— Нет! Я верна тебе, а ты не признаёшь кольца у себя на пальце! Хоть раз бы вспомнил обо мне в кровати любовницы!

— Ты неправильно поняла. Я подружился с новичком у нас в роте. Он хороший парень, а меня только отпустили домой.

— Ещё хуже, — глаза Шарлотт заметались по спальне, она неосознанно приложила к губам пальцы, выводя свои подозрения одним выражением лица. Жак отлично разбирал, что на уме его жены.

Как же не хочется продолжать этот фарс, не стоящий ни франка.

— Побереги нервы, — тихо выпалил Жак.

— Как ты можешь...

— Моя мама попросила сделать фото по прибытии домой. Она в больнице. Давай забудем на сегодня. Можешь завтра мне мозги выносить.

— Любимый. Чай заварился.

Я побрёл на кухню, осознавая, что эти фотографии помогут мне лишь наполовину, потому что в них не будет показана смерть Жака. Насколько я понял, он уехал давно и так же долго не возвращался. Получается, если ориентироваться по времени года на снимке, где Жак общается с другом, примерно два месяца впустую она провела, мечтая снова увидеться с мужем после сообщения о его кончине.

И вывод я могу сделать один: Шарлотт не может больше терпеть и покончит с жизнью самоубийством.

Есть крохотное предположение, что я, встав на место Жака, предотвращу её сентиментальную гибель, но уже убедился, что простому Проводнику — хоть и Зрячему — не сломать систему. Я очень хорошо в этом убедился на примере прошлого клиента. Не понимаю, зачем я набил голову такой ерундой...

Раз я здесь появился, значит, должен помочь этой несчастной. В конце концов, от работы не убежишь. И, как ни странно, я её почему-то люблю.

Её смерть, скорее всего, будет течь по обычному сценарию: не выдержит, попросается и схватит нож. Оружие пусть выбирает на любой вкус и цвет — я не посчитаю Шарлотт настоящей потерей.

Тем временем она разлила чай по кружкам и указала мне на стул, я сел. Лицо её светилось от счастья. Её тоже можно понять: слепая вера.

— Жак, ты не представляешь, что мне говорили твои друзья. «Жак умер, Жак умер», «Его больше нет» и прочую чепуху мне на уши вешали. Я не слушала их, но немного заволновалась, потому что ты с ними не возвратился. Я отрицала, а они хватили мне за плечи и трясли! Извини, но они у тебя грубияны.

— Есть такое, — неоднозначно согласился я.

Я уже представляю, какое сумасшедшее выражение лица у неё тогда проявилось. Товарищи приняли её за сбрендившую и оказались бы правы.

— А что ты не пьёшь? Он крепкий, как ты любишь.

— Я перелюбил чай. Он мне напоминает реку, через которую мы пробирались. Там лежали десятки трупов животных. Такой же цвет, но мутный.

— Боже...

— Я пока не буду есть. Не хочу.

— Хорошо. Тогда... Чего ты хочешь?

— Побывать вдвоём.

Но должной реакции я не добился. Шарлотт отчего-то опустила глаза на колени, а затем отвернулась, будто и нет рядом с ней никого. Я поспешил её утешить:

— Лотта, я просто...

— Скажи мне наконец, что не этого ты хочешь на самом деле.

— Лотта, мне нужно сказать тебе кое-что очень важное. Не думай, пожалуйста, ни о чём, пока слушаешь меня. Прими как есть. Я не умер, но ты вскоре...

— Что, любимый? — не вытерпела она.

— Вскоре ты умрёшь. Ровно через день. — Я от себя прихожу в шок каждый раз, при каких обстоятельствах приходится произносить такое.

Шарлотт склонила голову над плечом, не разобравшись, что ей надо чувствовать при этой новости. Побегала глазами то туда, то сюда.

Я немного не догнал и принялся исправлять ситуацию. Господи, люди, вы все такие неоднозначные? Встал рядом с ней и взял её руки, погрубевшие за месяцы без мужчины в доме.

— Твои товарищи пришли, а ты нет. Я думала о многом и вспоминала не самые приятные моменты в нашей с тобой совместной жизни. Они могли тебя покрывать, и плевала я на якобы твой гроб на городском кладбище. Ты не умер, для меня это было ясно как день. Но что же ты тогда делал? Где прятался?

— Лотта, ты прослушала меня? — с недоверием напомнил я.

— Нет, ты что. Я слушаю, я всегда тебя слушаю.

— И ты не расстроилась?

— Ответь, это твоя дурацкая отговорка? Ты так оправдываешь себя? Зачем мне умирать, когда мы наконец воссоединились?

— Что?..

Я прекрасно догадываюсь, о чём она.

— Предупреждаю, я не брошу тебя ни при каких обстоятельствах. Не стоит пугаться этих слов.

А истинный я сомневаюсь в этом. Какую же я несу чушь. Будь я на месте...

— Мне хватит лишь одного твоего признания, и я отстану. Ты был... с ней?

— С кем? — я выразил в своих чертах сомнение.

— С Мари, — Шарлотт тяжело выдохнула, будто держала это имя в подкорке сознания и гнобила эту женщину каждый раз, когда вспоминала о любимом. — Что, не помнишь? Подозрительно, она ведь твоя сестра. Ты точно должен помнить хотя бы её.

— Лотта, так ты решила, что я встречался со своей сестрой, будучи женатым? Это звучит омерзительно. Я бы никогда... с собственной сестрой. Ты подумала вообще перед тем, как мне это сказать? Я люблю тебя и ни на кого не променяю. И говорю, раз в прошлом ты пропускала это мимо ушей: я тебе не изменял. Это истинная правда. Только ты есть в моей жизни.

Именно сейчас заостряем внимание на то, что я предупредил клиента о смерти. Верит не верит — его личное дело. Я со своим справился и не буду доказывать ей обратное. Выбор каждого — готовиться ли ему к своему концу или же нет. Она свой сделала.

— Я тоже тебя люблю, — поникши сказала она. — И, раз всё равно ты сегодня вернулся домой, то я обо всём забуду. Хорошо, не будем о плохом. Я согласна.

— Ты мне не веришь? — я почему-то сильно удивлён.

— К чему это всё? Я сказала, забудем, и, прошу, выполни мою просьбу.

Я отпустил её холодные руки и посмотрел на свои — перчатки были сейчас на мне. Снимать их я остерегаюсь в начале и конце задания, посему не стану рисковать. Я сел обратно на место.

Голос её не дрогнул и не выдавал неприятных ноток. Ей точно не нравилось, что происходит у неё в голове: эта измена с сестрой, обвинения, конец военных действий... Слишком много взвалилось на женщину, которая и не заслужила этого всего вовсе, даже если убрать из списка всё связанное с мужем.

И почему же я исключая её вину и готов утверждать, что она не заслужила для себя подобной судьбы? Да потому что Проводники ходят исключительно к тем людям, которые удостоились нашего прихода. Звучит громко — да, пафосно! — скорее всего. Но если бы Проводники появлялись всем людям, которые так или иначе умрут в муках — неважно каких, — то нас бы не хватило на весь земной шар. Муки — вещь неопределённая для каждого живого. Это как сорт шоколада — на вкус и цвет для всех различен и любим. И схватив все эти определения, получится столько же вариаций, сколько людей всего, поэтому мы и не помогаем всякому встречному.

Но не всякий чего-то достоин. С заслугами уже намного трудней, соответственно, живых куда меньше, по чью душу ходят мои многоуважаемые коллеги. Иначе наше количество приближалось бы к человеческому, а это не есть хорошо.

Итак, о чём это я... Она мне не верит на слово, но любит, и поэтому просит забыть. В Тихом мире у всех всё сложно, так что я продолжу докапываться до правды, как и обычно этим занимаюсь изо дня на день.

— Похоже, я не разбудила Банжамин. И хорошо. Но она же должна узнать радостную новость!

Я коротко кивнул ей в ответ, но она не унималась, и потом я понял почему.

— Дочь же родная. Она ведь всегда крепко спит. В школу её не поднимешь.

— Да, помню. Но меня рядом тогда не было, — мрачно добавил я.

— Конечно...

После недолгих раздумий я решил сыграть роль несчастливого человека, который спустя два самых страшных месяца воссоединился с семьёй. Я чётко не знаю, каким был при жизни Жак, но считаю, что из-за войны можно стать каким угодно. По итогу я стал мрачным и чуть-чуть приободрённым, чтобы не расстраивать жену. Я столько испытаний пережил на той войне, что вспоминать — причинять себе неубывающую боль в душе. Мне сложно будет жить с этой тяжестью в груди. А рассказывать кому-то — причинять мне и ему дополнительную боль. Я не хочу идти на риски, не хочу, чтобы семья вместе со мной страдала. Лучше отгорожу их от угнетающих рассказов и приму выстрел на себя, лишь бы никто не повторил мою участь.

Такую роль я буду играть.

— Банжамин вместе со всеми решила, что ты мёртв. Я её уговаривала, но она не поддавалась. Как сообщили — опустила взгляд и побежала в свою комнату с подушкой в руках. Она так горько плакала. Как сейчас помню.

— Прости, что не писал. Нам нельзя было никак связываться, — на миг я схватился за

ручку чашки, но сразу же отпустил, опустив плечи.

— Жак, я повешу пальто.

Она подошла, однако я не противился, что стоило мне значительных усилий, и сняла с меня моё облачение Проводника. Мне чертовски не нравится, когда кто-либо трогает мою одежду. Во-первых, она моя, а во-вторых, она всё ещё моя. Эта одежда, что обрамляет бесчувственное тело (предмет), является некой защитой. В ней я ощущаю себя безопаснее, лучше, подобно кокону. Но в отличие от бабочки, тело у меня не такое красочное. Я и сам полностью не раздевался... Как-то не думал об этом раньше... Кхм-кхм.

Но чувство в этом облачении не такое, как во Мраке. Это другое. На подробное описание я пока не подготовился.

Ох, как я сдерживался, чтобы не повернуть голову, видя, как моё дитя без стыда вешают на вешалку и заталкивают в этот ящик Пандоры. И ведь я ещё при входе снял туфли. Короче говоря, грусть и слёзы.

Узнав, что в квартире есть ребёнок, мне сразу стало лучше. Как уже упоминалось ранее, люблю я детей, потому что они такие наивные и не умеют хранить секреты. По большей части. Но есть одна загвоздка — меня девочка вряд ли примет за своего отца. Уж слишком я странно выгляжу для коренного жителя.

— Ты можешь пойти к Банжамин. Не разбуди её. Она в последнее время ложится поздно.

— Хорошо, — я похлопал её по плечу и вышел из кухни, направляясь в самую дальнюю комнату.

Вошёл-то я тихо, но эта девочка, заметив тень за спиной, мгновенно повернулась на меня. Она прищурилась и тут же кинула в меня подушкой, укутываясь в одеяло, таким образом прячась от меня. Благо я имел много дел с такими детьми и догадаюсь в нужный момент, что нужно будет делать и с ней.

Я постоял у прохода немного, но затем зашагал к кровати.

— Не трогайте меня! — воскликнула Банжамин, лишая себя воздуха внутри своей «защиты».

— Не трону, — быстро высказался я, неспешно садясь. Я обратился к жене у себя за спиной: — И ты пойдёшь. Я разберусь.

Она с обеспокоенным выражением лица кивнула и закрыла дверь.

— Банжамин, разве ты меня не помнишь? — я всё-таки решил попытать удачу.

— Помню, — неслышно сказала она. — Ты похож на папу.

— Да, похож, — вздохнул я. Эх, не вышло.

Вдруг девочка залилась слезами, не сводя с меня глаз. Тут мне опасно было ей помогать, а то спугну бедняжку и потеряю какую-либо поддержку с её стороны. Да, дети наивные, но верные, как не знаю кто.

— Месье, уйдите... — продолжала всхлипывать она, вытирая слёзы. — Зачем вы пришли? Грабить? Что вы сделали с мамой?

Нижняя губа подрагивала, а сама Банжамин не переставала сжиматься на тот же месте в комочек. Я не шелохнулся, но изогнул губы в расстроенной мине.

— Она в порядке. Но ей плохо, когда ты плачешь.

Она вмиг утихла, как будто вошла в себя: взгляд падал в никуда.

— Ей и со мной плохо. Она ждёт папу, но он никак не спускается с неба, чтобы явиться во сне хотя бы маме. Он не заслуживает её.

— Потому что не явился ей?

— Потому что не попрощался с нами.

Она оглядела меня с ног до макушки, немного вылезая наружу, и в окончательный раз всхлипнула.

— А вы красивый, месье.

Я не растерялся (зачем, если это безоговорочная истина?) и улыбнулся Банжамин.

— Спасибо. Мне очень приятно, что разыскал такое светлое мнение о себе, — приложил ладонь к груди в знак признательности.

Банжамин вылезла из-под одеяла. Не сказать, что она была красивой, но миловидной — точно. Коричневые волосы завязаны в тонкую косу. Глаза, как и у всех детей, более блестящие, чем у взрослых.

Я подал ей руку для приветствия — она пожала её.

— Алистер, — сказал я.

— Банжамин.

— А кто вы?

Очень интересный вопрос, я бы даже выразился, занятный. Понятно, что окружению клиента мне запрещено рассказывать правду, и этой девочке я ничего не скажу, ведь это может сорвать мою деятельность, уничтожить в клочки. На секунду я подумал, что клиентом является Банжамин, но явился я именно при встрече с Шарлотт, значит, мои опасения можно смело кидать в урну.

— Я очень хороший дядя. Я друг твоей мамы, — мягко добавил я.

— Точно, у неё много друзей, — воодушевлённо дополнила она. — Только раньше у мамы их было намного больше. Они часто приходили сюда: я слышала крики.

— Какие крики? — дело начинает набирать обороты.

— И кровать скрипела... — раздумывала дольше Банжамин. — Ещё мама просила меня не входить к ней в спальню. И видела-то я её друзей мало, потому что слушалась её, но на самом деле их было во-о-от столько, — она широко развела руками, — и все разные.

Я сглотнул, как можно дольше удерживая любопытный взгляд на Банжамин. В будущем ей придётся узнать, что по-настоящему происходило между Шарлотт и так называемыми друзьями.

Измены — простое дело для живых. Каждый второй изменял своей паре, или третий, не обессудь. На ум приходит разговор с Шарлотт минутами ранее. А обвиняла она именно меня, то есть Жака. Так и идут дела: человек проецирует на втором свои опасения или уже сотворённые грешки, либо чтобы отчистить совесть, либо переложить вину и дальше жить

своей тихой бессовестной жизнью. Им легче обвинять другого, лишь бы не чувствовать на себе любимом груз содеянного.

Но тогда зачем я здесь? Пока у меня сложилось представление, что у Шарлотт нет никаких заслуг. Чем она заслужила моё появление?

— Когда папа умер, мама нечасто выходила на улицу. Я же почти жила на улице, только приходила ради того, чтобы поспать. Мне легче на свежем воздухе.

— Полностью с тобой солидарен. А что ты ешь?

— Ну... что в холодильнике осталось, то и ем. Я не привереда. Просто знаю, что маме плохо и ей не до домашних дел. Я её не дёргаю по пустякам. Но... в последнее время она меня пугает. Я пытаюсь к ней не подходить.

— Как именно пугает? Я смогу исправить это. Не стесняйся.

— Недавно уют поставила на бельё и смотрела в окно. Она не отзывалась на мои крики, пока бельё не загорелось. Или тогда, когда она замахнулась на меня: я убрала папину фотографию с тумбочки в прихожей.

Вот этого я не исправлю при всех моих силах за двадцать четыре часа. Я некое подобие психолога, но даже живой психолог не справился бы с этим психическим расстройством за один единственный день, да какое там... за год.

— Я ещё могу вспомнить, хотите? У меня много историй. Два месяца, оказывается, — очень растяжимые.

— Можешь не вспоминать. Тебе тяжело. И я не буду заставлять ребёнка снова окунаться в них и причинять себе психологическую боль. А это что за фотография?

Я удачно пошёл с Банжамин на контакт. Не уверен, дело ли в моей красоте, но я не буду исключать этого варианта. Да, даже в самые плохие времена следует не забывать хорошем, а у меня из «хорошего» только личико, мой идеальный дорогой костюм и золотые часы. Кстати, они сейчас не подавали знаков. Всё в порядке.

Мы оба вернулись к фотографии, на которой было снято множество людей, а некоторые в одинаковой форме, а в стороне Шарлотт. Она искренне улыбалась и смотрела не на камеру, а на того, кто снимал.

— Всё, что я знаю, — папа тогда стоял у камеры. А этих людей я не узнаю, хотя фото стоит тут три года или больше.

— А кем твоя мама работает?

— Швей.

Здание за спинами людей подсказывало, что это не рабочее место швеи. И на больницу больно-то не похоже. А люди совершенно разных мастей: молодые, старые, в жёлтой форме, без формы. Впрочем, детей не было.

— Ага... — неоднозначно протянул я.

Только после этого я вникнул в фотографию, но на тот промежуток, на который она рассчитана, я всего-то успел поймать шум и одинаковые тексты благодарностей. Молодые пожимали друг другу руки, старые же глядели на них с любовью и признательностью, но ещё с ужасным недовольством.

— *Моя дочь посмела не прийти ко мне, а отобрала квартиру и всех моих внуков!* — говорила одна бабушка другой.

— *Нас всех тут бросили, так зачем вспоминать о тех, кто запихал нас сюда?*

— *Именно. Лучше рожать сыновей. Дочери всех упекают в эту тюрьму слабого режима.* — *Вторила та.*

— Зачем тюрьмой-то называть? В этом доме нам ходя бы рады. — Она хотела переубедить подруг, но тоже находила в тех словах правдивость.

— Ладно. Упекают и платят. Поднимают экономику. Но нам какой прок в этого?

— Где-то жить всё-таки надо. Жаль, ведь родила сына, а его невестка ненавидела меня за то, что я якобы деньги из их семьи забирала. Они обязаны обеспечивать своих родителей, иначе какой смысл было растить их? Я рожала для чего?

— Хорошо сказано. Благодарны должны быть, что из-за них мы потолстели на десять-двадцать килограмм после родов. Теперь есть у нас только эти молодые люди. Шарлотт, например, каждые день ко мне заходит и проверяет, всё ли со мной в порядке, предлагает поесть и воду подносит.

— Волонтеров пруд пруди. Ты особо не радуйся.

— Месье Алистер?

— Что, звёздочка моя?

Она заметно смутилась из-за моего обращения. Я уже не придаю прозвищам значение в последнее столетие. Само вырывается, ничего не поделаю. Но есть те, кого хочется и вишенкой назвать, и я не сдерживаюсь.

— А когда вы пойдёте к моей маме?

— Могу поинтересоваться зачем?

— Ну... я же говорила про крики и скрип, — потеряла Банжамин какое-либо стеснение.

— А я тот друг, который не любит ломать кровати.

Она меня не поняла, но всё равно кивнула.

Время уже приближалось к вечеру, солнце опускалось к горизонту, но мне как будто нечего делать. Я догадался, в чём проблема Шарлотт, в чём её заслуги, и в правильный момент смогу надавить на неё, если того попросят обстоятельства. Так что мне делать? Конечно же, вести беседы с ребёнком. Она помогала в доме престарелых и заботилась о людях почтенного возраста. Это вполне сгодиться за причину моего появления.

И у меня теперь не две роли: Проводник и левый знакомый. А все три: муж, друг и внутренний Проводник, который опасается раскрыть себя даже своему клиенту.

Я на секунду отвлёкся от Банжамин и прислушался. На этот этаж дома кто-то поднимается. Я хорошо различаю шаги и могу заверить, что они будут топтаться у порога в эту квартиру. Уверенный шаг, чёткое направление. Мужчина.

А Шарлотт тем временем на цыпочках подобралась к двери — на лицо моё поползла улыбка. Хоть что-то интересное!

— Я сейчас, подожди меня минутку. Я не буду тебе запрещать выходить. Можешь делать всё, что хочешь.

Она впустила незнакомца, и я стремительно вышел из детской, облокотившись плечом о стену.

Какой-то мужчина начал целовать мою жену прямо у порога. Так дело не пойдёт. Она даже не пыталась сопротивляться. И это на глазах собственного мужа!

— Кхм-кхм, — подал я знак. Он не помог. — Кхм-кхм!

Только после второго раза на меня повернулись голубки.

— Ой... — выдавила Шарлотт, но мужчина распахнул в ужасе глаза и оттолкнул женщину насколько можно дальше.

— Жак? — нахмурил тот брови.

— Удивительно, правда?

— Я же был на твоих похоронах...

— А я же говорила, что он не умер.

— Замолчи, ты просто сумасшедшая!

С этим я бы с радостью согласился, но, похоже, явился «мой» соратник.

— Это я, Альберт, ты меня помнишь? — он хотел от меня чего-то добиться, но я всего тихонько кивнул и повернулся к нему, делая вид, что тоже как-то разглядываю. Главное слово — «как-то», потому что у меня даже прорезей для глаз нет.

— И что с этого? Меня больше интересует, каким боком ты здесь.

— Поверить не могу... — не унимался Альберт. — Тебе же в голову попало... — он ринулся ко мне проверять голову, но я толкнул его легонько, но действительно.

Не любитель устраивать «людские» концерты, но без них сейчас не обойтись. Вроде я должен жену защищать, но она ведь тоже виновата...

— Только не надо переводить стрелки, — я грозно вперился взглядом на этих двоих, после чего Банжамин вошла в гостиную.

Я почему-то рад. Дочери не так мало лет, чтобы водить её за нос. Она достойна знать правду, которую на следующий день же забудет как страшный сон. Нет, плохой пример получился: кошмары люди запоминают лучше счастливых сновидений.

В конце концов, она же часть этой семьи, которой вскоре не станет. Никто же ей потом ни о чём не скажет. Но жаль оставлять её детскому дому, или как он там называется? Родители ругаются между собой — или не между собой, — то ребёнок смотрит на мир иначе. У него может что-то поломаться, но конкретно я не буду виноватым. У меня даже прописки нет!

— И давно это у вас? — меня не смущало присутствие Банжамин. Я позволял себе поднимать тон. — Альберт, как ты посмел? — Банжамин хлопала глазками и переводила свой взор между всеми нами.

Господи, ещё раз я...

— Её было очень плохо... — начал оправдываться Альберт.

— Плохо, значит, — я саркастично покачал головой. — Весомая причина, чтобы спать с моей женой!

Как я хочу засмеяться... Это невозможно. Смех так и рвёт меня изнутри. Я сдерживаюсь, как могу; из последних сил терплю.

Альберт поверил, что я Жак? И это только во-первых. Во-вторых, его отговорка: он прям боится посмотреть на меня. Эти французы все такие? В-третьих, собралась вся семья и любовник жены, который параллельно с этим приходится мне братом по оружию.

А теперь прошу прощения. Я осознаю, как это выглядит со стороны, и то совсем не смешно, да и ребёнок рядом. А пока я продолжу вести этот до жути неоднозначный фарс.

— А ещё что придумашь?

— Я... Я же не знал, что ты жив...

— Прекрасно! — я уже почти перестаю делать вид, что меня всё должно выводить из себя.

— Ты не так понял. Я не договорил. Шарлотт любила тебя, и её было невозможно успокоить после того, как я пришёл рассказать о твоей... смерти. Она не успокаивалась, и мне пришлось брать ситуацию в свои руки.

Он вроде бы закончил — я могу возмущаться дальше.

— В свои умелые руки... — задумчиво подбавил огоньку я, что вызвало стыдливый

румянец у обоих.

И тут вспоминается, что не найти француза, который не изменял своей жене (это вовсе не слухи), а у Альберта на пальце красуется кольцо. И на что я надеялся? Точно, на что-то менее нелепое. Возмущаться Альберт не хотел и стоял там в уголочке, словно впервые его поймали на измене. Шарлотт тоже от него не шибко отличалась. Я попал в эпицентр какого-то дешёвого цирка. Кстати, эти мужчины ещё бесхарактерные и любят только одного человека на всём белом свете — мать.

Зачем тогда люди женятся, если потом будут изменять? В этом вопросе я не разбираюсь, да и результата в любом случае не будет.

— Почему ты так говоришь? — напомнила о своём присутствии Шарлотт. — Ты же сам изменял мне со своей сестрой!

А что... это может походить на правду. По крайней мере, я не знаю, каким был Жак, исполнял ли семейный долг. У меня нет права его оправдывать, но хода назад уже нет. Да и вдобавок сестра... Не нравится мне это всё. Абсолютно всё. Не день, а сплошная истерика. Лишь Банжамин выделялась из нашей ругани. Прискорбно, что не я стою на её месте, отдохнул бы, посмотрел бы, как взрослые ерундой болеют. Но нет, мне приходится отвлекаться от своей любимой белой маски, чтобы никто больно не обращал на неё внимание. Не люблю, когда глазают.

— Что молчишь? Вот что молчишь? Раскаиваешься? Значит, я права на твой счёт. Хоть ты и вернулся домой, но кто тебе сказал, что тебе рады?!

— Ты, — я не преминул показать на неё кистью. — И она, думаю, не против, — обратился к Банжамин.

— Она тут вообще не причём! И почему ты её не закрыл?

— С какой стати я должен запираить ребёнка? Она не ест толком, а ты запираешь. Подумай немного. Я даю тебе шанс одуматься. Ты можешь покаяться за содеянное, принять решение больше не изменять и уделять время нашей дочке. — И повышенным тоном добавил: — Я просто хочу, чтобы эта чёртова война прекратилась в моей жизни!

Все внезапно замолкли. Только Банжамин шмыгнула носом, поправляя полы своего домашнего выцветшего платья. Мне ни капли не стыдно, что я затронул столь щепетильную тему. Оказывается, мне пускали пыль в глаза... Глаза — смешно.

Мне стало обидно за ни в чём неповинную девочку, но она должна ведать, что творилось у неё в семье. Когда всё вернётся на круги своя, когда я исчезну из Тихого, Банжамин забудет обо мне, обо всём этом, но у неё останется ощущение, что что-то не так, потому что в ней самой поменяется виденье некоторых вещей. А там дело за малым. Потом она будет уверена в своих предположениях и сделает сама для себя выводы.

— Я догадываюсь, с какой целью ты это делала... Но я, помнится, предложил тебе забыть об этом. Моё предложение ещё в силе. И если ты сейчас не дашь мне ответ, я буду вынужден развестись с тобой.

— Ты не можешь... Твоя мать любит меня! — пошла в наступление Шарлотт.

— Я тоже её несказанно люблю, но будущее ребёнка вызывает во мне более сильный интерес.

— Тогда... — пошарила она глазами по сторонам. — Тогда... Ты не оставляешь мне выбора! Я останусь с тобой, — нахмурилась и «смирилась» с выбором она.

Я титаническими усилиями подавил в себе злорадствующий и чуток нервный смешок. Я уже с приходом Альберта начал засовывать руку в карман жилетки. Как всегда, всё тихо.

Они даже не дёргаются, тик не слышен. Это говорит мне, что всё происходящее — совершенно нормальное явление, и Шарлотт не нужна моя помощь. Но это как ещё посмотреть, чья помощь ей нужна: моя или Жака.

Но параллельно с мыслями передо мной разыгрывается достаточно убогая сцена между двумя любовниками. Альберт опешил после сказанного Шарлотт:

— Ты куда собралась? Улитки, которые я тебе заказывал в ресторане, доползли до мозгов?! Ты вообще страх потеряла, когда Жак якобы умер. — Я просто кивнул в знак того, что я ещё здесь и как бы участвую в этом жалком диалоге, игре с моими нервами. — Я люблю тебя!

Я выгнул бровь. Настал тот пик, когда меня разрывало на части от смехотворности картины, которую почему-то не перестал обозревать.

— Попридержал бы язык, — я, собственной персоной.

— Я закапывал тебя!

— Получается, плохо яму забросал, — полоска губ изогнулась в насмешке.

Альберт, похоже, не привыкший к такому обращению, разинул рот. С кем я работаю...

— Если любишь, то забери меня. Разве ты не видишь, что я тут чахну! — посмела же подать Шарлотт голос.

— Ну да, интерьер тут, сказать кратенько, не шик.

Но они моего юмора не разделяли и настроились друг против друга и меня.

— Как я тебя заберу? У меня жена и дети. Ты думать умеешь вообще? Или опять по Жаку поехала голова? А что я спрашиваю, — хлестнул вяло руками, — «спасибо» от тебя было не дожидаться. Ты высасывала из меня деньги, заставляла ложиться с тобой в постель. И секс мне не нравился. Время впустую.

Он что, забыл, что я как бы не ушёл? Да ещё при ребёнке...

— Мерзавец! Ты использовал меня!

— Это кто кого использовал... — как же без моих замечаний.

— Жак, прости, конечно, но твоя жена пылесос. Они друг от друга не отличаются.

— Да ничего. Сердцу не прикажешь, — махнул я рукой. — Додумался же как-то взять её в жёны. Бардак, сама неухоженная, любовник у неё завёлся.

Я специально не напоминал о Банжамин, которая стоит прямо за моей спиной. Вряд ли они её не видят, но главной задачей было перекричать друг друга, так что никому было не до неё. Кроме меня. Я только ближе подходил к ней, чтобы ей не досталось от этих сумасшедших. И всё же, я не понимаю, в чём заслуги Шарлотт. Она могла быть волонтером хоть где, дом престарелых тому пример на снимке, но что может быть важнее собственного чада? В пример идёт только спасение всего мира. Или мой прикид.

— Далеко ты от меня всё равно не ушла. Друг же.

— Жак, она сама спровоцировала меня!

— Тебе слова не давали, — резко опустил его. — Ты не лучше. Снюхался с этой падалью. И гордишься, что она была сначала моей, твоего друга?

После этих слов настала благодатная тишина. Но она не заставила собой насладиться.

Ничего не кидая в эту словесную перепалку, Альберт стремительно подошёл ко мне, но я ловко увернулся от его кривого замаха, ибо назвать его неудавшимся ударом язык не повернётся. Хотя бы в армии учат драться?

Альберт не утихомиривался и продолжал бегать за мной по гостиной. В один момент он попал бы по моему лицу, но я вовремя схватил его за запястье и ухмыльнулся, отбрасывая его

грязные манжеты куртки. Благо, в перчатках был, а то мараться об это ничтожество я не собираюсь. И бить его желания нет. Я не хочу прослыть Зрячим Проводником, который оставляет о себе Напоминание. Синяки, кровотечения, царапины — они все отпечатаются на коже живого. И адъёс моя карьера. А я опытный Проводник и не посмею тронуть живого пальцем... Фу, об испачканную куртку, и моим пальцем... Я не пойду на такое наказание.

— Ещё кидаться на меня посмел? — я наклонил голову набок.

— Жак, да ты с ума сошёл! — ни с того ни с сего выкрикнул Альберт. С чего я должен всё это выслушивать? — Ты сам на себя не похож!

Своевременное наблюдение... Я даже растерялся, как мне брать в толк его высказывания.

— А как я должен себя вести?

— Ты бы не закатывал истерику и простил свою жену. Может, меня бы и не простил, но её бы оставил в покое.

— Ты сейчас шутишь?

Мне параллельно на его тупые думы, я давно переключился с личности Жака на свою, неповторимую, Проводника Алистера! Я видел в себе куда больше возможностей, чтобы выйти чистым из сегодняшнего и грядущего дня. А Жак так, для галочки. Я не ведаю о его характере, принципах, взглядах, но времени, проведённом вместе с его семьёй, мне хватило, чтобы убедиться, что жил он не в благоприятной среде, агрессором которой была Шарлотт. Ублюдки — и ребёнок не постеснялись. В первую и главную роль я — Алистер, и ничем не обязан людям, особенно когда у тех отвратительное воспитание.

— Я не помню тебя, Жак, — сказал Альберт.

Я почувствовал на миг укол вины. Чёрт.

Я не обязан сейчас играть Жака, но мне это помогло найти общий язык с Шарлотт и разгадать, как она относиться к самому близкому для неё человеку, разобрать её безразличие к другим окружающий женщину людям. Она ведь не любит Альберта, я это прекрасно вижу — в глазах её страх. Страх, который она через силу пропускает через себя, чтобы казаться довольной перед мужем, потому что бросила его. Она могла так мстить за то, что Жак два месяца шлялся где ни попадя, а она тут страдала, деля супружескую кровать с другом мужа.

Чем мне порой противны живые — они обманывают и себя, и дорогих для них людей. А цель бывает самая дурацкая, которая только может залезть в прогнившую голову.

Есть два типа людей: одни любят, когда им гладят голову, а другие этого не переносят.

Так вот, Шарлотт относится к первому типу: любит ласку и ищет её везде, в итоге получая, не подозревая, что потом нужно будет платить. Она не спрашивает человека, можно ли им воспользоваться. Она берёт и пользуется. Другие варианты этой женщине не интересны. Поэтому и инстинкт матери у неё отсутствует: дети ей не дадут такую теплоту, она, наоборот, обязывается отдавать её в огромных количествах. Но не хочет.

Хочется и заступиться за Шарлотт, и бросить на неё обвинения за собственные сделанные решения. Она пошла по кривой дорожке в попытках найти уютное местечко, потеряв мужа и дочь. Зато есть любовник, который отказывается представлять её уже своей супруге.

Насколько я тут разобрался, я снова стою на обрыве. Правило Проводника номер три гласит: «Не вмешиваться в отношения клиента с его окружением», — и я уже почти не падаю с этого обрыва, держась за трескающийся камешек по имени Жак. Я притворяюсь им, мне верят, проблем вроде никаких, но подвох всегда и везде поджидает, чтобы ударить тебя

в спину. Мне стоит поскорее поворачиваться назад, чтобы предотвратить нежелательный удар меж лопатками или в поясницу, или в спинной мозг... Разницы никакой, но вот сам удар — свод — пугает меня.

Альберт и раньше думал так о Шарлотт, но не решался признаться вслух; Банжамин я успокоил, но открыл ей глаза; другого окружения я не нашёл.

Однако если бы я был обвинён в неисполнении правил, то кара пришла бы мгновенно.

У меня есть шанс всё исправить. Или исправиться, если повезёт.

— Я сам уже не помню себя, Альберт, — выдохнул я. Мне придётся смириться с этими гадкими людьми и играть по их правилам, чего бы мне это ни стоило. Как повелось, я буду собой, но лишь отчасти. Такой крохотной части... — Я не в духе, — схватился за виски, снова встав перед Банжамин.

— Я сразу понял, что что-то здесь не чисто, — спохватился Альберт. — Я принесу воды.

— Не стоит, — подытожил я. — Не хочу пить.

— Тогда пойдём, отдохнём, — она взяла меня за руку. Мне противна эта женщина.

Я непринуждённо отвёл её руку в воздухе и сделал вид, словно скоро вынесу приговор, что и было моим намерением. Мой облик Жака заставил её испытать чувство вины, и это очень хорошо: в ней теплится крупица здравого смысла. Голубые глаза хотели показать мне искренность, но Шарлотт была ни капли не чистой, как и радужки. Голубой смешался с грязью и пометил этим свою хозяйку. Шарлотт не любила Альберта так сильно, как Жака, потому-то не переставала хватать меня, пока я не сказал:

— Ты ответила мне на вопрос. С этих пор я знаю, что о тебе думать, — холодно до дрожи.

— На какой вопрос...

— Мы можем разводиться. Ты пойдёшь к Альберту, а Банжамин... — я нежно похлопал её по головке — и она сама вышла вперёд. Шарлотт резко закрыла рот двумя руками. Хм, выходит, матери было не до дочери: всё-таки не замечала. Изменить я ничего не смогу. — Банжамин я заберу.

— Ты не уйдёшь. Нет... — Шарлотт быстро-быстро помогала головой, протягивая руки к Банжамин.

Та отошла на безопасное расстояние с решительным выражением лица. Эта девочка сильнее, чем кажется на первый взгляд.

Тотчас ко мне вернулась вера — мир вовсе не так уж плох.

— Отойди, — пролепетала девочка, обращаясь к матери, и крепче сжала ткань моих брюк.

— Я тебе отдала годы своей молодости... — растерянно выпалила в своё оправдание Шарлотт. Угмониться она точно не собирается.

Бывало у вас такое, что вам становилось стыдно за взрослого (любого: знакомого или чужого), но вы не в силах были изменить ситуацию, взрослого, своё смущение. С третьим пунктом и без того не справиться, потому что в вас есть чувство достоинства и желание выйти сухим из воды, а также неловкость.

Поздравляю, с вами всё прекрасно, а у меня давным-давно пропала неловкость.

Со всем прочим некий разлад, поэтому не буду утверждать наперёд.

— И? — выжидающе надавил я, но после вернул себе прежний тон. — Какой родитель будет таким образом шантажировать своего ребёнка? Позволила же себе. Кстати, я думал, ты мне годы отдавала.

Глаза чешутся — как я хочу подмигнуть!

— Я же вас обоих люблю, — ретироваться её не удастся.

— Это тоже случается, но у тебя не вышло разрываться на трёх человек, — я присел на корточки и взглянул прямо ей в глаза. — Альберт, уходи, сейчас не время для воссоединения. И спасибо за то, что пришёл на похороны.

Не попрощавшись, Альберт исчез в ту же минуту. Фух, хотя бы от кого-то избавился. Балаган какой-то. Людей было слишком много.

— Но я так старалась, — Шарлотт положила ладонь на мою щеку. Я почувствовал дискомфорт, но тактично промолчал. — Всё разрушилось, и я тому виной.

— Не говори так, — я помог ей встать. — Тебе был нужен я, и я буду с тобой.

Произнося это, я был недоволен, но что поделаешь, если моему клиенту не подойдёт психологическая борьба. Я — Проводник, и в мои обязанности входит облегчить смерть клиента, в то же время оказать помощь клиенту разобраться в своих ошибках, чтобы душа его чуть-чуть успокоилась. И, разумеется, есть сложные экземпляры.

Но этой женщине я уже не верю...

— Не уходи с ней!

Я помнил о Банжамин, хотел сначала закончить с ней, но она решила не терпеть и высказаться прямо на месте.

— Ты что такое говоришь, — строго заметила Шарлотт, изменившись в лице. — Замолчи, — она опешила, нахмутив брови.

О нет...

Банжамин была вся в слезах, они всё ещё текли из уголков глаз. Но девочка не разжимала кулачки и уверенно упёрлась ножками в пол, как бы кидая маме вызов.

— Он не пойдёт с тобой!

За меня что, борются две девушки? Ну что ж, продолжим.

— Отпусти его! Он сказал, что не любит ломать кровати! Он не захочет с тобой идти!

Проговорила она очень чётко. Не зная точного определения моим словам, ей удалось правильно употребить это выражение. Я поражён, насколько всё может быть хуже и смешнее с каждой речью.

— А может, и захочет, — подкинула дров в костёр Шарлотт и соблазнительно взглянула на меня.

Мне это уже напоминает детский сад. К тому же Шарлотт определённо не выросла, привыкла разрешать недомолвки провокациями, которые не действуют. Ведёт себя как дитё малое и думает, что проблемы уйдут сами по себе.

Банжамин понеслась на неё, но я успел ухватить девчушку поудобнее и посадить её на руку. Она мгновенно успокоилась, и слёзы перестали течь. Какая удача. Я «бипнул» её по носику и погладил по дрожащей ручке.

— Я считаю, что Банжамин не хватало внимания, пока я был в отъезде. И да, эти два месяца врачи боролись за мою жизнь. Хотелось бы, чтобы ты поняла это. А пока я побуду с дочкой. С тобой у меня будет куча времени, а она растёт.

Я подождал, когда она нехотя кивнёт и отвернулся, проходя в детскую. Напоследок не могло произойти адекватного, и жёнушка моя это доказала, шепча, когда я уже находился внутри спальни.

— Значит, с медсестрой.

— А ты не страшный, — разворошила меня Банжамин, когда вошёл в детскую.

— С чего бы это? — теперь надо сконцентрироваться на девочке.

— Ну, с маской ходишь. Высокий очень, — искала она во мне «пугающие» моменты.

— Чего нынче дети боятся.

— А ты меня удочерил? — увидела моё непонимание. — Ты назвал меня дочкой. Или ты имел в виду другую? — поникла она.

— Нет у меня никого, — спокойно поправил её суждения обо мне. Грустно, что это было настоящими реалиями. — Если хочешь, будешь мне дочкой, но предупреждаю... потом я покину этот дом, — натужно сглотнул я.

— Да, я согласна, мне здесь не нравится. Темно и пыльно. Буду жить с тобой в другом месте. Алистер, я не понимаю, что тут делаю. Живу? Живу. Но это не мой дом. Больше меня пугаешь не ты, а моя мама. Если я ужилась с ней, то с тобой точно получится. Я подожду, пока ты меня отсюда не заберёшь. Я терпеливая. Буду ждать вечность!

— Постой же, вечность ты моя, — я вытер её слёзки об одеяло и посмотрел в окно — ночь. — Поздно, ты должна ложиться спать. Не хочу показаться грозным отцом, но надо.

— Ещё поговорим, — подобно командиру, бросила Банжамин.

— О чём?

— Какой твой любимый цвет?

— Тебя не интересует, кто я? Зачем вообще пришёл? Чужой ли я? Нет? — она отрицала все мои предложения, но алиби я уже подготовил на крайний случай. — Ладно, серый, — подкинул ей рандомный цвет для размышлений, но её не удивил мой ответ, однако Банжамин не расстраивалась. — Иди чисть зубы и спать. Давай-давай.

Банжамин вышла, и я без сил повалился на кровать, наблюдая, как за окном постепенно становится всё больше звёзд. Звёзды везде красивые, но тут так всё обыденно, что даже странно во всей этой обычности находиться. Я не про интерьер, а про атмосферу — она прогнившая. Как у любого простого живого. Я не дышаю, но при первом шаге догадался, что здесь нечем дышать. Обстановка пропитана старостью людского бытия. Может, и физической старостью, но не тем в общем понимании. Сама душа человека прогнила и сдохла. И всё.

Нет чего-то настоящего. Не буду напоминать про Жака да Шарлотт, но даже Банжамин не выкарабкалась из омута тины, ей придётся приложить небывалые усилия, чтобы измениться. Ведь и глаза у всех них не выдают живого. Редко когда в подобных семьях рождается экземпляр, и этой ни гроша не светит.

Я шаток в своём мнении насчёт нахождения в детской фото, но попробовать всё-таки стоит. Я решил не рыться и попытать удачу единожды, открыв лишь одну задвижку тумбочки напротив изножья.

Предчувствие, что в этом доме не найдётся полезных мне фотографий. Да хоть чего-то полезного.

Я открываю этот ящик Пандоры, и...

Ни кошачьих слёз. Вот ни одной.

Ещё темно так, что не разглядишь. Просто тень. Я включаю свет и вновь подхожу к нему, садясь на колени. Как и твердил ранее — пустота. Деревянное дно.

А-а! Сколько мне ещё будет не везти? Столько проколов и ни одной награды, утешающего приза, бумажки с моим именем, наконец. Разве этого я истинно заслуживаю? Просто не могу вникнуть в то, почему я появился именно в этой квартире. Шарлотт ни левым, ни правым боком не заслуживает моего появления. Успокаивать недостойных ни в

чём людей я не обязан, работать — тоже. Меня обвиняют за неверность. На меня накнулись. Мне предъявили условия на то, что я буду жить с человеком. А я пробыл в этом городе меньше дня. Это не говорит о том, что я принимаю их проявления неблагодарной человечности на себя, перевожу на собственную личность. Это как раз-таки выставляет их уязвимыми, неблагодарными, глупыми: они приняли меня за своего! Как глазок должен замылиться, чтобы перепутать человека. Если бы не моя схожесть с Жаком, меня бы поймали сразу же. Шарлотт. Она бы точно попыталась что-нибудь со мной вытворить — я бы оставил Напоминание. Потом бы пришли Жак и Банжамин и прогнали меня публично. Я могу следить за клиентом, применяя исключительно слух, а так совсем не пойдёт. Я бы объяснил сначала Шарлотт, кто я, приласкал и уверил, что всё будет хорошо, даже бы если не поверила в сказанное мною. У меня всегда, всегда получалось.

Потому что я не примитивное существо и умею лавировать. Как-то упоминал, что можно находиться от клиента дальностью в километрах, в ста километрах. А у меня такого не было. В одном помещении — да, в разных городах — нет. Я не пользовался этой привилегией. До последнего бился за внимание клиента.

Но вдруг образ Жака сыграл со мной злую шутку.

Что-то отвлекло меня, и я снова пялился в пустой ящик. Как скучно. Я закрыл его, но оттуда вышел интересный звук. Не скрип, что-то повесомее. Открываю — ни листочка. Ни железной стружки, ни иголки, покоцанного грифеля. На что я надеялся. Не теряя веры (ага, как же), опускаю внутрь руку и глажу деревянную поверхность. В дальнем уголке я нащупал... грифель? Вы издеваетесь? Я умываю руки.

Но это ещё не всё. На моих чёрных перчатках нет характерных для покрошенного грифеля пятен. А я очень-таки надавил на него, но не до хруста... Какой-то слишком он твёрдый.

Проверяю наощупь через перчатки неизвестный объект и беру-таки крошку, посыпав на ладошку. Белые пылинки опали мне на руку, добавляя контраста. Вышло красиво. Достаю теперь крошку побольше и аккуратно кладу. Что-то мне это напоминает. Добавляю к собранному самый большой кусочек и от увиденного медленно раскрываю рот. Вроде бы достал всё.

Материал кусочков мне очень напоминал что-то своё. И я окончательно убедился по цвету, форме, материалу, что это осколки моей маски. Без сомнений.

Пересыпал в карман брюк отколовшиеся составляющие и повернулся вовремя, чтобы успеть принять непринуждённую позу.

— Я готова, — вошла Банжамин.

— Ладно, я пойду, — за этими словами я скрывал, насколько сильно я обескуражен новой находкой.

— Как? — разочарованно спросила она.

— Мне пора. Но я не ухожу навсегда, завтра мы ещё увидимся.

У неё есть утешительный приз, а у меня... Не фиг жаловаться!

— М-м... ты знаешь колыбельные?

— Я? Нет. С чего бы?

Обожаю вопросы живых. Они всегда приносят в мою жизнь нечто новенькое и тренируют меня на фантазию. Я пел песню в караоке — то была прихоть клиента. Это считается за колыбельную? Или мотивчик не тот? Я отжёл в том караоке, как сейчас помню.

— Отец мне никогда не пел, и я подумала, что ты сможешь в отличие от него. Но раз не

знаешь, то иди. Извини, что задерживаю.

Эта девчонка проверяет меня? Она бросила мне вызов.

— Я спою тебе. Придумаю на ходу. Ложись. И не смотри так. Ты выиграла.

— Я не этого добивалась, — притворно добавила Банжамин.

— Ага, верю. — И уложил её, а сам устроился с краю.

Без понятия, как я буду тут выкручиваться и придумывать какое-то стихи, выдавая его за открытие искусства. По-иному не выдам. Исключено. Но всё же... я мало что придумывал с рифмой, только когда из меня пышел энтузиазм и хвастался своими знаниями. Красовался. Мне нечего доказывать, но я повёлся. В какой раз. Бесконечность учит лишь забывать про настоящую жизнь, а не сочинять песни.

— Придумываешь? — заметила продолжительную паузу. Мне за неё как-то неудобно.

— Да.

— Может, дать тебе листочек с карандашиком?

— Я не маленький, — огрызнулся я, что вызвало две самые искренние улыбки за сегодня.

Банжамин с нетерпением ждала, когда я сложу слово к слову, и интерес в ней не спадал. Она только распалялась. Ей не поможет колыбельная, если она и дальше будет сверлить меня взглядом. Ах, и кто пнул меня на это? Она же не силками меня тащила, «уговаривая». Она способна на такое варварство. Вы только поглядите на её кровожадный вид! Хлопает ресницами, вся светиться! Хищник... нет, маньяк!

Сложив ещё пару строк, я положил руку на деревянное изножье, которая была к нему ближе, и стал отбивать ритм — неспешный, вполне подходящий для детской колыбельной.

Банжамин затаила дыхание. Я отчего-то сильно забоялся.

— За окном нам дождь пробьёт, как колокол, что сводит счёт...

Девочка переводила взгляд с меня на пальцы без перчатки на изножье. Начало недетское, но со мной шутки плохи.

— Он нас зовёт в холодный год, где сопят дети напролёт.

— Ты уверен, что...

— Тш-ш, — многозначительно приставил палец к губам. — Где ненасытный зритель?

Банжамин ретировалась, принимая прошлое положение, подбирая одеяло. Как же это... тепло.

— И плача там не видно, в краю далёком дивном, где человек невинен и весело живёт. — Стук не прекращался, но я немного поменял ритм, сменяя на более яркий. Когда эта строчка закончилась, я вернулся к медленному ритму: — Ведь судьбы всех для нас важны, ведь всем на свете мы нужны. Мы помним тех, кто дорожил и с нами вовсе не тужил.

Прождал паузу, вскоре заиграл:

— Нам было радостно, поверь, за наших ближних и друзей, — я обратился к Банжамин. — Но дело вовсе не о том. О том, что погружает в сон.

Наверное, я ужасно ошибался раньше: Банжамин даже зевнула. Или это из-за моего содержания? Он скучный? Не важно.

— И плача там не видно, в краю далёком дивном, где человек наивен и весело живёт.

Прикрывает веки.

— Я помню, спал мой давний друг, не тихий он ни на чуть-чуть. Я помню, как смотрел в лицо... И не врал оно, — неосмысленно резко отчеканил я. — И плача там не видно, в краю далёком дивном, где человек парит в нём, стремясь вдаль, вперёд.

Банжамин уже не притворялась — она хочет спать, плакала же. Она наконец засопела, усталая и измотанная. Через пару секунд девочка спала, после чего я неосознанно продолжил. Это происходило со мной само собой. Я не смел обрывать этот поток.

— Куда он шёл — туда за ним, я не боялся: он раним. Но не поверил тем словам — закрыть глаза б ему не дал. — Ускорил темп: — И сколько б ни скрывался, я сразу попадался, в тот взгляд его опасный, один от сна удрал...

Какое-то время просто стучал по дереву в унисон уходящей мелодии и вперился в одну точку. Жаль, что это дерево не принесёт мне удачи. Я не замечал вокруг себя ничего, просто задумался о чём-то и перевёл взор на спящую девчушку, которую ещё столько испытаний ждёт на пути. Дети вообще не заслуживают доедать объедки с родительского стола. Но почему-то такая практика повторяется поколение за поколением, особенно если семья богата или совсем наоборот. Всё же рухнет... А у кого-то уже рухнуло.

Мне стало тяжело сидеть на этой кровати, стеснять Банжамин, и я встал, натягивая перчатку обратно. Я не показываю руки, потому что мне так комфортнее. Находиться в мире — причина становления уязвимым. Мне некомфортно касаться Тихого. Он не дом мне. И кажется, дотронься меня незнакомец, я подарю ему Напоминание. Этого я боюсь.

Выключил свет и вышел, аккуратно прикрывая дверь. Разбужу — весь мой бред насмарку.

Что только ни придумывал, но это поистине не в моём стиле. Что-то со мной не так.

Я прошёл в гостиную, а позади доносились шаги. Стоит встретить злоумышленника лицом к лицу. Шарлотт. От злоумышленника я недалеко ушёл.

Она взяла меня за щеку, как и множество раз до этого, улыбнулась. Имела бы она представление о том, что я о ней думаю, ей бы всё равно невозможно было помешать трогать меня. Я терпел, а её тёплая рука не падала. Я хочу убрать её. А улыбка — она начинала меня бесить, раздражать изнутри. Сколько ненастоящего в этой женщине.

— Ты обо мне забыл, любимый? — игриво спросила Шарлотт.

— Лучше бы забыл. Прекрати, у меня нет настроения, — мне необходимо отдалиться от неё как можно дальше. — Сказал же, отойди.

— Ты несправедлив ко мне, — она не уймётся. — А как же супружеский долг?

— Ты это мне? — я первый отошёл от неё. Даже голос Шарлотт наигранный. — И не трогай меня. Тебе нужно одно, и дать я тебе это не могу.

— Почему же? Уговаривала раньше — уговорю сейчас.

— Неизменная убеждённость в себе... Начала бы работать, дочку бы прокормила в моё отсутствие. Она голодная ходит по городу. Ты собираешься брать за это ответственность? Каждую ночь с новым.

— Так зачем припёрся? — видно, что она крайне зла из-за моих высказываний.

— Дочку повидать и расстаться. Я обещал быть с тобой, но на расстоянии.

— Спать ты не собираешься, — упёрла Шарлотт руки в боки. Махнула в мою сторону и потрясла головой сама себе. — Сейчас постелю.

Я и забыл... Я рад, что не придётся уживаться с ней в «супружеской» кровати. Меня сейчас вывернет. Я лишь угукнул и начал пристально смотреть на неё в спальном халате. Она, наверное, думает, что я пялюсь на неё, но я лишь старался заставить её по своему хотению взглянуть на меня в ответ.

— Передумал? — ласково проворковала Шарлотт, кокетливо разворошив волосы.

— Нет.

— Тогда не пользуйся моим временем и сделай что-нибудь. Я готова хоть всю жизнь признаваться тебе в любви, потому что это так. Так есть на самом деле. Но ты бросил меня на два месяца. Ты пропал для всех нас. Дошло, помер!

— Тихо, Банжамин уснула, — пресёк её я.

— Иногда мне кажется, что ты любишь дочь сильнее меня.

— Мать бы променяла мужа на ребёнка.

— Получается, я — не мать, — без всякого стеснения или разочарования выразилась клиентка.

Настал тот момент, когда стоит поговорить с клиентом. Можно взять его «тёпленьким».

Был такой момент сегодня, но с переизбытком драмы, правды, тупых ветвей. Я бы довольствовался той информацией, но я должен работать, чтобы узнать, почему именно с ней связана моя миссия. Она — моя миссия, как и всякий мой человек.

— Так быстро отказываешься от звания матери. — Начнём же разговор, полный вранья да убийственной истины.

— А что мне прикажешь? Я не справляюсь с ней. Ты всегда сидел с дочкой и даже засыпал подле Банжамин. Я не ругалась, а хотела. И до сих пор хочу. Но за что? За то, что ты любишь дочь?

— Родители связаны со своими детьми — это элементарно, но ты отказываешься от Банжамин. Почему? Неужто из-за меня?

— Такие вопросы задаёшь... — помешалась она. — Не знаю. Я не справляюсь. Конец.

— И ты ведёшь к тому, что виноват я? — для пушного убеждения тыкнул указательным пальцем в грудь.

— Не ты... — Шарлотт покраснела от злости и «неправильности» моей темы для беседы перед сном. Ей категорически не нравится, что я провожаю её к углу, а оттуда она уже не выберется, ведь прекрасно осознаёт, что она сама пагубно повлияла на себя.

— Хорошо, что ты это понимаешь. Но так не нужно было заводить любовников и звать в наш дом, в котором живёт и Банжамин. Ты взрослый человек, вот только не зрелый.

Я говорил без упрёка, мягко, чтобы она поменьше нервничала. И вид у меня был, как будто я, недавно выпивший, сел на диван и принялся с оставшейся трезвостью разбираться в личной жизни.

Хоть это и невозможно, но моя одежда словно помялась, появились складки, но невооружённым глазом не увидишь. И я не стал напрягаться.

— А не надо было кидать мне причины для подозрений. Мама твердила: «Не выходи за француза». Но проблема в том, что вся наша семья — французы. Мы изменяем, это нормально. Но когда пошёл слухок про тебя, — выделила интонацией «тебя», — я не сдержалась. Хотела тебе раньше предъявить свои подозрения, но побоялась, что ты уйдёшь от меня. Ну, в похождениях я не отказывала себе, но те тоже были женатыми. Узнав о твоей гибели, родственники разбрасывались этой новостью — и дошло до любовничков. Дом свободен... — взглянула на меня, — частично, но вполне подходило.

— Оправданий ты не ищешь? Почему не защищаешь себя, как в присутствии Альберта? — подпёр кистью подбородок.

— Я могу, но опять ты откажешься слушать меня. Я пытаюсь не говорить так же, но меня подмывает снова кинуться на тебя и обвинять за... наши грехи. Мы повязаны в этом городе по самые уши и не отмоемся. И что ты на меня всех собак вешаешь? Сам-то, поглядите, на стороне ходил. Я же следила за тобой. А-а, не замечал? Что грустным стал? Покаяться хочешь?

— Ты меня застучала? — без интереса подыграл.

— Ты специально сворачивал с дороги, когда чувствовал, что я рядом. В магазин зашёл! Ха, так и повелась. А я знаю: к ней на квартиру племянника пёрся!

Хочу выйти в окно.

Мало здравого рассудка в Шарлотт. Она его растеряла, разбросала по всему городу. Отчасти не фигурально. По числу её любовников можно смело кидать Шарлотт в больницу. Вполне возможно, что она больна, подхватила какую-то заразу и не видит себя прежнюю. Может, начала осознавать своё положение. «Мир» её якобы ожесточил, и после она стала

невменяемой, слепой, глухой. До Шарлотт стало не дозваться, и выводы переходили все границы.

— Всё, успокойся, — я подошёл к ней и взял за плечи.

— Вот так бы сразу...

Она промахнулась и поцеловала мой подбородок, но мне и того отвращения хватило, чтобы толкнуть её, благо, несильно. Я протёр подбородок манжетой рубашки, однако линия губ искривилась, и я не смог её выровнять.

— В психолога поиграть зачесалось? И так от бабулек в доме престарелых наслушалась, не надо мне мозги вправлять. Они не старались меня бесить, но у них это выходило лучше всех моих знакомых. Зачем ты их пародируешь?

— Зачем ты выводишь меня?!

Она была в большей степени удивлена.

Но это несравнимо с моей собственной реакцией.

О нет.

Я взбесился. Мне же нельзя...

— Отойди от меня, — я потерянно выставил вперёд руку, а другой отчего-то держал маску, словно она тут же свалится с меня. Она хорошо держалась, но сквозь неё чувствовалось что-то неприятное. Необычное. Я как ошпаренный отдёрнул пальцы с гладкой поверхности и сам отошёл. — Пожалуйста.

— Что это с тобой? В больнице не долечился?

— Уйди!

Глаза Шарлотт расширились, она схватилась за сердце, но так и не выполнила мою просьбу. Я со злости сорвался с места и пошёл в прихожую, доставая своё пальто; не оглядываясь, вошёл в комнату маленькой Банжамин и удостоверился, что она всё ещё спит, посапывая. Или прикидывается. Но это не главное. Щёлкнув замком изнутри, я быстро накинул на плечи пальто и сел на пол подле той стены, где стояла та тумба.

Мне стало сразу теплее, чем прежде, что усмирило меня и напугало одновременно.

— Такого не могло случиться, — бормотал из раза в раз, откинув назад голову. Было настолько тихо, что я тоже убавил громкость и сухо сглотнул. — Не могло...

Подобно сумасшедшему, говорил одно и то же. Не понимал, что там творилось только что. Мне нельзя вытворять такое в присутствии клиента. Запрещено. Это же противоестественно! Нет, нет, нет, нет.

Это не имеет ни гроша схожего с психологической практикой. Да, я давлю на клиентов, вывожу — если понадобится, завожу в угол.

— Я же не кричу... Что со мной?

Без понятия. Из-за слабости открываю рот и молчу в пустоту.

Неожиданно Банжамин отворачивается и ложится на левый бок спиной ко мне.

Держась за последнюю ниточку надежды, что со мной всё нормально, что я в порядке, вспоминаю запомнившиеся мне строки.

— ...помню, спал мой давний друг, не тихий он ни на чуть-чуть. Я помню, как смотрел в лицо, и не врало оно.

Мне необходимо выдохнуть. Не ментально. Я всего-то взялся за «рёбра», сжал руку, берясь за рубашку, и перестал верить, что я приду в норму в ближайшее время. О чём я думаю? Мерзость какая. У меня полно своих способностей, что будут намного полезней, чем человеческие. Просто страдаю ерундой. Оправданий нет.

Итак, я сижу здесь и вообще не хочу думать ни о самочувствии Шарлотт, ни о самой Шарлотт. Этот клиент виноват во всех своих грехах. Если бы она сидела в психиатрической больнице, существовал бы способ повлиять на неё, до чего-то дойти, но она не принимает вину, перекладывая её на любовников и мужа.

Я люблю свою работу, но не тогда, когда из меня хотят сделать виноватого.

Я закрываю рот и отрицаю все свои прошлые думы. А как дальше-то?

***

Следующий день не даст мне полного удовлетворения. Он настал так внезапно, что я не заметил, как проснулась Банжамин и потрясла меня за ткань брюк. Я ни с того ни с сего притянул девочку к себе, всё ещё сидя, и обнял её.

— Обещаю, с тобой всё будет хорошо.

— Я не хочу с ней жить. Но она моя мама. Это нормально, что я её не люблю?

— Вообще нет, — чётко сказал я. — Но мне понятны свои мысли, хоть и будничные, но не детские. Чтобы добиться понимания, нужно содействие с обеих сторон. Вы оба пытались, но в конечном итоге сдались, — она нахмурила бровки, и я решил ретироваться: — Родные люди не всегда близки друг к другу. Тоже бывает разлад. Он у вас есть. Человек может не нравиться, не оправдать твоих ожиданий, непростительно оступиться — для людей в порядке вещей. Или жизнь их таким образом проверяет на прочность, — пожал плечами. — В любом случае, у вас не сложилось. Нечего винить себя. Можешь взять часть вины — так будет даже лучше.

— Почему? — Банжамин была удивлена из-за моего завершающего предложения.

— Оба же сближались и оттолкнулись. Умнее взять равную часть ответственности. Ради справедливости и совести. Чтобы не грызть себя все дальнейшие годы.

И что бы я ни нёс, эта девочка смиренно слушала меня и кивала, понурившись. В ней идёт борьба своего «я» (людского эгоистичного эго) и моей неприкрытой искренности. Я желаю всему миру покаяться в грехах, чтобы хоть карма их стала на ту редкую малость легче. Носить на горбе крест все рано или поздно станут, и у Банжамин есть шанс откупиться от своего.

— А мне надо прощать маму?

Именно к этому выводу я её и подводил.

— Как считаешь нужным. Это твоё право. И брать вину ты не обязана. Я тебя ни к чему не принуждаю. Твоя жизнь — твои выводы.

— Но раз ты говоришь, то я её прощу.

— Что? Не врёшь? Это не на словах, должно исходить от твоих убеждений: отпустит ли сердце или нет, — я принялся её заговаривать, чтобы не слушалась меня так слепо. Дети...

— Поздно — я простила. Я прощаю маму за то, что она выбрала не меня.

Дети... Как-никак они умеют удивлять.

— Это очень важное решение. Ты не возьмёшь слова обратно, если попадётся случай?

— Не-а. Для меня важнее — как буду без неё. Она не растила меня, как папа, но жду, когда судьба надо мной сжалится. Секундочку сжалится — и я как ухвачусь!

— Молодец, — с улыбкой на моей ранее недовольной гримасе потрепал Банжамин макушку. — Давай, я бы посмотрел на это. Я за.

Удача в жизни живого играет огромную роль, но некоторые не согласятся с моим ребячеством. Разъясним. Судьба — штука непредсказуемая, она спит много, являясь нейтральной. Несчастье и удача — яркие производные судьбы. Кто слепо верит, что ему

уготована конкретная судьба, — сбрендивший с диагнозом. Судьбе, честно говоря, плевать на людей. Они куда-то идут, добиваются результатов, крадут жвачку в круглосуточном, ошибаются, написав «о» вместо «а». Судьба просыпается в самый неожиданный момент и такая: «О, ты, оказывается, зажал две тысячи на воду? В квартире нет воды!» — и по её подачке человеку отправляют письмо, в котором сказано, что за коммуналку тот должен две свои зарплаты.

Так происходит абсолютно со всеми. Возмездие или награда нагрянут тогда, когда проснётся царица судьба.

— Ну всё. Иди в ванную.

— А тебе не нужно?

— Я потом, ты девочка, я тебе уступаю.

— Ладно. А то ты, наверное, тратишь целый час, как мама.

— Это отчего же? — я рад такому исходу. Маюсь я над нелепицами часто.

— Красота не вечна. Мажешь лицо кремами, волосы укладываешь, что вы там ещё делаете? Я всё про вас знаю.

— Про кого, боюсь спросить?

— Про мужчин. Вы такие неоднозначные, — без левой мысли напоследок закатила глаза и наткнулась на замок. Без расспросов щёлкнула им и вышла.

— Чем я занимаюсь... — со смехом выдавил я и встал, отряхивая несуществующие пылинки.

Я польщён. Удивляться тут нечему; я осознаю, насколько невероятен и прелестен, без сомнений, но услышать комплимент в свой адрес никогда не бывает лишним.

Хоть что-то приятное — это мне награда за вчерашнее. Я полез в карман жилета — тихо. Часы не брычат, не тикают, не вибрируют, следовательно, клиента не поджидают опасности и он спокоен. Но я слышал шаги час назад. Если, конечно, она не провела любовника через окно, может быть и не она, однако по слуху легко догадаться, что это Шарлотт.

Эх, вперёд. А то уже кажется, что я сбегу отсюда и не пожалею ни о чём.

Заберите меня!

— Как спалось? — как ни в чём не бывало поздоровался с Шарлотт.

— Одиноко, — отчеканила она.

— Стоило бы привыкнуть за два месяца.

— И не подумала бы. Ты мне за всё ответишь в суде.

— Ага.

— Тебе что, правда безразлична моя судьба?

Вот как жёны пият мужей... Это же целое искусство! Я имел с ними дела, но не напрямую, так что полезным опытом она меня награждает!

— Нет.

— Как у тебя всё просто!

— А зачем усложнять? Разойдёмся — цирк окончится. Мы можем любить друг друга, не любить, но нам известен исход по горке грехов от каждого. Спрошу в последний раз: ты хочешь со мной поговорить о том, что тебя гложет? — Я даю ей шанс, и пусть она ответит положительно, а не убегает от себя.

— Жак, ты уходил на свою работу и не возвращался месяцами. У тебя был выбор: идти туда или нет. Денег хватало, я бы устроилась на работу. Неужели тебе так нужно было

бросать меня?

Почему «меня», а не «нас»?

— По моим выводам ты уходил из дома, чтобы скрывать свои похождения. У вас там, на «работе», есть девушки, ты отмечал. Что, достал тебе наш дом? Я тебя достала?

Имея представление о характере и поведении Шарлотт, то я бы сказал «верно, ты меня достала. Как же ты меня достала!», но я без всякого понятия, что думает по этому поводу Жак. Который лежит себе в могилке мирно и спокойно, а я получаю нагоняй за него. Лучше я пусть полежу в гробу, чтобы отдохнуть.

И если даже Жак изменял Шарлотт, то я об этом уже не узнаю. Конечно, а как иначе, фотографии же на службе делают после того, как умерли или победили, а не наоборот. Иногда фото бывают бесполезны, особенно обидно становится, когда их куча, а результата никакого.

— Я не буду отвечать на столь глупый вопрос. Но скажу, — быстро добавил я, а то Шарлотт гримасу сотворила похуже моей, — всё могло случиться.

— Ах ты! Я была тебе верн... Ты обманул меня! Распинался вчера в признаниях в любви, а сейчас сам утверждаешь, что «всё могло случиться»! — уделила моим словам особое внимание.

— В жизни бывает многое. Стоит справиться с трудностями ради себя. Но у меня чувство, что ты себя не любишь. Раз довела до такого состояния всё, что вокруг тебя. Я готов и дальше помогать тебе, оказывать влияние на твои изменения. Полюбить себя ты обязана любой ценой. И время не важно. Главное — не поздно. Когда поймёшь, что жизнь того стоит, я буду счастлив, Лотта.

Она молчала, боялась произносить звуки, прерывая мой изложение, когда я добрался до любви. Дошло до неё, я буду лишь надеяться. Никто не идеален, но приходится стремиться к этому идеалу, чтоб вас всех! Броситься с головой в авантюру с самим собой и продолжать драться за будущее, дабы судьба услышала твои крики и избавилась ото сна.

— Почему ты стал ко мне терпеливее? — в никуда выпустила Шарлотт.

— Потому что к тебе нужно проявлять больше терпения. Очень много, — я незлобно посмеялся. — И перестань вытягивать из меня признания в любви. — Думаешь, я дурак?

— Жак, перестань. И что же мне делать? То есть нам делать? — она резко смягчилась и избавилась от напряжения. Снова меня проводит.

И с этим есть тоже нужно кончать. Переводить всё к постели... Она могла стать проституткой, но по какой-то причине не стала. Но лучше бы наоборот, и тут я смотрю исключительно на денежную составляющую, ведь видно, что она не доедает, как и дочь. За то, что она не опустилась до проституции, я рад. Но со всем прочим у неё не сложилось самым плохим образом.

И её изменения в тоне всегда настораживали, подсказывали, на что намекает Шарлотт. Она довольно простой человек, посредственный, со своими закидонами, и лишь ей решать, меняться ли ради родного человека, на минуточку, собственного чада. Детям всегда приходится отдавать, а родителю запрещено брать взамен. Видимо, Шарлотт не согласна на подобную авантюру.

Она никто. Не мать. Не личность.

С кем я работаю? А всё же по-настоящему верю, что жизнь меняется.

Резкость моих секундных размышлений порой меня не оставляют равнодушным.

Но чтобы хоть каким-то проявлением в мире не приносить вреда, пора браться за

добрую сторону.

«Что мне делать?» — напоследок напомнил я себе её слова.

— Не быть балластом.

Я мгновенно выставил указательный палец, показывая, что нет смысла продолжать этот бесконечный разговор. Шарлотт же может приправить его напоминаниями о моих похождениях, ещё что-нибудь вспомнит, повесит на меня якорь и запрет, как заложника.

В кармане затицало. Наконец-то что-то знакомое и правильное в этом мире обрушилось на мою голову.

— Давай поговорим, — отвлекла меня Шарлотт.

— О чём?

— О нашем с тобой будущем, — весело отчеканила женщина и взялась за моё предплечье. Мне противно.

— Если ты разделишь это понятие, то я с радостью, — убрал конечность со своего тела. — Но всё кончится между нами с разводом. Мы оба разные люди, непозволительно разные. Пойми, поступать правильно — не страшно. Начнёшь верить в светлое будущее — добьёшься его. Но это лишь процент. Процент, за который отвечает удача. А девяносто девять относятся к твоим стараниям. Приди в себя.

— А если я не горю желанием стараться? Если меня устраивает наша старая сырая квартира? Если мне глубоко всё равно на то, что любовников у меня накопилось больше, чем у тебя любовниц? Любовь к тебе не мешает мне их заводить. Если забыла про Банжамин, не чувствуя ни капли вины? Если в дом престарелых я ходила не по своей воле? Не научилась готовить, воспитывать, устраивать мужа. Хобби нет. Что тогда со мной?

Я, не раздумывая, сказал:

— Меня тогда послали не облегчать твою участь, а незачем наблюдать за мёртвым человеком.

Шарлотт сузила веки и махнула полами халата, удаляясь с мерзким выражением. Дальнейшие часы она не плакала, как я рискнул предположить. Я не был удовлетворён сказанным и её диалогом.

Мне бесщётное количество раз что-то не нравилось в клиентах, но этот начал выводить меня с первой встречи. Я увидел Шарлотт и вмиг разобрался, что с ней я намучаюсь в тот редкий случай, когда перед моим приходом всё безбожно брошено в реку. Надежда есть всегда, она помогает выбраться из безвыходной ситуации. Ей бы покрепче взяться за камушек на обрыве, смогла бы ответить жизни.

Люди, есть в вас безнадёжность, и иногда она непробиваема. У всех есть причина жить, будь то любимый, работа, солнечный луч — последнее даже лучше: вечность будет вашим ориентиром.

Громкость слов не пугает, она манит, выкладывает перед вами путь. К сожалению, не у всех живых есть тот, кто скажет это. И Шарлотт я уже сказал излишне.

— Алистер, ты погуляешь со мной? — Банжамин выпрыгнула в гостиную и уставилась на меня. Она практически светилась, что особенно отличалось от Шарлотт.

— Попозже. И на улице холодно. У тебя есть тёплая одежда?

— Есть! — непоколебимо выкрикнула девочка.

Как её ещё не украли? По рассказам она много гуляет.

— Все взрослые медленные, — фыркнула и попыталась утащить меня, но только пыхтела.

— Да, согласен. Я медленный.

На это Банжамин погримасничала и вовремя заметила на мне пальто, намекая, что я уже готов. Я вообще готов куда угодно и когда угодно на прогулку, но мне не поможет сейчас походить. Я не в том мире, чтобы отдохнуть почём зря. Тихий — то ещё место для отдыха. Когда я нахожусь в первом облике в Тихом, я чувствую предвкушение и опасение, как бы кого ненароком не задеть. Облегчение приходит во Мраке, моём доме, и гулять я не буду: пропущу самые важные мгновения клиента. Я исчезну перед Банжамин и брошу её, выполняя свой долг. А девушек бросать неприлично, к тому же у меня их целых две, как оказывается.

Тик-так, тик-так. С минуты на минуту я брошу это дело и буду занят следующим заданием. Мне не терпится оставить всё позади и...

— Сбежим сегодня?

— Я не закончил с твоей матерью. Я должен уладить некие дела, — сгладил углы.

— Бросим её и сбежим. Поделом. Она как-нибудь сама. Ты должен забыть про неё, и мы сыграем свадьбу. Я подросту, и ты полюбишь меня как девушку. Не бесконечность же мне быть ребёнком. Мама почему-то закрывалась с разными мужчинами, а я с тобой буду. Ты же не против?

Тут моя душа отпала.

Яблочко от яблони недалеко укатилось. Банжамин? Но чтобы она сказала мне такое? Это вполне может быть бред малолетки, но у меня плохое предчувствие. Какое же оно плохое... Она что, думала об этом, когда я пел ей колыбельную, успокаивал, разговаривал? Банжамин, она же девочка... Стоп, она не всерьёз. Я утрирую.

— Когда мы поженимся, я нарожаю тебе детей. Ты будешь моим, а я буду не одна на работе. Сразу предупреждаю: подозревать меня не смей! Я сама решу, с кем и когда мне быть.

— Ты же шутишь. Ты мечтала о принце на белом коне и прописала всю вашу совместную жизнь. Я же прав? Ага, не волнуй меня больше так, — я присел, как старик с загруженной спиной. Загруженной жизнью!

— Я серьёзно, — Банжамин безвинно похлопала ресницами. — Мы поженимся и будем вместе. Ты не хочешь?.. И ладно, я хочу. А отказывать женщине нельзя.

Воспитание у этой будущей девицы не лихое. Либо смотрела много никчёмных фильмов, либо научилась у матери, к чему я больше склоняюсь. Шарлотт испортила девочку окончательно, но на этот раз я не прикрываюсь за словом «утрирую», это настоящая проблема. Ведь Банжамин тронула пуговицу моей рубашки. Я немо отрыл рот от безысходности и встал на ноги.

— Нет... Убери руки. — Сразу её прикосновения стали для меня такими же противными, как у Шарлотт. Ну молодец, научила дочь, отличная мать.

Тик-так, тик-так, тик-так.

Не обращаясь к часам, я уверен, что они настраиваются. Скоро будут ходить ровно по миллисекундочкам, и мне необходимо отправиться к Шарлотт, дабы узнать причину её смерти. Ранее часы не подавали знаков — она была спокойна как удав. И не спала. Неужели безвыходное самоубийство? Она задумала его ещё сначала, а день выпал на сегодня, чтобы теперь я выполнил свою задачу. Самоубийство способно облегчить душу лучше любого бальзама, но окончательно сломить человека.

Выводы человека перед самовыпелом существуют самые разные, например: «Я освобожусь после смерти», «Будущее моё настанет после этого, я буду работать над собой в

мире Сатаны», «Я заслужил». И у Шарлотт будет вывод, связанный с тем, что она вынесла после мучительных дней позора и предательства.

— Ты куда? Я с тобой, — Банжамин пошла вслед за мной с планами о «нашем» будущем.

— Не ходи туда. Я справлюсь сам.

— Ты променял меня на эту шлюху? — возмутилась она. У меня ещё кое-что отпало.

— Как язык повернулся? — я разуверился в этом чёртовом семействе. Выходит, Банжамин хочет быть со мной, отодвинув мать и назвав её... не могу. Я-то это слово не произносил, но мир испорченнее, чем могло выйти. — Не иди за мной.

— Нет уж, она уведёт тебя! Как ты не понимаешь? Я стараюсь ради себя, дай хотя бы кошелёк! Как ты ещё вернёшься? Ой, а дай часики, они наверняка дорогие!

— Нет уж.

Вывалось из меня не то, что пряталось внутри — там-то намного хуже. Эти часы у меня с первого моего дня работы. Неспроста же они достались именно мне. Для меня они чертовски важны. И чтобы какой-то живой заявлял на них свои права...

— Почему? — удивилась Банжамин.

Вот тут она и показала своё истинное лицо: избалованная лгунья. А избалованная из-за своего отца, который дарил ей платья и золотые украшения, лежащие у неё в шкафу. У жены не было такой роскоши, зато у дочери их навалом. Строила мне глазки, а я лишь мог гадать, врёт ли. Была мысль, но я её не развил, отдаваясь работе с Шарлотт, с тем. И то не очень получилось.

На её восклицание я отвернулся и стремительно пошёл в спальню к Шарлотт, но девчонка догнала меня и вместе со мной закрылась в комнате. Так мы оказались в одном помещении. Проводник, клиент и посторонний.

Я полностью отвлёкся от Банжамин, потому как она забудет всё, стоит её матери покончить с жизнью. Я не приближался к ней, я наблюдал за женщиной, которая сидела ко мне спиной и наводила марафет у туалетного столика. Часы разрывались от точно ходящего времени. Минута присоединилась к часу, а секунды отбивали ровный ритм.

Она сидела неподвижно, и у меня начали вырисовываться картины её трагичной гибели.

— Я не буду винить тебя за твоё решение. Я уйду и не буду тебе мешать.

— Жак, ты про что? — ко мне поворачивается Шарлотт как ни в чём не бывало и ищет во мне объяснение столь смутных слов.

— Я? Не обращай внимание.

— Ты всё сказал, что нужно. И я решила.

Я исчез в самый крайний момент, когда она ещё продолжала говорить. Шарлотт подошла к окну и открыла его. Ни для кого не секрет, что сейчас случится, но она достала кувшин с водой и полила ею цветы на подоконнике. Когда закончила, сказала:

— Пропало время о чём-то задумываться. Поздно ты пришёл, поздно. Но...

Она облокотилась о подоконник и сложила руки.

— ...с твоим приходом, кажется, облаков поубавилось. Ой, кольцо упало.

Кольцо зацепилось за железку на фасаде дома и безвольно повисло.

— Какое ещё кольцо?! — взвизгнула Банжамин и сжала кулачки, направляясь к матери. — У тебя их в помине не было! Украла, да?

Всё проистекло в один миг. Банжамин ринулась к Шарлотт и дёрнула женщину внутрь

комнаты, но та случайно ударила её, отстраняя, и навалилась на подоконник. Банжамин сбрендило в голову достать кольцо самой, из-за чего верхняя часть тела Шарлотт выглядывала наружу. Нелепое зрелище. Она нервно дрыгала ногами в попытке ухватиться за что-нибудь, однако девочке было далеко плевать на неё, и та пропала в поле моего зрения вместе с дочерью.

Я резко появился перед столкновением Шарлотт об асфальт и снял маску. На лице её застыло выражение страха и ужаса. Она не могла сказать своего последнего слова и врезалась об асфальт.

Банжамин тоже посмотрела на меня, но меня уже не было. Она так же шмякнулась и перестала дышать, застывая в неподвижной позе. Она упустила шанс на дальнейшее счастливое детство, да и не было его у неё никогда.

Тем временем я буквально выбежал из этой мёртвой, сырой, пропитанной ложью и притворством квартиры и пошёл в неизвестном направлении подальше от прохожих. Я шёл ровно и делал вид, будто ничего не случилось, однако быстрота шага доказывала обратное. Отсюда до спокойного места ходить было непомерно далеко, буквально до гор, и я уже вождеделел вернуться в родной Мрак и побыть там перед следующим заданием. Мне необходимо отдохнуть там и устаканить свои нервы, а то буду вспоминать об этих двоих, что мне вообще не сдалось.

Но как и с другими историями, эта заглушится.

Я лучше буду работать Проводником наркобарона, чем повторю эти двадцать четыре часа. Многие истории о безвыходности и бедности больше сгодятся, чем об изменах (она безостановочно повторяла, что знала, что я жив, поэтому это можно считать изменой), о голоде ребёнка при живой никудышной матери, ужасных решениях, о слепой любви, глупости и нелепости да плотских манипуляциях. И всё это в одном флаконе! Держите и распишитесь! На меня как будто квартиру записали обманным путём.

Постепенно я прихожу в порядок, взяв часы в руку, не вытаскивая. Опустив голову, я так и бродил по улице, не обращая внимания на жителей. Бывает же такое, когда ты окончательно осознаёшь, что мир не так уж светел. Потому не следует чего-то ожидать.

А я ожидал и ожидаю, но не могу представить, что будет затем.

Мне даже безразлична сегодняшняя погода, о чём тут ещё глаголить в моё оправдание? Я столкнулся с ужасными людьми и проверил на себе любимом их образ жизни. А в могиле дремлет тот Жак, которому досталась ненормальная семейка; теперь понятно, почему он предпочитал трудиться во имя страны и редко виделся с женой, что стало ударом для дочери. Из-за разборок взрослых пострадало невинное дитя, и получилось то, что получилось.

Неизвестна также заслуга клиентки, но я всё равно выполнил свою задачу до конца. Но я до сих пор избегаю этакой щекотливой темы... Дочь и мать умерли, я застал их в том состоянии, когда сердца перестали биться. Для них обоих жизнь оборвалась. Но в этом всё и есть моё волнение.

Должна была умереть только Шарлотт, но она захватила с собой Банжамин, которая тоже видела меня без маски. Такой случай противоестественен. Я пришёл лишь ради Шарлотт, но я также оказал услугу испорченной девочке. Несостыковка дикая, как по мне. Это не прописано в своде правил, это не всем известная истина, так что тут только опускать руки и надеяться, что тебя не накажут.

Глупая смерть глупых людей.

Ха, беря в счёт то, какой я идеальный, не сулит мне беда. Где комплементы моей персоне? Я же достоин их во всем смыслах, но окружающие люди и не люди никак не внемлют, что лучше не увидят. Мой плащ слишком роскошен для Тихого. Никто меня не понимает! Не ценит!

Уф, теперь хорошее настроение. А с ним можно и во Мрак отправиться.

Или же это доказательство, как меня портят живые. Я не в себе.

Отхожу в закрытое от взглядов местечко и открываю портал. По ту сторону меня ожидает тёплая темнота и чувство нужности. Делаю шаг вперёд и...

Какого чёрта?!

Серьёзно? Снова? Да я свихнусь с этим долбаным порталом! Я просто хотел отдохнуть, выдохнуть наконец, а меня послали в серый тупик... Я оказался в том огромном дворце, точнее, в начале его коридора. Ну что ж, смирится с несправедливостью миров в целом.

Я ещё тогда заметил нечто странное в этом тупике, но ныне можно проверить свои подозрения.

Коснулся каменной стены, а затем к стене с обоями. Почему коридор кончается каменной перегородкой? Слово её возделывали поспешно и с какой-то прямой целью...

Нет. Это меня не касается. Почему меня высылают сюда с прошлой миссии? Это заговор? Дворец несомненно проклят: стоило мне выйти из него в тот раз, как получил отвратительную клиентку со всем последующим. Мозги с ними полопаются в один счёт. А если я получу идентичное задание? На минуточку, можно написать заявление об увольнении? А то сильно зачесалось.

Я не буду больше притворяться захудалым Жаком, Александром, Марком, да хоть Марией! Так что отпустите меня домой и верните нормальную работу. Немедленно! Я буду жаловаться, да я до главного дойду!

Издаю смешок над собой и вою протяжно: «А-а-а...» — негромко, но душевно. Вот бы, заорав, все проблемы исчезали навсегда, как водка в рюмке толстосума.

Бью себя по лбу и отправляюсь в путь!

Ещё в прошлый раз я запомнил эту необычную атмосферу, в которой будто бы укутался этот дворец целиком. Она проникла во все щели, заполнила залы, пропитала стены. И внезапно я стал обитателем столь притягивающего места. Лебеди так и летали на гербах, те же высокие окна и белизна за ними; так же стерильно, как в спирте. Туман из пыли рассеялся, но не снаружи. Из-за белых окон казалось, что я в больнице. Очень дорогой больнице без оборудования.

Я оказываюсь в зале, и меня преодолевает желание вновь взглянуть на ту комнату. Однако, по сравнению с коридорами, залом, некая мастерская выглядела совсем иначе. После того моего появления цвет внутри неё не сменился на нейтральный и остался ярким. Подвешенные к потолку часы не работали, но их красота и мелкие детали на корпусе поражали точностью и кропотливостью мастера, детали чёткие и гармоничные.

Я поднёс руку к первым попавшемся и тотчас отдёрнул: когда я пытался до них дотронуться, меня отбросило в Тихий к тем испорченным людям. Я упоминал, что мне попадаются сумасшедшие живые и того хуже, но те были здоровыми с непростительным видением жизни. Правильно говорят, что книга красива внутренкой, а не обложкой. Идентичная проблема с этими часами. Моё существо тянется к ним, но я как только могу подавляю в себе желание провести пальцем по крышке.

Не предполагал, что моими наркотиками будут часы.

Напоследок оглядываюсь и замечаю на полке засохшие полевые цветы. Нашёл бы я фотографии (или фотографию), мне бы удалось чуток отодвинуть завесу тайны, кто хозяин мастерской. Но навряд ли во Мраке мне по силам «увидеть» фото. Впервые Мрак открылся мне с подобной стороны; там же нет ни малейшего предмета. О снимке я могу лишь грезить.

Кстати, через окно внутрь падал зеленоватый свет. Но когда я подошёл — пусто.

Наказания меня преследуют шаг за шагом. Да они мои фанаты!

Так как я во дворце надолго не останусь, принимаю решение осмотреть как можно больше его помещений, с грустью расставаясь с мастерской, выдыхая запах древесины.

Из этого коридора мне не понравились двери, и я вышел в залу. В тот раз мне не удалось рассмотреть единый рисунок на полу. То была не плитка, пол сделан из единого камня без единой трещинки, но с заметным началом — точкой в центре. От неё вились какие-то завитки, переходящие в плавные линии и превращаясь в перья, а те — в лебедей. Такая конструкция делала животных более изящными, чем есть на деле, намного изящней и мягче. Вокруг них вились лозы с гвоздиками, и так практически до конца плиты.

Шедевр. Это не может быть перебором. Максимализм в самом его проявлении. Идеален и гармоничен. Пока я разглядывал белого лебедя, с люстры сходила серость, поражая потолок.

Подобно схваченному в плен, я глядел в одну точку и концентрировался на гвоздике, найдя веточки гипсофилы. Я выглядел как полный идиот, который ждёт, пока пчёлы вылезут из улья.

Охваченный проснувшимся внутри ритмом, в голову пришла идея, от которой грех отказываться в столь одиноком зале. Тебя никто не увидит и никто не осудит. Ты волен делать абсолютно всё, что тебе вздумается. Это воля для мыслей, свобода для каждого и поток воздуха. Не вериться, что мне шанс спустился с небес во Мрак, но раз мир не пошатнулся, я обязан не ограничивать себя. Аж дух захватило.

Но как бы я ни описывал свои чувства, я лишь изогнул губы в лёгкой улыбке и поддался той назойливой музыке. Встал ровно, выставляя немного вперёд руки, и сделал шаг назад.

Без понятия, что играло во мне, но из всего диапазона желаний и возможностей я выбрал именно это.

Движения были похожи на элементы из вальса, и я свободно переставлял ноги, звонко стуча по камню каблуками. Под аккорды неизвестной мелодии я в точности нарочно стучал по полу, дабы воспроизвести её в земных звуках. Немного погодя, сделал круг, обрамляя лозы, и приложил предплечье к пояснице, кружась и выставляя вторую руку, подавая кому-то.

Мои ноги переступали точно и плавно, что стук каблуков ощущались всем мнимым телом. Мне было хорошо, в кои-то веки я расслабляюсь не меньше трёх минут, и просто от этого осознания стало ещё лучше. Мои глаза... Они бы ловили эмоции вместе со мной, но мне не предначертано увидеть в зеркале простые глаза, без изъяна, целые. Раньше я как-то не придавал значения думам, что мне не суждено ходить без маски, но сейчас я чудовищно хочу снять её.

Поднимаю руки под установленный ритм и кружусь, опуская с особой харизмой. Полы пальто поднимались, развиваясь, словно плащ. Чёрные клубы ткани следовали за мной и бились о ноги, собираясь в пышные складки. По-моему, стоящее зрелище. Мне не удавалось в одиночку танцевать в Тихом, а обо Мраке и вспомнить нечего. Мне так нравилось ощущать на себе ветер, сотворённый мной же; воздух с ароматом пыли исчезал, а вокруг меня по стенам разливалась краска.

Я не прекращал и вовремя упёрся носком каблука о пол, предотвращая падение, что вышло даже эффектнее, и я усмехнулся самому себе. В груди что-то странно ощущалось — защемило, а я с трясущимися руками продолжал творить нечто вроде танца.

Не ожидал, что мне может понравиться что-то, кроме заслуженных людей, лучших в своём роде. Но пока я переминал шаги, не переставал улыбаться, и так непривычно, что уж

страшно, а для меня так вовсе несвойственно.

Я открыл для себя новое чувство.

Осознав это, музыка прекратилась — у меня перехватило дух. Зала полностью окрасилась в свои истинные цвета, и я почему-то загордился собой, проведя кистью по плечу.

— Что за чертовщина... — я без какой-либо злости и претензий охнул. Прозвучало более радостно, чем того хотелось.

От этого чувства я не подумаю избавляться.

Со мной впервые творятся подобные нескладные вещи — на живых в большинстве своём падает эта участь, — но рад, что и про меня не забыли.

— Кто-нибудь...

— Что? — я поворачиваюсь к балконам, где также есть проход.

Вроде оттуда доходил звук, но я уже стоял столбом, чувствуя подвох. Со мной не может случиться хорошего, поэтому я не рискну идти прямо в пасть опасностям. Хм, опасности... А может... Во-первых, я как бы не живу, во-вторых, что навредит Проводнику? Решено — отправляемся к опасностям.

Привыкши схватившись за часы, я не чувствую объекта моих переживаний. Голос прозвучал единожды и пропал в никуда, пока я пребывал в судьбоносном раздумье. Похоже, меня не скоро отсюда выбросит. Пока я ни к чему не прикасаюсь, всё будет в порядке.

— Алистер.

Заверяю, это самое странное место в котором мне удавалось побывать. Дальше всё было серо и темно, что не вызывало моего доверия, но я как танк зачем-то попёрся вперёд, вынув руку из кармана.

Исходя из того, что я Проводник, органы чувств у меня обострены, чтобы заменять недостающие способности при наших ранах. Маска не маска — всё равно, она для красоты, но видеть я способен лучше любого живого. Однако, похоже, во Мраке это частично не работает. Там, в темноте, я не улавливаю движения, поднимаю руку, чтобы схватиться за стену... Нельзя, проклятый дворец...

— Алистер.

Прозвучало прямо у меня над ухом. Голос женский, мягкий, я бы даже сказал, чарующий. Я отшатнулся и побежал на выход, прекрасно зная, что фантом понесётся за мной и в конечном итоге найдёт. А что дальше — накажет, потому что я вторгся на его территорию. Я пересёк залу, ужасно громко наступая каблуками по камню, что казалось — он треснет прямо под моими ногами. Тёплые краски вмиг поблекли в моём представлении и смешались из-за бега. Не дело думать об обоях, когда позади тебя обозлённый фантом.

А тогда мне казалось, что опасности мне не грозят, а кто-то даже моё имя здесь знает. Достали моё алиби? За решётку пацана! Всё, хватит шутить! А когда ещё, ведь это может быть мой последний шанс на шутку!

— Алистер.

— Да что тебе надо?! Отвали от меня.

Я добрался до того коридора с каменной стеной и встал к ней спиной, желая завидеть несчастного фантома, нельзя же прятаться в темноте вечно.

И прямо передо мной встал чёрный силуэт девушки, она не стала ждать и понеслась ко мне, резко прекращая ход у моего носа.

— Как ты мог?! — истерично закричала она. — Бессердечный! Я думала, ты

заслуживаешь его места...

— Чьего места? — девушка захватила мой интерес.

Но та прошла сквозь меня. А меня уже не было.

Вот почему живые много матерятся, — эта мысль пришла ко мне, когда меня выбросило в Тихий.

***

Бали, Индонезия. Прекрасное место для отдыха и восстановления чакры! Но мой запас чакры, к превеликому сожалению, истощился. Мне ничего не поможет, даже белоснежный песочек с прозрачной бирюзовой водичкой...

А не такая уж она прозрачная... Под водичкой я имел в виду море, а передо мной открылся вид на захудалую коричневую речушку. М-да, в этой жиже рыба не водится. Но речка — ещё начало моего изумления.

Я не видел рядом с собой людей и вообще чего-то живого, кроме крыс и тараканов, которых я пытался избегать со своими налакированными туфлями. Всё серое и коричневое, покрытое грязью и чем похуже. Вокруг меня валялись целые горы мусора, а меж ними устроились клочки выжившей травы, но такой жухлой и коричневой, что смотреть на неё больно. Может, это и есть причина, почему тут никого нет: все померли. И остался выживший, которого я сопровожу к его соратникам.

Красивая история, но неправдоподобная. Люди и в мусорке выживают.

В ровную стену выстроилась стена из отпахавших своё время вентиляторов. Они покрылись пылью и коркой засохшей грязи на палящем солнце, куски лакировки отвалились. Рядом какие-то изорванные игрушки и пожёванные подушки, полным-полно окурков да остатков еды. Спасибо огромное, что меня ограничили в обонянии, а то умерших стало бы двое. Мухи кружились над «едой» и не одаряли меня своим вниманием, ведь там повкусней.

Откуда-то капало и собиралось в лужу не шибко приятного цвета. А вдали я различил бедную собаку, побитую, из неё текла кровь, а та скулила, но не двигалась. Крысы уже присмотрелись к своей «добыче». Мерзко. Я просто в конечный раз оглядываюсь и ставлю оценку этому месту. Трущобы. Но не самые плохие, существует куда отталкивающей, чем это. Эти трущобы даже не такие отталкивающие. Найду куски человеческой плоти — изменю свою оценку.

Так как это Бали, а не Джакарта, тут редко встретишь до чёртиков опасные группировки с первоклассным оружием. Однако, голодные бездомные и опаснее будут. Но когда дело заходит до оружия, шутить не стоит. Ну представьте, что меня застрелили. Мне что, валяться в лежачем положении до того, как клиент коньки отбросит? Не собираюсь я заваливать дело, которое мне привалило из проклятого замка (я ещё не разобрался, дворец это или замок). Пока меня не накажут, я буду работать, то есть добровольно мучить себя.

Я стал видимым — меня заметил клиент. Вовсе не странно, что я от него на близком расстоянии; место опасное. Пока я буду его искать среди мусора и барахла, вполне возможны неприятные случаи. Так что я должен быть близко к нему.

Солнце пекло землю и то, что благополучно лежит на ней. Обобщил, дабы не перечислять всё, что здесь валяется. У меня-то закалённая психика, для меня трущобы — обычное место, я и глазом не повёл... Обожаю шутки про своё тело, так иронично.

Засунул руку в карман жилета и определил по ощупи благодаря секундной стрелке, куда мне повернуться. На юг.

Стоило мне сделать шаг в этом направлении, как я мгновением погодя заметил клочок ткани, он ровно поднимался и опускался, поддаваясь дыханию хозяина. Я слышу его, и оно больше походит на детское.

— Не надо! Не приближайтесь! Я ничего вам не сделал!

— Спокойно, тише, — я поднял руки и показал, что не вооружён, мало ли. Я говорил твёрдо, чтобы убедить клиента в своих намерениях. — Я не причиню тебе вреда.

Я увидел его, и это правда оказался ребёнок. Мальчик лет пяти-четырёх. Он был весь перепачкан в чём попало, но одежда новая, дорогая. Сам он щупленький, словно только что вылупившийся птенец. Волосы истинно золотые, гладкие, но тронутые пятнами ровно с бежевой кожей. А глаза... глаза изумруды. Они переливались на этом проклятом солнце, блики менялись часто-часто и манили за собой. Эти радужки неповторимы во всём белом свете. Какие красивые глаза... готов смотреть в них вечность. Завораживающе.

Так, я немного отвлёкся.

А ведь верно... третий ребёнок подряд, и каждый моложе предыдущего. Следует быть аккуратнее с этим. Дети теперь не шибко безобидные, какими я их считал. Попадались экземпляры, но мало. Три экземпляра подряд — перебор. И этот малец мне может нервы свернуть в трубочку, дунуть и попрощаться с ними навсегда.

Но я верю глазам... А почему я не напомнил себе об этом на прошлом задании? Дурак. В пять лет мало кто способен испортить дар неба, и я буду отдаваться данной миссии, чтобы доказать это и впредь.

— Как тебя зовут? — спросил я Ефима.

— Ефим, — шмыгнул он носом и подтянул к себе коленки.

— Меня — Алистер. Пожалуйста, послушай то, что я тебе скажу. Попытайся не плакать. — Даже зная, что не сработает, я буду пытаться успокоить Ефима всеми способами. — Ты умрёшь ровно через день, и никто не в силах исправить это. Я пришёл, чтобы сказать тебе.

— Умру?.. — Ефим ещё заметнее поник, но не проронил ни слезы. Взгляд стал отрешённым, и мальчик лишь сглотнул, закусив губу. — Я так и знал. Меня не собираются искать.

Я ещё раньше подметил, что он не выглядит как житель острова. Он похож на приезжего, но как угораздило ребёнка оказаться в трущобах? На Ефиме изначально была одета чистая одежда, волосы сверкали, и всё прочее отличалось от «здешнего колорита». У меня предположение, что он пробыл здесь недолго, раз его не нашли те, кто искалечил до полусмерти бродячего пса. Ефим с самого начала сидел спокойно и не подавал признаков, что за горой мусора может оказаться живое существо.

— Сколько ты здесь сидишь? — я опасался ранить словами Ефима, но он сразу мне ответил:

— Меня украли вот оттуда, — он показал ручкой вдаль, где высились дорогие синие строения.

Ах, точно, Бали — это же ещё про отдых. Приезжих должно быть полным-полно с той роскошью, которой напичкан остров для отдыха иностранцев. Остров-курорт. Но не многие проинформированы о том, что коренным жителям тут живётся не так красиво. А некоторым (всем) плевать на них, они же приехали отдыхать, зачем им думать о горах мусора, которые находятся в нескольких километрах от них. Отдыхающих тоже можно понять. Но тут нужно смотреть на ситуацию ровно посередине между трущобами и высотками с чистыми

пляжами.

— В городе было слишком много людей, и я потерял маму и папу. Какой-то дядя понял, что я один, закрыл мне рот и утащил. Он спрятал меня в будке и угрожал ножом, но я сбежал. Я не понимаю их языка. И ночь... такая холодная. Я подумал, что заболею. Я умру, и родители меня не найдут.

— Ефим... — я был тронут его рассказом... Пододвинулся к нему и обнял парня так крепко, что тот ухватился за меня и начал рыдать.

Есть особенные дети, которые определяют, с кем можно говорить и плакать, а с кем молчать и плакать. Или я настолько отупел, чтобы верить своим же догадками. Кто знает.

Эти слёзы он скрывал, сбегая и прячась от ужасных людей. Думаю, он изо всех сил сдерживался, чтобы не зарыдать той ночью. Ведь подобное не случается даже с взрослыми, что уж говорить о пятилетке. Это в высшей степени страшно, что он пережил и что ему предстоит пережить за двадцать четыре часа. Главное, что теперь у него есть я, и я смогу его защитить до окончательного момента.

Я давал ему выплакаться, и мне было совершенно всё равно, если я измажусь в грязи: этот мальчик не вечен, в отличие от меня. В пять лет быть похищенным... Он знает о своей будущей смерти, и от этого во мне проступил укол совести. Я заставил Ефима разразиться душераздирающим воем, который не способен издавать обычный ребёнок. Он по-настоящему страдал, а я подбросил дров в огонь.

Поглаживая по спине Ефима, я параллельно вслушивался в атмосферу, но пока попадался шелест мусора. Это я ещё молчу, как трещат мои часы... Горе Ефима пробудило их.

Он вполне может умереть от голода и жажды, жары и ночного холода. Маленький мальчик вряд ли сам приставит к сердцу нож, поэтому я придерживаюсь вышесказанных вариантов, если ещё раньше его не найдут бомжи. Каннибализм проснётся в любом человеке, если у него, голодного, будет рядом друг. Голод способен толкать на отвратительные вещи. Будем надеяться, что здесь нет такого менталитета. Надеемся... А то я не очень хочу видеть, как будут резать моего клиента.

— И что мне делать? — пробормотал Ефим.

Сказать бы ему, что я сам не имею представления, что же ему делать. Мы не в каком-то городе, мы не на свободе, да и Ефиму не двадцать, чтобы мгновенно дать ему ответ.

— Жить. И жить до последней секунды. Я защищу тебя, если что случится.

Мы будем бегать от опасных индивидов и искать укрытия. Раз конец Ефима придёт через сутки, то даже без моей защиты он смог бы выжить. Но каким тогда был бы этот день? А завтра? Я не стану мучить ребёнка.

— Я не слышал это даже от родителей, — покрасневшие глаза распухли, Ефим шмыгнул и проморгался, отворачиваясь, ибо стеснялся своей слабости. — Мальчикам нельзя плакать, извините, мистер, — и утирал лицо, дабы смыть с себя эти чёртовы слёзы.

— Кто это сказал? — я наострился.

— Что?.. Все говорят, что мальчики не плачут.

— Перестань слушать других. Особенно, если это «все». Они навязывают это мнение, делая из вас роботов. Слёзы смывают ком в душе. Чувствуй. Есть живые, которые ограничены в чувствах, так что плачь хоть вечность, я тебе ничего не скажу.

Ненавижу родителей, которые вторят сыновьям «мальчики не плачут», они ведь сразу отбирают у них жизнь. Со временем человек «высыхает», он будет чувствовать всё меньше и

меньше, превращаясь в сухаря. Главное — чтобы парень не был тряпкой, что является причиной его плача. Плакать нужно от души, как и кричать, петь, прыгать с парашютом.

— Послушай, давай поставим цель на эти двадцать четыре часа? — я отвлек его от грустных мыслей.

— Какую цель? — он явно заинтересовался моим предложением.

— Например, можем дойти до моря. Не этого, — я показал ему в ту сторону, где из трубы лилась неизвестного рода жидкость. — А до вот этого.

Я развернул его и указал рукой на чистое небо, где ниже спряталась ровная синяя полоска. И туристов там не видно (с моим-то зрением). Эти миры разительно отличны друг от друга, что становится страшно из-за несправедливости Тихого. Он способен показывать красивые свои стороны, способности, однако редко, поэтому я не перестану жаловаться.

И это ещё с тем, что я люблю Тихий. Может, это слепая любовь? Или тупая влюблённость без будущего?

— Да. Я хочу туда. Тут нет полиции, меня не ищут. На море, я согласен идти с тобой.

На этом острове моё умение «читать» фотографии бесполезно, но и с детьми часто меньше хлопот. Есть те, что не знают значение слова «смерть», а мне не так уж и нужно объяснять им его.

— Только идём аккуратней: много железяк торчком.

— Хорошо, — Ефим в окончательный раз вытер лицо тыльной стороной руки и протянул мне ладошку. Такая мягкая и нежная, я это ощущаю даже через ткань перчаток.

По моим подсчётам мы вполне успеем к вечеру добраться до пляжа.

Но стоило нам пройти пару метров, как я уловил доносящиеся неподалёку звуки. Шаги двух мужчин. Они шли прямо на нас. Наверняка плач Ефима вызвал в них интерес. А лица-то у них и близко не располагающие. У них как будто украли принадлежащую им вещь, а вором, как ни странно, оказался я.

— Эй! Мужик! Он наш! — крикнул нам вслед один из них. — Отойди от ребёнка, живо! Я сказал, отойди! Не смекаешь?! Дрянь ты такая!

А я тут вообще причём? Он пробалаболит не вполне культурную этакую речь без остановки. Как я мог выполнить всё сразу? Но с «дрянью» он чуточку переборщил. Добрее надо быть, дяденька — и мир повернётся к тебе лицом, а не задом.

— Надеюсь на вашу доброту, господа, — я сделал шикарный реверанс на холме из мусора. А Ефиму сказал: — Беги и спрячься. Я отвлеку их.

Без лишних убеждений он выполнил мой приказ.

— Эй ты, отдай пацана! Не ты его из подворотни волок в мешке! Это я сделал, слышь! Но... — он внимательно присмотрелся ко мне. — Хм, пиздюк не убежит далеко, но ты будешь добычей подороже.

Работоторговля? Нет, это место не слишком подходит для подобного бизнеса. Но кто будет отрицать, если это остров Индонезии, да ещё какой, с офигенной иерархией и населением. Думаю, правительству параллельно на жизнь простых, они сконцентрированы на приезжих. И кто заметит пропажу мальчика? Кто возьмётся за решение проблем с трущобами, если они не мешают отдыху богачей?

Я тогда отмёл предположение о существовании серьёзных группировок, но сейчас готов вернуть его на рассмотрение. Или же эти преступники занимаются другими делами, связанными с незащищёнными людьми. Незаконные бои, насилие, изнасилование... Бррр.

Что они хотели сделать с Ефимом?.. Или же съесть.

А что они на меня так уставились? Мне как-то некомфортно, мужчины, потише-потише. Мне же запрещено использовать физическую силу, я их точно не убью, даже если бандиты ничто в Тихом. Глупое правило, ведь на следующий день они напьются и подумают, что уже успели устроить заварушку, откуда и появились раны.

— Разберёмся-ка пока с ним, а потом и пацана запугаем, да, Игла? — говорит тот, что справа.

— У-у, как интригующе, свои погоняла! А у тебя какая? Бритва? Ножницы? Стрела? А как тебе «Дорогой»? — я игриво и насмешливо зыркнул на (величайшего!) разбойника и отвёл взгляд, мол, ты меня достал.

— Ща договоришься, — «Дорогой» схватил меня за воротник рубашки и поднял, что носки туфель теперь не казались жестяной банки из-под перца. — Закрой хлебало, типок.

— Ой, задыхаюсь! — я начал притворяться, что теряю воздух в лёгких, двигая ногами и хватаясь за шею, высвобождаясь от нахальных рук. Осознание этого рассмешило меня, но остальное подтолкнуло меня на окончание культурнейшей беседы и намёков на насилие. Не-не-не, я неприкосновенен.

— Пусть теряет сознание, в гараже проснётся, — сказал Игла, вовсе не спасая меня.

— Вы понимаете, молодые люди, — произнёс я, повисая на сильной руке с толстыми взбухшими венами. Эти двое от души отшатнулись, — мне сложновато будет излагать свои мысли, но иного вы мне не предоставили. Итак, мы с вами незнакомы, поэтому на «вы». Неужели вам так нравится разбойничать? Вас бросили родители, я правильно веду? Вы начинали ещё с детства воровать, и вас взяли в банду. Просто не было выбора. Поднакорпели в этом деле, выросли в таких мускулистых громил. Не думали сбежать отсюда? Перспективы никакой!

— Захлопнись, блондинчик. Правильно Пушка говорит, договоришься. Мы же можем убить тебя на месте и боссу не везти. Потолкуй хорошенько.

— А вот ты более сговорчивый.

— Что за фокусы, птенчик? Разучим ведь.

Игла достал из пояса пушку и грубо потянул меня за волосы, приставляя дуло ко лбу. Я немного почувствовал боль, но не капитально. Я впервые взял на заметку, что нахожусь не в выигрышной роли.

— Пушка за поясом, Пушка у меня на лбу. Пушка — красавец моря, Пушка надоела карману. — Пропел я, смотря на Иглу, что истинно распалило его, да ещё моя мимика покорила Иглу. А с Пушкой случился эмоциональный сбой, и он переставил руку на мою

шею.

Я как бы теряю сознание и падаю.

— Всё, прикончили засранца.

— Жаль, денег лишились.

— Наверстаем. Пацан недалеко сиганул.

Игла с Пушкой хотели перешагнуть через меня, упавшего навзничь, беспомощного Проводника, но я внезапно встаю:

— Привет с загробного мира!

И включил способность.

— Кто ты, чувак? Чё, нарываешься? Чё так близко? — очевидно же, что это Пушка за поясом, Пушка у меня на лбу...

Я стёр им память и собираюсь воспользоваться своей способностью не единожды.

— Игла, пристрели его.

— А разве не странно, что пушка не у Пушки?

— Откуда он...

И снова стёр. Опять. Опять. Опять. Опять.

— Игла, я с ума схожу.

— А?

Опять.

— У меня голова болит.

— Ну что ты за дебил...

Опять.

Я делал это до тех пор, пока достаточно не отдалился от воров. Они хватались за головы и жаловались на своё самочувствие. А теперь надо бы найти Ефима, мало ли, мы ещё на кого-то наткнёмся. Мало шансов на то, что кто-то, кроме Иглы и Пушки, были заняты продажей Ефима, так что я могу немного успокоиться. Но сначала стоит найти мальчика.

Я совсем его не слышу. Это странно, хотя... шорох мусора и течение захудалой речки заполняют моё восприятие, полностью заглушают. Я не могу сконцентрироваться.

— Алистер, — зовёт меня Ефим... Он оказался от меня ровно в десяти шагах.

— Ой, здравствуй. Эти ребята больше не тронут тебя. Не думай о времени, мы просто отправляемся к морю.

— Я готов. Мне не о чем желать в этой жизни, она скоро закончится. — Минутное молчание. — А у тебя есть цель? — после этого вопроса мы отправились в путь.

— Да — довести тебя до твоей цели, — я беззаботно улыбнулся и поднял его, чтобы тот не упал в канаву.

— Нет, не то. Цель твоей жизни.

— Хорошо работать, выполнять задания соответствующе и исправлять людей.

Ужасно жаль, что исправлять людей (если я этого добиваюсь) у меня получается лишь тогда, когда они умирают! Я вижу в этом просвет человечности, но лучше было бы лечить нормальных живых.

— Только работа? — разочарованно понурился Ефим. — Ты что, живёшь на работе?

— Вообще-то да. Ничего на ум не приходит как-то. Я люблю свою работу, — сказал, насколько это возможно, убедительней, но сам только услышал, как это звучит. А мне обязательно вечность это повторять? Я люблю работу, но для меня она становится непосильно для меня сложной... Не хочу признавать, но так и есть. — Честно, поверь мне.

— А почему ты её любишь? Она никому не нравится. Мой папа зарабатывал в месяц сотни тысяч долларов — мама проболталась, — но он жаловался, что достало его это всё. Ты так же зарабатываешь?

— Чуть меньше, но похоже. — Стоимость, по-моему, близка к моим ощущениям. — Люблю, потому что люблю живых, мне интересны их психология, строй, различия, сердца, мышление. Все абсолютно отличны друг от друга, но есть и объединяющие моменты. Я копался в них долго и мучительно, не осознавая этого. Затем дошло, почему я Проводник. Это важное осознание.

— Проводник?

— Я же провожаю тебя до моря, — как само собой разумеющееся сказал я. — Зато люди, после всего прохождения жизни, остаются либо в раздумье, либо уже облегчили свои чувства. Я верю, что так и есть на самом деле и я не бесполезен, — пожал плечами.

— Получается, это не точно?.. Это же...

— Неразумно. Да-да, зачем спасать человека, прыгнувшего за борт? Но его могли столкнуть. Однако он всё равно в открытом океане. Не умеет плавать? Ещё лучше — всё закончится быстро.

— И меня ты тоже не спасёшь?

Ефим поднял на меня свои изумрудные глаза. Они проникают сквозь меня, а я не смею сопротивляться. Их красота ослепительна в высшей степени, а их детская искренность добивает. На памяти есть ещё одни глаза, но я забыл о них. Почему я забыл? Чувство, что прекраснее этих радужек в Тихом нет и никогда не будет.

Почему такие обязаны прощаться с миром? Это же бесчеловечно... несправедливо. Ах, конечно, лучшие из нас всегда принимают рок первыми.

— Не спасу. Но это не главное.

— Почему?

— Душа сильнее тела. Его никогда не спасают, кроме врачей и медсестёр. Бывает, что им надо платить. А когда денег нет? Душу способен спасти кто угодно: хоть бездомный, — я обрамил рукой вид, — показав, какой он сломленный. Ты просто не захочешь для себя похожей участи и будешь работать над собой от отвращения к нему или милосердия. Так же с богачами. — Перевёл руку туда, где виднелись пентхаусы. — Ты либо захочешь измениться из-за того, что тебе не нравятся напыщенные магнаты, которые в большинстве своём берут в разы больше, чем им позволено, увеличивая свой доход таким образом. Либо вдохновляешься ими, задаваясь целью стать такими же. Целая геометрическая прогрессия!

— Что?

— Ничего, я так, чуток занесло. Суть — спасти души престижнее. И да, твою я тоже спасу, не сомневайся. Не бойся, когда всё решится — и это мне подвластно.

В конце концов, у Ефима нет выбора. У него остался лишь я, чужой ему Проводник. Дети в его возрасте не воспринимают половину того, что происходит вокруг них. Когда пять лет прошло с моего начала становления Проводником, во Мраке я был похож на планктона, в Тихом же я работал как следует, но без своих изюминок.

Найти бы его родителей... Но у взрослых больше полномочий. Они потеряли Ефима. Что за безответственность!

Прошло три часа. Так как я появился в Тихом в четырнадцать двадцать, то солнце должно скоро опускаться.

— А на пляже будут разбойники? — очень своевременный вопрос.

— Это граница, — сказал я в унисон. — Граница между труппами и отелями. Туда они побоятся соваться.

— Кто это? Мне прятаться? — Ефим заметил группу людей слева от нас.

— Просто отойдём.

Я их и раньше приметил и уже применяю на них свою способность, чаще секунды стирая память обо мне.

— Это наша территория! — крикнули нам вдалеке. Я уже начал заниматься этими людьми. Почему они так часто на территорию ссылаются?

Один мужчина хватался за виски и упал на колени, будучи сзади нас, отделяясь от общего стада. Я приставил Ефима вперёд и держал его за плечи. Я следил за мужчиной, который встал с колен, продолжая путь к нам. Честно сказать, удивлён. Я не останавливался, но тот не сдавал темп. Чёртов маньяк. Мы должны были слиться с местностью, но этот придурок как зомби плёлся прямо за нами.

— Не обращай внимания, он ошибается.

— Нет, он не ошибается, — растерянно пропищал Ефим. Он впервые так забеспокоился.

— Кто это?

— Он закрыл будку, в которой я сидел, и пообещал поймать моего папу. Говорил, что папа выгнал его на улицу, как последнего пса. Папа у него работу отобрал, и от него «отреклась» семья. Что за слово?

Дело принимает новый поворот. Тот, скорее всего, и придумал украсть Ефима в отместку отцу мальчишки. Раз он рассказал всё Ефиму в будке, то предположительно кидался угрозами его отцу после того, как уволили. Соответственно, отец был предупреждён либо предполагал: что-нибудь, возможно, случится с семьёй.

— А твой папа работал на Бали? — спрашиваю я пятилетнего ребёнка. Он небось и имени отца не знает.

— Он... Папа часто упоминал Бали. Уезжал надолго. Но я не спрашивал, извините, я бесполезен... — опустил свой милый подбородочек и скрестил руки на груди. Меня резко кольнула вина.

— Спасибо, это мне на многое указало. Златовласка, выше нос.

— Хочу, чтобы вы были со мной всегда.

— Я выполню твоё желание.

Ефим расплывается за беспечный поступок отца, за его непредусмотрительность и решение приехать в небезопасное для близких место. Город мне этот не нравится. Индонезия в целом не вселяет доверия. Весело слушать про крутые группировки, наркобаронов, огнестрельное оружие и общей опасности островов Индонезии. На деле оно так и есть — крутизна полная. Но давайте будем культурными существами и отрицать наши положительные представления.

Горами погибают люди... Хочу миссию, связанную с индонезийцем и его командой. Так-так-так, сейчас не об этом. Разворошим мысли! Я стал каким-то забывчивым.

А зомби всё надвигался. Я уже без понятия, что с ним делать. Он никак не уgomонится.

— Бежим.

— Алистер? — повернулся Ефим на мой голос.

— Три, два, один! — я быстро беру Ефима на руки и бегу по направлению к границе.

До неё ещё не близко, но туда нам путь заказан. Что в будке, что у пляжа, похоже, кончина моего клиента ничуть не меняется. По делу, так и должно быть, но любое

местоположение всё-таки немного меняет причины гибели. Совсем незаметно. На одну сотую. По-иному не получится в любом случае, от Проводников ничто не зависит. Если я предложил пойти к морю, Ефим бы самостоятельно догадался к нему отправиться, спрятавшись от Пушки и Иглы, тем самым спасшись.

Но слезка в виде некоего зомби настораживает. С ним бы встретился одинокий Ефим.

Тем временем мы отделились от незнакомца, а вид вокруг нас разительно ухудшился. Везде разбегались крысы и тараканы в поисках еды, картонок и прочей мерзости в виде засохших и живых насекомых, а погрызанные обломки домов не отличались от них особой мерзостью. Почерневшее дерево, поржавевшие металлические пластины, ткань вся одного оттенка — серо-коричневого. Всё покрыто густой слизью неизвестного происхождения.

Ефим оглядывался на прошлого подчинённого отца и на мусор под моими ногами, подтягиваясь повыше. У него вот-вот неосознанно потекут слёзы, и у меня нет в планах утирать их: страшно снова представить, как кристальный зелёный покроет прозрачная пелена грусти и горя. Я не перенесу того обречённого воя вновь. Только без него.

Почему дети страдают?

— Алистер, он за твоей спиной... — прошептал Ефим, я не стал просить его уточнять.

— Перестаньте, — успел он вставить перед тем, как я вновь избавил его от воспоминаний обо мне. Я «удалил» и раньше их все, но мужчина оказался крепким орешком. — Прошу, — взмолился он.

Мы можем и не дойти до пляжа.

Я повторял стирать вновь и вновь, но тот лишь хватался за виски от переизбытка потерянных воспоминаний. Он считает, что у него кружится голова, но подобного на деле не происходит. Люди — самовнушители.

— И не подумаю. Если вы прилипнете к этому месту, то перестану. Больше никаких условий, — сделал голос более грубым.

— Да... Да! Я сделаю всё!

— Переигрываешь, — махнул рукой у его лица, и мы с Ефимом удалились, теперь уже потеряв два часа.

Мы удачно достигали своей цели. Пляж почти открылся нам. Температура значительно понизилась, пот на лбу клиента засох, солнце плавно опускалось к горизонту, не пронзая ни единого облачка. Их на небе по пальцам посчитать, на то одной кисти хватит. Но лучи солнца из жёлтого поменялись на красивые ярко-персиковые, падая на все поверхности, куда только достанут.

День прошёл быстро. Очень быстро. Ощущение, будто я потратил на всё про всё максимум три часа.

А впрочем, некогда заикливаться на времени и то и дело потренькивающим часам.

Опустилось солнце, а вокруг стало лишь ярче, что даже моё пальто окрасилось в красный.

Я уже не примечал присутствия чужаков и несколько успокоился по этому поводу. Ефим не плакал и тихо плёлся близ меня. Я спрашивал его ещё про жизнь, нравилась ли она ему. Странно докапываться до ребёнка с такими расспросам, но он хотя бы говорил «нормально».

— Дошли, — бросил я, усаживаясь на островок чистой травы, служащей кромкой меж песком.

— Спасибо, — со всей благодарностью в голосе давит Ефим.

Наконец-то можно было приостановиться. Эта беготня меня несколько не напрягала, как частые подозрения на появления живых. Меня не интересовало, добрые они или нет. Были те, кто продумывал, как соберёт мусора для костра, чтобы приготовить Ефима. Взгляды людоедов. Бывают же настолько отчаянные люди.

Я впервые увидел радостное выражение лица Ефима. Он был по-настоящему счастлив узреть море вблизи, прямо перед собой, настоящие морские волны. Небось, делал это лишь из окна отеля...

— Она солёная!

— Ты что, попробовал?! — ах, на мне же ответственность за ребёнка... Как-то призабыл. — Пей. Но не увлекайся.

Он второй день не пил, утолить жажду ему не представлялось возможности.

— Ракушка!

— Счастье ты моё малахитовое, — незлобно схлестнул руками и пошёл оценивать его находку, которыми был завален этот маленький кусочек пляжа.

— Камень! А можно камень? — не унимался Ефим. Он одним своим видом способен спасти от депрессии миллионы. — Он такой белый!

— Можно камень.

Способны были бы взрослые радоваться таким мелочам — Тихий стал бы лучше и добрее. Дети — сокровище наше, от них зависит будущее. Вот бы правительства всех стран перестали угрожать друг другу и ценили то, что между ними происходят сделки, ведётся продажа, оказывается помощь. Но этого никогда не будет. Дело в невозможности и самонадеянности идеи.

Инь и Ян — равновесие. Этот закон действует, и довольно-таки хорошо. Без бедных нет богатых и наоборот. Это пересекающиеся окружности. Или социальная пирамида. Не сделать так, чтобы всем было хорошо. Ефиму не повезло оказаться вверху пирамиды по вине родителей и опуститься на самый низ по их же вине. Зато он не имеет представление о ценности золота и «Мерседесах». Он радуется ракушкам.

Почему родители убивают?

— Песочек сухонький, — Ефим, благодаря детской энергичности, не выглядел, будто устал. Малец бегал и прыгал по пляжу, мило перебирая ножками.

Вот бы замедлить время, чтобы это не заканчивалось как можно дольше. Мне становится хорошо на душе, когда вижу своих клиентов в хорошем настроении. Осознание того, что ты правда помогаешь им или всего лишь застаёшь их в минуты счастья, самого меня вдохновляет. Но все люди отчасти мазохисты: сами отказываются от смеха и выбирают рыдания.

Ефим не вырос, он не понимает какво это — причинять себе боль. И прекрасно. Он даже не догадывался вчера, куда попадёт.

— Алистер, песочек, — Ефим протягивает мне руки лодочкой, из которой сыпался песок.

— Да-да, песочек.

Я, не снимая пальто, иду к Ефиму и нарочно падаю прямо спиной в песок.

— Аха-ха, — из меня вырывается заразительный смех, и ко мне присоединяется Ефим, смеясь намного звонче и искренней, от души.

Солнце пропало за Землёй, а небо посинело, вгоняя в себя густые красивые тучи. По две стороны от нас зияли два абсолютно разных миров, но мы не придавали этому значения и

валялись на пляже в позе «звезды».

— Не думай о завтрашнем, будь таким вечно.

— А что завтра? — не отводя с неба свой взор, выдыхает Ефим.

— Ничего, вообще, — махнул на это дело и воззрился на мальчика. Он дышал, поднимая грудь, и перебирал подушечками пальцев камушек, самый больной и красивый, по его мнению. А я трогал часы, тихие, не подающие знаков. Особенно хочется их трогать, когда они тикают или вибрируют (когда тиканье быстрое-быстрое, но глухое из-за секундной стрелки), потому что я определяю, где и что чувствует клиент. Я разбираюсь с ними и понимаю малейший их шорох. Как бы проявляю себя в задании.

Но сейчас мне меньше всего хочется, чтобы они двигались.

Куда уходит детство? Почему оно такое скоротечное?

— У тебя волосы цвета песочка.

— Мой цвет звучит более дорого, но твой будет и подороже. Спасибо за комплемент.

— Я сделал тебе комплемент? Извини, я не хотел, — Ефим заволновался и взял свои слова назад.

— Чего? Златовласка... Ну, так тебе и надо, Алистер.

К нам кто-то подобрался сзади. Я его не заметил поначалу. Страшное упущение, Алистер. Он уже в паре шагов от нас, но им одним дело не оканчивается. Я уже представлял, какая сцена нас всех ожидает, и переживал на Ефима. Не станет ли следующая картина для него случайной? О чём он подумает, когда узнает правду? Он бы в любом случае её узнал, раз зашло настолько глубоко.

Раздаются шаги зомби, мигалки полицейских машин, гомон и суета.

Прямо на границе нас заметит полиция, и тот мужчина убегает восвояси. Теперь он нас точно не тронет. Но меня чрезвычайно волнует, на что он был способен, что думал обо мне, о Ефиме. Я даже обрадовался полиции по этому поводу, но они так же не сыграют нам на руку.

— Ефим? Вроде похож. Мать-то только его описывала и дала фото, — сказал один.

— Да, он. Ох, мы за его поимку разбогатеем. Папаша его нам столько денег отвалит, в жизни работать не будем, — поддакнул второй, прихлупывая кофе из картонного стаканчика.

Противные типы. Я бы им не доверял пост правосудия, да чего там, ремня на моих брюках. Кого только ни подпускают к работе. Посредственность, да и только.

Я тут подумал... а вдруг Ефиму уготована судьбой встретить полицейских? Они бы ради денег и в трущобы полезли. Крайне предсказуемо. Ефима отвезут семье, а в каком-то отеле я его разыщу, и с моим клиентом наконец приключится несчастье. С трущобами можно попрощаться. Дело близится к ночи, мальчика нашли. Пойдём в полицейскую машину!

Но тут меня дёргает за полы Ефим, прячась за моей фигурой. Приехала ещё машина патруля, и все вместе глазели не на мальчишку, а на меня. Да, я офигенно выгляжу, но пока не до вас.

— Алистер, они убить меня хотят... — прошептал Ефим.

— Я так не думаю...

Нет, мне запрещено решать за клиента.

— А что бы ты сейчас сделал?

— Я... А-а-а!

Ефим побежал в море, что вода была ему по грудь. Это не глубоко, его легко вытащить,

но что если подойти? Он заберётся глубже? До конца больше половины суток. Часы тихонько вибрируют.

— А ну живо! — грубо кричит тот первый полицейский, а за ним увязались и другие. Какое убогое зрелище... Я берусь за виски, подражая живым. — Малец, в участок поедем! Живо!

— Вы так собрались ребёнка уговаривать? — вклинился я, аж собственной персоной.

— А ты сойдёшь за похитителя. Довольно подозрительно выглядишь, модничек. Выкуп? — он был лет сорока, одетый в полицейскую форму, но не отличался от здешних преступников. Я почувствовал себя морально выше всадников закона, покорителей самоуправства.

— Да вы всё равно на меня забьёте, — я протянул с недовольной гримасой.

— Да нет, за тебя, зачинщика похищения, дадут премию. Полезай в машину. Парни, наручники.

Парни из патруля хватают меня и заводят руки за спину. Я молниеносно реагирую и взмахом перемещаю их и мои руки вперёд себя. Я не вывернул им конечности, но те заученно продолжили играть с моими. Они молчали, выполняя приказ, пока «главный» приглядывал за мной и за Ефимом.

— Да перестань ты рыпаться. Ещё машина приедет.

— Вы что, белоручка? Император тут явился. Трогать меня будут только подчинённые, а как вы, капитан? Вдруг я хочу, чтобы именно вы поучаствовали в моей поимке? Хочу чести!

— А в ебало хочешь?! — полицейский ударил меня щеке. Я ахнул. — Продать его собирался, признавайся!

— А как у вас с неприкосновенностью? Честно признаться, не желал устраивать драку. Вы начали — я не закончу. Вы вообще имеете право вести допрос?

— Права я здесь буду читать! Заткнись. Ребята, шевелитесь. Чем раньше поймем его, тем лучше. Ефим, хватит играть, вылезай уже!

Подъехала ещё машина патруля с четырьмя людьми. А где они были раньше? Половина отправилась к Ефиму, половина — ко мне. Я вырывался ради мальчишки, опасаясь причинить кому-то вред. Меня трогали... До моей одежды касались эти подонки. Моё терпение подходило к концу, я опасался будущего. И всё. До меня дотронулся страх.

— У, а часики-то золотые, — у полицейского недобро заблестели глаза. — Дайте-ка мне. И маску снять. Достала она меня. Твоё лицо скоро будет за решёткой, если папаша его решит смилостивиться над похитителем своего сосунка.

— Уберите свои грязные лапы! — я дёргался из стороны в сторону, валяя полицаев в песке и катаясь вместе с ними.

Мне противно чувствовать их прикосновения. Они как зараза, болезнь. Чтобы отвлечься — да, отвлечься, — я присматривал за Ефимом. Те живые заставляли его глубже заходить в море, периодически заговаривая и переставая идти к нему. Догадались, что их методы не работают?

Я стёр всем память, но этого хватило лишь на миг, вряд ли головная боль сыграет с ними злую шутку: у них всех отсутствует мозг. Меня отпустили, но тут же схватили с новой силой. Чёрт! Мне, что ли, брыкаться до конца миссии? «Главный» опять раздавал приказы, и словарный запас его вышел нешироким в моём представлении.

— Алистер! — крикнул хриплой глоткой Ефим.

— Это я бесполезен! Ты один в этом грёбаном мире! От меня ничего не зависит! Ты волен...

— Заткнись, щенок!

Меня пригвоздили к земле и придавили шею подошвой сапога. Ефим плакал от безысходности и страха. На него налетала куча накаченных мужчин, заходя в воду. Им плевать на его слёзы и самочувствие, эти живые запугивают пятилетку размером... Если Ефим упадёт, у него не будет шанса выбраться: насильно возьмут и увезут.

— А-а-а!

Я воспользовался своей способностью, окончательно решая не злоупотреблять ею. Вырываюсь и несусь со всех ног к Ефиму, забивая на этих громил. Забираю ребёнка на руки и выхватываю пистолет у члена патруля, наставляя на живых.

Этот был тот самый пик, который станет решающим для всего задания, полиции и будущего моего клиента.

— Отойти! — ору я, уверенно держа оружие и сняв с предохранителя, когда слышу усталую речь прямо у уха:

— Ну ты и кретин.

В воздухе свистит выстрел.

Я дома?.. Извините, я безмерно ошарашен, так что нормально оценивать ситуацию не в состоянии. Какого дьявола я здесь? Выпустите меня! Я не готов идти во Мрак!

Везде темнота, всепоглощающая чернота. Ничего в ней не обитает, кроме нас, Проводников. Я дышу, я чувствую, что нахожусь во Мраке. Его ни с чем не спутать. Но почему я не рад?.. Ефим!

Мне нужно вернуться назад. Я не закончил задание, я потерял клиента! Дурак ты, Алистер! Ты не сможешь вернуться. Ты потерял свой шанс защитить Ефима. Что он о тебе подумает? Ты бросил его и протянул рукам этим испортившимся живым! Что с ним станет без меня?.. Он умрёт страшной смертью... Ефим, который не заслужил безжалостного конца. Я не облегчу ему конец!

О нет... Я не выполнил свою работу... Что станет с ним? Со мной?

А вдруг он забыл обо мне, как всегда это бывает? Обо мне все забыли. Логично, но рано делать какие-либо выводы. Мне не играет на руку то... да всё отрезает мне эту чёртову руку! Зачем мне рука, если я даже ребёнка не отгородил ею? Я себя не контролирую, Мрак сам заглотив меня. Классное оправдание, ты просто убегаешь от признания о своём бессилии. Сначала научись, а потом кидай обвинения.

Алистер, кто ты теперь? Что подчиняется тебе? Зачем ты, в принципе, существуешь? Ничтожество, не более.

— Лови прах.

С меня снимают маску. От неожиданности я встал столбом и не двигался. Кто-то трясёт мою маску — и с неё сыплются осколки. Мои пальцы сгибаются от ужаса.

— «Кто ты теперь?» Ты кретин. Всё просто. — Голос низкий, с бархатным баритоном, бугристый. — Говорю же, лови!

Он кидает мне белую пыль вместе с маской. Я без труда ловлю и засовываю ладонь с мелкими осколками в карман брюк, туда, где лежали они же, найденные в тумбе в Труа. Те, повезло, не высыпались.

— Виктор.

Я надеваю маску и улыбаюсь, обо всём догадываясь. Из меня уходят переживания, укоры совести и подозрения. Всё оказывается намного проще, чем я предполагал. Офигеть... Я укорял себя зря? Так не пойдёт.

— Алистер.

— Начальник.

— Проводник.

— Прародитель.

— Нашутился?

— Интриги не хватает. Я бы добавил напряжения и неизвестности, чтоб прям бухнуло!

— Мастер интриги...

Виктор не передвинулся с места, зло воззрясь на меня и стукнув об черноту элегантной тростью. Он редко ходит, стоит, засох мужик. Но если по-честному, человек бы дал ему тридцать с хвостиком. Красавец брюнет, точёные черты, строгий, серьёзный, каменный. Ну честно, такой видной внешности... Его можно понять: Виктор вечен, а кто хочет вечность выглядеть, как гоблин? Сделал он себе тело и личико конечно божественные. Кидает Богу

вызов? Я бы сказал, что привлекательнее меня не существуем во всех двух мирах, но я на втором месте.

Да, вы не ослышались, я признаю его и ставлю на пьедестал.

Но я сейчас себя оправдаю. От Прародителя веет угрозой, а от меня очарованием. Красивый... весь в папочку! Если он Прародитель, то можно считать его своим отцом. Вот до чего доводит Тихий...

Но каким бы ни был Виктор, он всегда казался более приземлённым, чем тому требуется. Он до мозга костей отдан своему титулу. Есть три разряда Проводников, но существует тот, кто их создал.

— Плохо выглядишь, Алистер.

Удар под дых. Я? Плохо выгляжу? Пора бы отправить этого деда в Тихий, чтобы опустить его стандарты красоты.

— А вы выглядите отлично. Но я же не вру, и вы попробуйте.

— Тебя кто-то ударил по лицу, — трезво рубанул Виктор.

— Это похоже на миф. Меня никто не бил. Меня любят.

— А пощёчина откуда? Она... красная, — исказил черты лица. — Как же ты до такого опустился, Зрячий Проводник Алистер?

— Не нужно мне напоминать о моём положении. Я в курсе.

Я-то точно в курсе. Полицай зарядил мне по щеке, и я незначительно прочувствовал это, как и всё, что находится в Тихом. Но тот мужчина прям отыгрался на мне. Да, я притворился, ибо думал, что на мне не отпечаталась его рука. А она, оказывается, красным пятном разошлась по моей щеке. Ещё одна аномалия. На Проводниках нет ран, кроме тех, благодаря которым мы помогаем уйти в мир иной клиентам. Ещё ж при начальнике... С недавних пор мне чертовски не везёт.

— А ты не огрызайся, Алистер. Ты можешь сказать мне, почему на тебе след от пощёчины? — сам же видел. Зачем спрашивать?

Я принял серьёзное выражение и утихомирился. Негоже при Прародителе шутками забавляться. Если не вести себя с ним так же сосредоточенно и серьёзно, то будешь огребать отданную тебе вечность.

— Нет, не могу, Прародитель, — я опустил голову, но затем сразу же поднял. — А вы знаете, почему это со мной происходит? Мне сложно так работать. Не поймите неправильно, мне просто надо осознать, что же стряслось. Раньше было... по-другому.

— Я прекрасно осведомлён о твоей «проблеме». Но сначала тебе необходимо меня послушать. Ты сам догадаешься, где корень твоей так называемой «проблемы».

— Покорно слушаю, Виктор.

Хорошего предчувствия во мне не станет, оно лишь определяет, насколько плохо мне будет от того или иного действия.

— Зачем существует Мрак? В нём обитают Проводники. Кто такие Проводники? Проводники — существа, которые «проводят» человека к смерти. Это смягчение их безжалостной участи. Сами портят себе жизнь, а мы берём и снимаем часть их тяжести. Появления Проводника надо заслужить, поэтому нас не много и не мало. В последние сутки Проводники работают, помогают разобраться клиенту в своих ошибках или выговориться, выбор каждого. С вашей стороны должна исходить свобода, к которой живые так яростно стремятся. Вы — полноправные прислужники. Не забыл?

— Никогда не забывал. Я предан работе и вам, и никому боле. Нет кандидатур. Я всё

так же преданно служу вам.

— А своду?

— Вы на первом месте, свод — на втором. Вы же его создатель, как и мой. Я обязан вам всем, что у меня есть.

— Правильно мыслишь, но жаль, что порой заблуждаешься. Когда меня нет, ты почему-то забываешь обо мне. Как Зрячие это называют? Эксперименты? Они позволительны, но не тогда, когда с ними явный перебор.

— О чём вы?

— О тебе, — направил на меня наконечник трости. — О ком же ещё?

Я чувствую себя детсадовцем, которого воспитатель ругает за сломанную игрушку. Мне стыдно бывает только с Виктором, вот прям конкретно. Он не впервой меня отчитывает, но сейчас как будто его терпение скоро лопнет.

— Слушаю, — покорно склоняюсь я.

— Ты надо мной издеваешься, — твёрдо забил гвоздём в меня Виктор.

— Никак нет.

— Ты только со мной ведёшь себя как послушный подчинённый. Переигрываешь. Где же твои искромётные шутки, как в начале? Уверен, и мне посвящена парочка. Стесняешься? Стыдно? Разумеется, нет.

— Ну, обстановка шибко неподходящая... — не ждал, что когда-то я стану мямлить. Исключительно Виктор способен вызвать во мне этикие чувства. А что я оправдываюсь... Я же сам беру на себя вину происходящего с клиентами. Я не в своей форме.

— Это твой дом. Неподходящая? Или ты согласен пообщаться в Тихом? Там удобно?

— Не режьте меня, Прародитель.

— Потом ты захочешь, чтобы я резал. Правда всегда такова, это-то ты осознаёшь: натренировался с клиентами. Правда ранит, и она не пройдёт мимо тебя. Ты столько натворил, что я буду смаковать твой приговор.

— Приговор? У вас интонация злодея из сказки.

Виктор усмехнулся и смахнул чёлку со лба, воззрясь на меня с загадочным выражением. Радужки у него серо-белые, зеркальные, глаза миндалевидные. И здесь меня обошёл. Посмотрите на мои глаза — в обморок упадёте. Запомните меня до конца жизни!

— Ты стал мягким, до отвращения самонадеянным. Думаешь, почему у тебя три задания подряд связаны с детьми? Второе было «экспериментом». С Шарлотт правда было непросто, но почему ты решил своим долгом братья за Банжамин? Ты принципиально должен был забыть о ней. Что тебя так заинтересовало в ней? Добрая, сломленная, глупая, доверчивая... Она не твой клиент и не чей больше.

— Она же...

— Умерла? Она всего лишь упала из окна. Не утрируй. После твоего исчезновения она задышала. Ты по таким критериям выбираешь союзников? Весело, ничего не скажешь. Они не вонзят нож в спину по твоим думам, выводам, надеждам. Но откуда надежда? Когда она в тебе взялась? Почему ты её принял? Алистер, опрометчивое решение. Мы не знаем слов «надежда», «вера» и все их составляющие. Проводники — психологи. Тоже забыл?

— Я помню.

— Сколько детей разочаровали тебя за эти два с половиной суток, кроме меня, Ефима? Я насчитал три.

Три? Он, верно, ошибся. Акира — один, Банжамин — два... Ни за что, он не третий. Я

не разочаровывался. И точка.

— Мне озвучить?

— Не имею необходимости.

— Замечательно. Но мне дико захотелось. Итак, это ещё не всё. Не закатывай глаза.

Я не умею их закатывать... Что за чертовщина?..

— Ты их закатил, да. — Монстр какой-то. — Практика с детьми плохо на тебя влияет, — как ни в чём не бывало продолжил Виктор. С чего ты решил, что им можно доверять? Становишься глупыми, как и они. Банжамин обязана была стать для тебя предупреждением, но ты всё-таки пообещал защищать меня до конца. Как мило, — скривился.

— А ты хорошо играл. «Песочек, песочек...» — Я возвращаюсь в себя.

— Благодарю. Как ты бы выразился «Я не отчаялся», а я — «Лишился моего, Виктора, дара». Я тебя создал, я ты в свою очередь непростительно пользовался мной. Твой разум оскудел. Дети его поели. Не взрослые живые, а малолетние. Они сделали тебя податливым и водяным.

— Водяным?

— Ты забыл свои настоящие обязанности. И к слову, Жак изменял Шарлотт. — Я сдержался от того, чтобы открыть рот. — Твоё упущение. А ты его защищал, то есть стоял за себя. И, погоди... Не выпучивай на меня глаза. Молчи, тебе как будто девяносто лет, будь взрослее. Отвечу сразу на вопрос, который не мог не всплыть в тебе: в чём заслуга Шарлотт? Она спасла кошку от голода в детстве, дав ей поесть. Та померла на следующий день, но и это подойдёт.

— Ты издеваешься? Виктор, это не причина! Ты понимаешь хоть, как я натерпелся? Ты специально. Ты специально подсунил мне этих низких людей! — с укором выразился, наконец, я. — Ты следил за мной.

— Потому что ты перестал справляться со своей работой. Да, спасение кота — не причина. Всего лишь повод, хлипкий, но хоть что-то. В моих обязанностях наказывать подчинённых. Только потом я понял, что тебя полезно держать на коротком поводке. Ты больше не сбежишь. И мечтай о свободе.

Мой пыл, как явился, так и источил себя. Я вмиг перестал соображать. Как же?.. Я же Проводник... Я всегда справляюсь... Нет никакого блядского приговора! Виктор отыгрывается, он издевается надо мной, ищет, чем сильнее придавить; ломает и прогибает, как только вздумается. Виктор беспощаден по своей натуре. Он Прародитель.

— Чего замолчал? Ах, ты же стал самонадеянным. И кстати, я следил за тобой только эти последние полтора суток, захватив какой-то час твоего пребывания в Ниигате, к счастью для тебя, согласен? — Я так и остался с закрытым ртом. — Обожаю, когда ты молчишь. Я ещё не начал, а ты пóуже перебираешь в памяти все свои проколы. Как прелестно.

По правде, нет. Я слишком волновался, чтобы что-то вспоминать. В такие моменты надо слушать Виктора внимательно, ибо он не заставляет себя повторяться. Чем больше слушаешь его, тем страшнее ты себя чувствуешь. Я нахожусь на том знаменитом обрыве. Нагулялся же на грани — получай то, что заслужил.

Словно я в каком-то дешёвом фильме-детективе, в котором злодей в конце раскрывает свой злодейский план. Но мой начальник хитрее, и он не злодей. Мы поменялись местами. Я стал злодеем, которому озвучивают приговор. Не хочу участвовать в таком плохом фильме.

— Свод правил Проводников.

Сколько он ещё будет бить меня словами?

— В его знании ты переиграл самого себя, а в итоге проиграл по полной программе, — хриплый смешок вышел из его ехидных губ, но затем он вернул своё нормальное состояние — до жути холодное. — Правило номер четыре: «Не жалеть клиента в секунды перед смертью». Ты сам можешь напомнить себе, с чем связано моё недовольство, связанное с четвёртым пунктом.

Я закусил губу — привычка.

— Что это сейчас было?

— А? — на многое меня не хватило.

— Ты прикусил губу. Живые это называют привычками, повадками или манерами. Как их обычаи переметнулись на тебя? Позволишь себе ещё проколоться на людских составляющих...

— Извините, что перебиваю, но такого впредь не случиться.

— Правил номер шесть: «Не злоупотреблять своими способностями». Что ты делал, когда ты защищал меня от Иглы и Пушки?

Меня рассмешили их клички в исполнении Виктора, но не позволил смеху вырваться. Виктор нынче разошёлся на мне, а что, есть повод. В его глазах грозы, посвящённые лишь мне одному. Они клокочат и попадают в цель.

— Ты стирал им память с миллисекундной скоростью, что считается за злоупотребление.

— У меня не было выбора, — на сцену выхожу я. Свет мне. — Всё шло по плану, по своему предначертанному плану. Ход событий я не искажил. Они бы пристрелили меня или продали.

— У них бы не получилось, сам вникаешь.

— Хорошо, не продали бы. Я должен терпеть наставленный к моему лбу пистолет? Даже у Проводников есть самоуважение. Все со своими причудами. Каждый работает по своей отработанной технике. В чём моя вина?

— В непредусмотрительности. Я дал тебе зрение, слух, осязание, а ты их игнорируешь. Ну что же ты, Алистер. Что тебя удерживает? Пользуйся на здоровье. Однако и выстрел не добавил бы твоим отговоркам веса. Пощёчина не проходит.

— Тогда я бы стоял перед вами с дыркой во лбу. А почему у меня не проходит пощёчина? Вы знаете, но скрываете от меня. Я заслужил? И здесь выходит куча вопросов. Я жду, что вы сжалитесь надо мной и расскажете.

— Рассказать-то расскажу, ты правда заслужил. Правило номер три: «Не вмешиваться в отношения клиента с его окружением». Ты забыл об этом пункте напрочь, — рубанул Виктор, повышая тон. — Напоминаю, с твоим приходом в жизнь людскую ты слегка меняешь общую обстановку. Повторюсь, «слегка». А ты что сделал? Альберт и без того ничтожный планктон в людском обществе, но ты его зацепил, заставил усомниться в собственной надежде, что Шарлотт вечно будет его любовницей. Ты показал Альберту, что у него нет даже шанса, потому что из могилы вышел Жак. Поворот событий! — Прародитель безэмоционально выделил эту часть.

Мы оба понимали, как жалко это звучит, а может, и нет... Ему совершенно параллельно, как звучит та или иная мерзкая сторона личности индивида, он говорит, как есть, без прикрас. Это его обязанность.

— Но Банжамин больше всех пострадала от твоего влияния.

— Она и без меня была испорченной, — буркаю я.

— Ты отлично осознаёшь, о чём идёт речь. Ты надеялся, что я тебя не трону, что наказание не настигнет тебя. Просчитался.

— И какое же наказание?

— Не перебивай меня, — голос погрубел выразительнее обычного. Во мне словно всё застывает от этого тона. — Ты поменял её мнение о своей матери! Она могла остаться с Шарлотт; насильно, но ты бы не мешал. Умерла бы или нет со временем от голода — не твоя прерогатива. И вдобавок, что ты там наговорил Шарлотт? Измениться её наставлял? Максимум что тебе позволено: повлиять на прощение человека самого себя. Какого чёрта ты решил исправлять живого?!

— Хорошего чёрта...

Виктор сжал ладонь на набалдашнике трости, но не делал шагов навстречу.

— Проводники живут во Мраке, они никто в Тихом. Кем ты себя возомнил?

— Зрячим Проводником. Я делал то, что считал нужным.

— Игнорируя свод.

Не хочу этого признавать, но Виктор прав. Он прав абсолютно во всём, что бы я ни бросал ему, дабы отчиститься. Я посмел вторгнуться в жизнь не клиента, а живого, и, похоже, поплачусь благодаря этому сполна.

— Ладно, если бы ты просто подталкивал их задуматься, но ты ведь предлагал им это от души.

«От души» он произнёс с особой интонацией. Мало кто способен так выразительно выкладывать свои мысли, применяя крайнюю степенность и рассудительность.

— Душа? Ты становишься похожим на человека.

— Я Проводник, я априори не могу быть на них похожим.

Я слепо шёл по кривой дороге. Знаю, что концовка нашего разговора не закончится чем-то хорошим, но Виктор бессилён в том, чтобы причинить мне явный вред. Я не боюсь, а опасаясь.

Сравнение меня с человеком вызвало во мне неопределённые чувства, будто отклик. Ни за что. Я не человек. Я не какой-то смертный живой. Я совсем другой.

— Алистер, удивительно, сколько ошибок совершил. Свод, — с ту же секунду между длинными изящными пальцами вспыхнул сложенный вдвое листок, — наше всё! — Виктор прогремел более торжественно. Даже обидно, что, имея в виду меня, он не использовал данную интонацию.

Да-да, свод — это не толстый, покрытый пылью, том.

— Правило номер два гласит: «Не контактировать с другими Проводниками». Ты не ошибся: это не заключение столь скучной беседы. Итак, — сделал паузу, — как на этот раз ты будешь оправдываться, Зрячий Проводник Алистер?

— Не стоит напоминать о моём статусе, Прародитель Виктор, я в курсе. У вас он, кстати, меньше.

— Ха-ха, — «по-мужски» добавил Виктор, не выдавая ни единой лишней эмоции. Вот истинный робот, чья сущностью обязана жить в любом Проводнике. — Давай посмеёмся вместе. Помнишь Мартина?

— Мартина? Последний клиент Мартин у меня был семь тысяч четыреста сорок часов назад. Память мне не изменяет. Имя редкое. Постойте...

— Ранний. Или, если тебе не хватает информации, некий Ной, захвативший всё твоё

внимание, — Виктор ехидно улыбнулся, на миг вытаскив кончик языка, проведя по нижней губе. Дьявол.

— Он был Проводником? — я опешил.

— Да. Ты же ощутил его присутствие.

— Ощутил, но... Я не обнаружил на его теле признак Проводника. На нём не было ран.

Он чист.

— А ты парик снимал?

— Парик? — я вспоминал, как проверял всего Ноя, но на нём так и не оказалось знаков.

Кто же знал, что на нём парик? — Всё равно не нахожу смысла. Тогда пульс у него откуда?

Ной — человек. Хватит путать меня и заставлять чувствовать себя виноватым. Связанных с ним бед у меня нет...

— Беды, и вправду, какие? — Виктор приподнял правую бровь. Ну что, топи меня, папочка. — Он умер, и его смерть на твоей совести. Ной — это мой особый эксперимент. Он пример того, что может случиться с тобой, с любым Проводником. Несмотря на то, что Ной был Ранним, я подправил в нём сознание. В итоге он не выдержал и стал человеком. Неполноценным, но человеком. Представляешь, его труп по окончании миссии не исчез, он лежал в каком-то морге, а клиент получил жестокую концовку.

Не может быть... Я убил своего сородича, коллегу и человека разом. У него билось сердце, я понимал это, но меня не остановили собственные опасения. Я торопился и не успел всё как следует обдумать. Не ошибка, а непростительный провал во всей моей практике. Я не приму этого никогда.

— И ты ухудшил его состояние своей близостью. Ты установил между вами контакт, губительный для вас обоих. Но ты жив, — легко добавил он, причинив мне ментальную боль. — Ваши тела состоят из особенного вещества, похожего на глину. Это вещество сделано специальным образом, чтобы Проводник беспрепятственно перемещался меж мирами. Его тело поменялось в строении. В нём появлялись органы, — замедлил темп, добавляя значимости. — Самое базовое: сердце, вены, кровь, лёгкие. Но тело Ноя после смерти начало разлагаться. За этим наблюдали патологоанатомы и учёные, осматривали его остаточное вещество в микроскопе. Открытия себе уже присваивали. Но когда тело разложилось до кончиков пальцев благодаря веществу Проводника, они забыли про все свои наблюдения и результаты открытий исчезли, как уход Проводника после миссии.

Я перебирал эту информацию и с ужасом представлял, что живые творили с моей семьёй. Как они посмели тронуть Ноя?.. Он ведь был готов жить в Тихом...

— А хотя знаешь, я пока не буду раскрывать завесу тайны, зачем мне понадобилось устраивать с ним данный эксперимент. Не тебе же одному иметь от меня секреты, согласен?

— Как пожелаете, Прародитель.

Я не в себе. Недолгая пауза снова заполнилась бархатным голосом Виктора, которому пора бы хлопнуться...

— «А у тебя есть цель?», «Хорошо работать, выполнять задания соответствующе и исправлять людей».

Я мигом вздрогнул от жуткости представшей предо мной картины: Виктор в точности повторил «свой» голос Ефима в Тихом и переключился на мой собственный голос, он воспроизвёл его... Я вдохнул стерильного воздуха и выдохнул, вперившись в одну точку — серебряную пуговицу чёрного мундира Прародителя.

— Исправлять людей захотелось? Они, определённо, хуже нас, но кто тебе приказал их

исправлять? Это написано в своде? Ты заметил, что в нём нет пункта о неприкосновенности живых? Их там нет, проверь. И проверишь заодно себя на знание. — Виктор резко взмахнул пальцами, которыми держал свод, и тот попал мне точно меж теми же.

Мне больно держать, да чего там, раскрывать бумажку. Я знал наизусть все эти правила, бахвалился ими, а на деле не следовал описанным в нём пунктам. Они как семья, часть Мрака, моего любимого Мрака, который был мне настоящим домом. И я предал его.

Совість съедала меня полностью, полгощала, а я будто в замкнутом круге, полном вины, долбаной правды, ошибок и непослушания. Мне стыдно за своё детское поведение, ужасно стыдно. Был бы шанс повторить все эти три дня сначала, я бы не повторялся, я бы следовал своду на сто процентов. Поздно.

Поздно и невозможно. Не потому что время не перемотать, а потому что я бы всё равно совершал те же проколы. Я бы не исправлялся. Мои изменения начались со времени пребывания в Ниигате, и я ни за что не соглашусь менять что-либо, связанное с Токамати. Вот там я не ошибся ни в чём и не собираюсь исправлять.

А всё же я пролетел по всем пунктам.

Благодаря подставному Ефиму Виктор окончательно решил вызвать меня во Мрак. Наговорил ему всякого, а теперь приходится расхлёбывать не только за единственного Ефима, но и за Шарлотт, Банжамин, Жака. Эта миссия официально стала моей самой ненавистной. Проклинаю тот день. Проклинаю себя за незнание. Глупые люди, глупая кончина, глупый Проводник, который подумал, что сможет исправить их и дать мимолётный шанс. Всё бессмысленно, ведь через сутки они обо мне благополучно забыли. Но меня кольшет одно воспоминание... Я сомневаюсь, что Банжамин не видела. Глаза выражали крайнюю тревогу, сильные эмоции. И без меня бы она переживала в такой-то ситуации, но я не могу бросить это своё опасение.

Я виновен и беру на себя ответственность за всё, что натворил.

Я сложил свод, посмотрел на него, на то, что крепко связывает меня с родным Мраком, и бросил его Виктору. Листок исчез в его пальцах.

— Проверил? — я лишь кивнул. — Там нет правила о неприкосновенности обеих сторон.

— Но почему-то мы следуем этому мнению, — серо и сухо сказал я вдогонку.

— Его там нет, но не существует Проводника, который шёл наперекор. Помнишь нашу первую встречу?

— Никогда не забуду. Вы тогда об этом и говорили. Ваши наставления вечность в моей памяти. Я не предаю вас, Прародитель. Вы всё для меня.

Из губ вылетали какие-то слова, я не следил за ними и был полностью заморожен Мраком и всем Виктором. Будто у иного нет шанса вылезти из меня. Я обязан Виктору всем, что имею. Я его раб.

— Я сказал о неприкосновенности, потому что это элементарно. Данное знание важно и непоколебимо, оно должно сидеть в подкорке. Подними на меня глаза.

Хватит шутить надо мной. Когда напоминание о моём изъяне исходит не от меня, то пути связывают моё тело. Особенно Виктор. Он имеет надо мной все рычаги и давит... давит... давит. Я исполнил его приказ — поднял.

— Ты умудрился нарушить целых четыре правила. А их шесть. В своде правил Проводников всего шесть правил. Как так вышло, Алистер? Не знаешь? Я тоже без понятия, — Виктор покачал головой, завёл за спину трость и подошёл ко мне, оказавшись от

меня в четырёх шагах. Он забирает моё внимание без остатка. Я не я. — Проводник проводит к смерти, а не спасает от неё. Увы, я не сказал тебе это при нашей встрече. Прошу прощения. Я грешен в том.

С меня вдруг слетела та неясно откуда взявшаяся пелена самобичевания. «Я не я»? Что за чушь! Что такого повернулось в Викторе?.. Если он извинился, то я ничего теперь не понимаю в этом мире. Во всех мирах. Но и тираном он не был. Я запутался в его словах, в своих действиях, пагубных для нас, в работе Мрака. К слову...

— Виктор, ты чего?.. — неуверенно начал я, собираясь подойти. Но он сделал шаг назад.

— Наверное, ты бы не стал таким, если бы я предупредил тебя заранее. Но я не беру вину. Она лежит на нас с тобой. Ты вырос хорошим Проводником, я мало кем настолько горжусь, как тобой. Все годы, проведённые в Тихом, не прошли даром ни для кого.

— Виктор, ты...

Он поднял руку, призывая дать ещё минуту.

— Но сейчас я вижу, что моё молчание сыграло мне на руку. И тебе. Потому что человек растёт, поскольку знает, что было с ним в начале. Я должен пойти на это раньше, чем у тебя вырастут органы.

— Они не смогут вырасти... Виктор, говори прямо! Я уже не могу от этих секретов и наших с тобой ошибок! Уже слово это противно! Я не вынесу боле ни одного такого разговора, понял? Прошу, я не выдержу.

Я взмолился перед Прародителем и наконец взял его за плечи, имея хоть какую-то опору. Я не способен стоять. Я чертовски волнуюсь, на что он пойдёт после стольких речей, стоящих мои нервы. Они не выдерживают. Мне нужен Виктор, мне нужен хоть кто-то, ради кого и из-за кого я буду существовать.

Прародитель, помогите мне.

Виктор, собравшись с мыслями, поднял на меня взгляд белых холодных глаз. Настал мой рок.

— Ты отстраняешься от звания Проводника раз и навсегда.

Виктор не собирался мне помогать. Это я, глупец, возложил чрезвычайно тяжёлые надежды на своего создателя.

И куда мне теперь? Третьего мира не существует, есть лишь Пустошь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net